

ЕЛЕНА СЧАСТНАЯ

ДОЧЬ РЕКИ

Елена Счастливая

Дочь реки

«Автор»

2019

Счастливая Е. С.

Дочь реки / Е. С. Счастливая — «Автор», 2019

Чтобы спасти отца, Гроза вынуждена запереть от мужчин своё сердце. Но оставшиеся в наследство от матери чары крепнут и несут смертельную опасность для того, кто решится его завоевать. Да только воевода уже задумал выдать замуж своевольную дочь. А пламя запретного влечения норовит растопить лёд в душе девушки. Один путь – уйти, спрятаться от того, лишает покоя. Но дорога извилиста и трудна, а новые встречи лишь путают клубок судьбы ещё больше.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	29
Глава 4	40
Глава 5	51
Глава 6	61
Глава 7	75
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Елена Счастливая

Дочь реки

Глава 1

Вдалеке шептала река. Её голос вплетался в шорох высокой травы, которую Гроза раздвигала руками, чтобы было легче идти. Она всё ускоряла шаг, прислушивалась, замирая время от времени, и продолжала продираться туда, где её ждали. За стеной ольховника, под кровом старых ив, что росли на берегу уж, верно, сотни лет. Роса намочила подол, осела каплями на коже. Лёгкий туман распушил волосы – и неспешный ветер трогал мелкими прядками скулы, щекоча, заставляя то и дело отбрасывать их от лица. Звенели, покачиваясь, височные кольца на ленте, и серебро их обжигало распалённую долгой ходьбой кожу, словно льдом.

Уже скоро. Освобождение – без груза на душе, без прошлого, что тянет назад, словно дикая лошадь.

Но позади послышались вдруг шаги. Торопливые, тяжёлые – мужские. Затрещал валежник и ветки под нетерпеливыми руками. Вспорхнули из травы вспугнутые птицы, заверещали недовольно, браня неожиданного гостя, который наделал столько шума.

– Гроза! – грянул оклик издалека.

Эхо его пронеслось над землёй, качаясь. Ударило в спину, и Гроза побежала. Не оборачиваясь, всё дальше и дальше от преследователя, голос которого словно кожу разодрал на ленты. По шее, плечам, вниз до самого пояса. До крови, до россыпи пятен перед глазами – как бисер. Шагов Грозы не слышно было вокруг, как будто сам лес помогал скрыться. А может, потому что она уже не человек? Только речной дух, что пленяет мужские сердца, а после губит их?

Легче пера она пронеслась среди зеленоватых осин да бурых сосен – и вылетела на берег, изрезав руки острыми стеблями едва не в кровь. Значит, человек всё же. И больно, и саднит ушибленные о шишки босые ступни – а чувство это странно-приятное. Настоящее.

Голос мужчины всё гулял, путаясь в ветках, отражаясь от широких стволов – не понять теперь, в какой стороне. Успеть бы.

Гроза подняла взгляд, провела им вдоль туманного русла, что парило, словно кипятик, и наткнулась на фигурку, точно обрывок полупрозрачной кудели. И она увидела в этой фигуре себя: те же волосы, что казались слишком яркими среди этого припылённого утра. И рост тот же, и как будто даже наклон головы. Но стоило женщине шевельнуться, как наваждение рассыпалось.

– Ты привела его... – бросила вила холодно. – Не пожалела.

– Я не вела, – Гроза замотала головой, медленно приближаясь к ней. – Я не хотела. И жизнь ничью в уплату своей не отдам.

– Но он здесь. Он готов пойти за тобой куда угодно. Разве нет? – женщина обернулась, и её синие, словно яхонт, глаза ударили безразличием той, кто не принадлежит Яви. Кто ходит по грани, то появляясь в мире людей, то пропадая, разрушая души несбывшимися мечтами.

– Я не хотела, чтобы он шёл. Я хотела уберечь...

Гроза насторожилась, когда шаги упрямого преследователя стали громче. Вот-вот, и он выйдет на берег – а там заберёт его река, растечётся душа пленённая по водам Волани – и пропадёт он. Но Гроза не хотела того, хотела, чтобы он жил без неё. Не думал, не помнил о том, что было. Но странно – она сама не помнила, кто он. Пыталась призвать его лицо перед внутренним взором – и не могла. Только в груди саднило что-то, словно вырванный кусок души.

– Ты не можешь уберечь, – после долгого молчания вновь заговорила женщина, которая так напоминала Грозе её саму – и в то же время была совсем другой. – Ты можешь только решить, пойдёшь за мной сама или отдашь его.

Раздвинулись густые косы плакучей ивы, что скрывали Грозу и вилу от чужого взора. Она обернулась, чтобы посмотреть в его лицо. Чтобы вспомнить или узнать, кому Недоля так судьбу спутала, что с ней свела, не уберегла...

И проснулась от того, что её кто-то потряс за плечо.

– Гроза, ты чего? – голос Беяны, слишком звонкий в воцарившемся безмолвии сновидения резанул по ушам. – Просыпайся, ехать пора дальше.

Вот же разморило, так разморило. Кажется, всего ненадолго присела под сосной, прислонилась спиной, давая отдых уставшим от долгой езды в седле ногам. И провалилась в дрему. А может, навёл кто?

Она огляделась: кмети, что сопровождали княжну Беяну к жениху, посматривали на неё с легкой насмешкой во взорах. А что, сама же вызвалась верхом ехать, отказалась с женщинами садиться в повозку. Кому теперь жаловаться?

Гроза встала, разглаживая понёву, и улыбнулась подруге, которая с тревогой на неё смотрела.

– Чего-то сморило меня, – буркнула, потирая глаза. И как будто стояли ещё перед ними остатки короткого, но такого ясного сновидения.

Она видела его не раз, но никак не могла дождаться того мига, как узнает лицо того, кто за ней бежал. Кто хотел спасти её или наказать. Но кого непременно хотела уберечь она сама.

– Немудрено, – махнула рукой Беяна. – Так рано нынче поднялись. Так долго ехали. Ты бы, Твердыта, пожалел нас малость, – она повернулась к десятнику, который что-то укладывал в седельную суму. – Чай не пропадёт Уннар, коли подождёт нас чуть дольше.

Старшой обернулся через плечо.

– Княже велел не задерживаться нигде, – бросил. И губы скривил недовольно.

И так захотелось ему бороду его чернявую повыдергать, гаду такому, что аж в пальцах закололо. Но тот невозмутимо отвернулся и легко запрыгнул в седло. Беяна вместе с наперсницей Драгицей, женщиной строгой до сварливости, вновь уселись в телегу на широкую, мягко устланную шкурами скамью.

– Может, к нам всё же? – лукаво прищурилась княжна, похлопав ладонью рядом с собой.

Да Гроза только рукой махнула. Уж воеводова дочь может и в седле ехать: она никогда того не чуралась и даже любила. Да вот зимой-то не довелось много верхом кататься. А тут сразу – и в дальнюю дорогу. Потому и ноют ноги и кажется, что стёрто всё до крови. Но ничего, пройдёт.

Как все расселись, снова тронулись дальше.

День нынче выдался тёплый до одури: так вышло, что после Красной горки такое нечасто было. Всё как-то непогодилось. Но уже давно скинули лёд реки, и сама полноводная Волань дышала могучей силой, пуская во все стороны пряный дух с лёгким ароматом молодой муравы, пробившейся на открытых прогалинах и пригорках. Отступили холода непостоянного цветень-месяца¹, уступив наконец настоящему вешнему теплу травеня. Добраться бы к дню Даждьбога², куда нужно.

Гроза и платок теперь на плечи спустила: не преть же под щедрым весенним Оком, что, верно, сам Ярило нынче с небоската выпучил. Ждёт дня своего, греет землю, в которую вот-вот уж и семя бросать пора. Кмети и головы в сторону Грозы чаще поворачивать стали, шурились всё, словно светило само им глаза слепило. Думать надо, что нарочно: только немой, верно,

¹ Цветень – апрель.

² День Даждьбога – 6 мая.

пока жила она в княжеском детинце, не отметил ещё густую рыжину её волос, не попросил дотронуться, желая ощутить буйную женскую силу. Да вот только немых в дружине князя Владивоя Гневановича отродясь не держали. А потому парни тут же запереговаривались, решая уже, кому первому колкую или жаркую похвалу девушке отпустить.

Поддал пятками в бока своего коня кметь Стрижко, вмиг нагнал Грозу и, легонько дёрнув, попытался забрать платок с плеч. Та ухватилась за самый край, потащила на себя, прямо глядя в задиристо сверкающие голубые глаза гриды.

– Ты посмотри, ещё огреет тебя, – похохатывая, бросил ему в спину соратник.

– Не огреет, – хмыкнул тот и дёрнул сильнее. – А, Гроза? Скажи ещё, что не из-за меня в путь с княжной отправилась.

Натянулась плотная ткань платка, почти соприкоснулись бока лошадей, притянутых друг к другу волей всадников – один упрямее другого. Гроза прищурилась, растягивая губы в улыбке, а Стрижко и вовсе на сытого снегиря стал похож, аж покраснел слегка от шеи и до щёк.

– Конечно, из-за тебя, – Гроза потянула платок ещё немного, чувствуя, как нарастает напряжение.

И отпустила. Стрижко качнулся назад, и свалился бы из седла, если бы не успел колени сжать сильнее. Отпрянул его конь в сторону, недовольно зыряка круглым глазом. А парни так и зашлись от хохота: едва сами на землю не посыпались, как спелые орехи.

– Прекратили веселье! – гаркнул Твердыта. – Нашли время.

А сам всё ж улыбнулся. Гроза платок на ладонь намотала, набирая другой конец, а после расправила и снова накинула на плечи.

– Ты бы прикрылась, – недовольно буркнула с повозки наставница княженки. – Застудишься ещё.

– Где ж застужусь? – та усмехнулась только, едва повернув к ней голову. – Уж сколько можно прятаться от Ока. Сил нет за всю зиму-то.

– Да не трогай ты её, Драгица, – бросила Беляна со вздохом. – И впрямь ведь жарко.

Княжна потрепала край платка, пуская под него воздух. Зазвенели её нарядные колты на широком тканом очелье. Но всё ж платка узорного она снимать не стала. А Гроза подмигнула ей, благодаря за поддержку. Против ворчливой Драгицы не всяк выстоит: устанешь словом отбиваться так, словно мечом махала весь день.

Гриди наконец смолкли, отсмеявшись, закончив осыпать Стрижко насмешками. Снова заняли свои смешавшиеся было места впереди и позади повозки княжны. Сколько – неизвестно – проехали вёрст, а подступающий вечер осел на плечах едва ощутимой влагой, что ещё висела в воздухе, поднимаясь от впитавшей снег земли. Первая ласка Отца-Небо своей жене после лютой зимы.

Драгица побубнила ещё что-то тихо и ворчливо – да и замолчала, уgomонившись. Только взгляды её неодобрительные всё ж так и сыпались в спину, как снежные комья. Как будто Гроза мужняя уже, что и платка снять нельзя. Да разве наставнице это втолкуешь? За подругу княженки та переживала не меньше подопечной: всё ж под её началом та какой год воспитывалась. С тех самых пор, как забрал её отец – воевода Ратша – из дома почившей своей сестры, которая много лет была для Грозы вместо матери, что покинула её и мужа своего, не оставив объяснений, не попрощавшись даже.

Чудилось постоянно в словах и взгляде Драгицы осуждение. Не нравилось той, что Гроза и ратному делу малость обучена – отцовский недогляд: негоже мужицким делом девице на выданье маяться. Да и что кмети вокруг неё уж больно вьются густо: большая опасность, что следующего Купалу дочка воеводова девицей не проводит – и замуж выйти не успеет. Или, может, даже на Ярилу Сильного сведёт кто из особо упорных кметей в лесок.

– Глазищи у тебя колдовские, – говаривала часто, как случалось в светлице за рукоделием засесть с ней и княжной. – Что топь ледяная. Вот парни и теряют покой.

И косилась в сторону окна, за которым внизу шумело ристальное поле княжеской дружины. А что Гроза могла с глазами своими поделывать? Судачили, в мать пошли: она-то не помнила толком, а сны – они не в счёт. Вот и теперь Драгица посматривала на неё искоса и всё не одобряла: что едет та в седле наравне с кметями, что с косы своей платок шерстяной сбросила, дразня словно бы. И что молчала на их внимание, только пуще распаяя горячую от Ярилиного жара кровь.

– Зря она с нами поехала, – уловила Гроза краем уха слова Драгицы, что та почти шепнула Беляне.

– А чего это мне ехать с вами нельзя? – обернулась к ней.

Та, кажется, и не ожидала. Но быстро сбросила растерянность и поджала губы.

– Непутёвая ты, Гроза, – только и сказала.

Уж отчего так решила – кто разберёт. А Беляна только языком цокнула и очи горе завела, устав от причитаний наставницы. И без того невесела была княжна в те дни, что собиралась в дорогу до жениха своего, за которого давно князем сговорена. И даже не потому, что невесте положено грустить о покинутом отчем доме и роде своём горевать. И песни петь печальные, заунывные о нелёгкой доле, что ждёт её на жениховой стороне. Глодало Беляну изнутри что-то другое, о чём она даже Грозе, своей подруге самой близкой, мало говорила. Но та догадывалась, конечно.

Одно дело, когда к жениху Уннару, сыну ярла с острова северного Стонфанг, сердце не лежит. Другое – когда занято оно уже с прошлого лета, и тот, кто там поселился, тем больше его тревожит, чем дальше находится от своей зазнобы.

Но Беляна, кажется, смирилась с волей отца. Или просто другим хотела это показать. И вот они второй день уже ехали отрядом большим, да не слишком, к городу Росич – а оттуда по глубокой Росяне должны были отправиться на север в лодье, которую боярин местный уже для княжны приготовил. Много кметей с собой в дорогу брать не стали: потому что встретят на другой стороне хирдманны ярла и сопроводят до самого Стонфанга, как за щитом.

Гроза и могла остаться в Волоцке: и без неё невесту довели бы и с рук на руки передали. Да только самой нужно было из города, из-под внимательного взора князя вырваться. Что бы там ни решал себе отец, а она давно уж себе другую судьбу назначила. И нужно было с этой судьбой лицом к лицу встретиться. Иначе никак родителя от сердечной тоски по утерянной жене не спасти. Терзала она его уже несколько лет, иссушивала, превращая могучего воина и воеводу, гордость княжеского войска, едва не в старца. Хоть ему ещё в полной силе хозяйство бы вести, жену себе другую искать да земли княжества стеречь подле Владивоя.

Но нет. Сдавал самый ближний его боярин – а потому услали его из Волоцка в острог подальше. И выбросить жалко, ведь просто так не погонишь взащей: всё ж друзья с владыкой – и пировали за одним столом не раз, и кровь проливали. Но и оставить в детинце нельзя, потому как рассеян стал воевода, а то и забывчив порой. Уроки тела, кои каждому воину положены, стал забрасывать. Хозяйством занимался едва-едва. И всё чаще можно было найти его сидящим в хоромине неподвижно, глядящим куда-то в пустоту.

Больно было Грозе от вида отца, которого она помнила ещё полным силы и удали. Потому хотела она его избавить от таких мучений. Но дело то опасное и неведомо чем окончится.

Помалу смеркалось. Светило покатилося к окоёму, слепя глаза лучами, брошенными прямо вдоль тропы. Гроза прикрылась ладонью, стараясь взглянуть в жёлтую, словно масло топлёное, даль. И успела увидеть только, как встали на пути тёмные широкоплечие фигуры. Как разрезали быстрыми лезвиями свет несколько стрел. Одна ударила кметя Болота в плечо, только едва не достав до шеи. Вторая просвистела мимо. Дёрнулся и другой дружинник, успев, однако, уклониться.

– Поднять щиты! – гаркнул десятник. – Женщин укрыть!

Схватил щит и развернул коня к Грозе. Двое других кметей кинулись к повозке. Полетели ещё стрелы, но застучали по окованным доскам. Из ближних зарослей вывалились оружные мужи: налетели, принялись хватать лошадей и пытаться вытащить всадников из сёдел. Гроза выхватила меч и опустила его на голову подоспевшего татя. Тот увернулся чудом. Прищурился.

– Женщина! – гаркнул удивлённо на свейском.

Вцепился в лодыжку и со всей силы дёрнул на себя. Она попыталась удержаться за шею своего мерина, но всё же соскользнула. Рухнула наземь и тут же пнула мужика абы куда. Тот отпустил, ругнувшись. А Гроза вскочила на ноги, поддерживая подол. Только и хватило времени, что чуть оглядеться. Кмети всю цепились уже с татями. Грохнула, опрокинувшись, телега, когда раненый в шею конь, дёрнулся в сторону и рванул куда-то, обезумевший от боли и испуга.

– А ну, иди... – тать снова бросился к Грозе.

Она повернулась, уже заметив его краем глаза. Рассекла ему на груди стегач, какие носили русины. И даже молот Тора на шее увидела – прежде чем тать увернулся от её клинка. Впереди встал на изготовку стрелец. Чуть вдалеке. Вскинулась к тетиве стрела: и подумать-то некогда. Увернуться – но с другой стороны уже снова отпугнутый противник путь преградил.

И тут стрелец выгнулся сам, словно лук, а из груди его прорвалось окровавленное остриё на тонком древке. Аккурат там, где сердце. Мужик качнулся вперёд и рухнул лицом вниз. Промелькнул позади него высокий гибкий стрелок – и пропал из вида. А Гроза меч вскинула, отражая удар русина. Больно отдалось в локоть. Заскрежетала сталь. Немыслимая ярость толкала сейчас тать в спину. Уже не добычу себе захватить, а убить осу, которая ужалила его несколько раз.

Подол мешался: всё ж тайком от отца Гроза в портах упражнялась. Но сноровка осталась та же. Она ускользала от русина, хоть и самого его достать не могла. Прислушивалась к шуму вокруг, боясь, кабы не случилось страшного. Прорваться бы к Беляне. Осталась она совсем без заступы: все кмети заняты боем.

Стрела взметнула растрёпанные волосы у виска. Гроза замерла на миг, подавившись собственным сердцем. Убили или нет ещё? Тать, только наступавший, опрокинулся назад, тихо и резко.

– Кто только меч тебе дал... – раздалось за спиной ворчание.

И снова в короткий миг тот же русоволосый стрелец широкими лёгкими шагами перебежал на другую сторону дороги, занимая более удобное место. Скрылся за кустом боярышника – только макушку и видать да наконечник вскинутой стрелы.

Короткий взмах его руки – и на дорогу со стороны Волани вышли ещё мужи. Надавили всей гурьбой – и русинов вдруг в живых не осталось. Кто-то, конечно, и в кусты успел сбежать, едва унося ноги. А кому-то пришлось в засохшую размолотую копытами и сапогами грязь лечь. Гроза, как очнулась от пыла схватки, сразу опрометью к телеге бросилась, не разбирая ещё, кто жив, а кто мёртв. Едва не сшибла десятника, который только противника своего зарубил. И видела, что вокруг мужи незнакомые, да кто такие помощники эти – и после узнать можно.

Беляна с наставницей сидели на земле, зажатые густой стеной осинника и вставшей на ребро телегой. Княжна подвывала тихо, возилась, будто всё никак удобно ногу поставить не могла. А наставница утешала её беспрестанно.

– Телегу уберите! – крикнула Гроза мужам, так и не сумев к ним протиснуться.

Того и гляди качнётся повозка и придавит женщин. Кмети тут же бросились на подмогу. Навалились и снова на колёса поставили. Одно сломано оказалось.

– Живы? – тут же обеспокоился Твердята. – Слава Макоши и Доле, что сохранила.

Княжну попытались на ноги поднять, но она припала на левую, громко всхлипнув. Схватила за бедро, повисла на мужском плече.

– Да вы что, окаянные! – взвилась Драгица. – Не видите? Зашиблась она. У, дуболомы. Отойдите лучше.

И сама подхватила Беляну под локоть. Гроза шагнула было тоже помочь, но её едва не оттолкнули.

– Будем тут на дороге до ночи толкаться, – пророкотал незнакомый муж, спина которого в зелёной свите только и мелькнула перед глазами. – Какие все скромные.

Он лихо подхватил Беляну на руки. Та ойкнула только, цепляясь за его широкую шею, объятую толстой гранёной гривной. И такой испуг смущённый в её глазах пронёсся, что и не вступить: потому как ничего худого не творится – и спокойно смотреть нельзя, потому что за такими взглядами порой и следует самое большое любопытство.

– Сюда, – захопотала Драгица, расстилая на мягкой травке за обочиной толстый войлок, что вывалился из телеги вместе с остальными вещами. – Сюда сади.

И помощник неожиданный мягко опустил княжну на него. А после уж ко всем обернулся, чуть откидывая за бедро тул со стрелами. Стрелец тот проворный – Гроза не удивилась даже. Собрались гурьбой его люди, что так смело за отряд княжеский вступились, не особо разбирая, видно, кто прав. Да не слепые же: и так понятно. Кмети всё шарили глазами по земле, где лежали не только тела русинов, но и своих. Десятник сокрушённо качал головой, хмурясь и думая, верно, что князю говорить станет, как оправдываться, что не углядел.

А Гроза чужих ватажников оглядывала, не убирая пока меча в ножны: так и держала всё в онемевших пальцах. Но всё больше взгляд цеплялся за того мужа, в зелёной короткой свите, что сначала её спас от стрел и меча татьего, а после и княжне подсобил. Неведомо сколько они стояли так, смотря друг на друга. Незнакомец – с насмешкой колкой в глубине орехово-карих глаз, с улыбкой лёгкой на обрамлённых рыжеватыми усами и бородой губах. Смешно ему было, знать, видеть девицу с оружием. А Грозе вдруг неловко стало, что она за себя даже толком постоять не смогла. Куда уж Беляну защитить.

– Как звать тебя, Лиса? – тихо спросил он, словно для них двоих.

Гроза и ладонью по косе растрёпанной провела, сразу смекнув, с чего ей такое прозвище досталось.

– Ты бы сам назвался наперво, – одёрнул его десятник.

Быстро уловил любопытство в тоне незнакомца. Кмети по его приказу принялись место схватки обходить и своих искать, кому с земли нынче встать не посчастливилось. Их надо теперь в город везти. Не бросишь тут. Помощник неожиданный не поторопился с ответом: проследил взглядом за дружинниками, а после оглянулся и на своих людей, что за его спиной смиренно ожидали.

– Рарогом меня люди кличут, – ответил наконец и растянул губы в не слишком доброй улыбке.

Оно и не удивительно вовсе: о том Рароге изрядно были наслышаны в княжестве уж два лета как. И неизвестно ещё, чего было в людских толках больше: одобрения его за то, что русинов, треплющих самые ближние к морю веси и города, время от времени гоняет, или злости за то, что он вдоль Волани и притоков её ближних едва не как князь хозяйничает. И никому-то его поймать не удавалось. А тут вот он: стоит прямо перед княжеским десятником и бежать, кажется, не собирается. Да и как его вязать? Помог ведь. А иначе, если русины и не порубили бы всех насмерть, так в полон свели бы да и продали где. Или отбиться бы, может, удалось, да большой кровью. Как только они вглубь княжества пробраться смогли, ведь не бывало такого ещё прошлым летом: всё ближе к Северному морю околачивались.

– А не шутишь? – прищурился Твердыта. – Нынче Рарогом называться всяк может. В лицо его мало кто знает.

– Мне нет нужды другим прикидываться, – повёл муж плечом, на котором перекинутым лежал ремень налучи. – Мы с русинами этими утром столкнулись крепко. Кто успел лоды

свои развернуть. Кто нет – тех почти всех побили, но некоторые ушли по берегу. Вот и на вас налетели. Видно, лошади им понадобились.

Кмети так и замерли все, прислушиваясь. Но одного грозного взгляда десятника на них хватило, чтобы снова разбрелись, не задерживались.

– А вы тут как оказались? – не унимался Твердыя.

– Встали неподалёку струг один подлатать: на пороги налетели выше по течению. В погоне-то, – спокойно разъяснил Рарог. – А эти, видно, где-то рядом проходили. Не знали о нас. А то не сунулись-то разбойничать так недалеко.

– Сами-то... – буркнула Драгица, выслушав рассказ. – Спасибо вам, конечно. Да шли бы своей дорогой теперь.

– Подожди, – махнул на неё рукой десятник.

Огляделся ещё раз, вздохнул. Людей и без того не слишком много в отряде было: для княжны, конечно, достаточно, чтобы не так далёко проводить, а вот отбиваться – не очень-то, как оказалось. Теперь и вовсе дальше как ехать?

– Ты чего раздумываешь? – усмехнулся ватажник. – Коль хочешь попросить, чтобы проводили вас, так попроси. Мы ж люди незлые. А особенно девиц никогда не обижаем. И раз надо их в сохранности до места довести...

– Ишь, девиц ему! – снова огрызнулась наставница.

Княжна зашикала на неё, конечно. А после и сама привстала, осторожно ступая на ушибленную ногу.

– Если вы проводите нас, – заговорила твёрдо, – отец мой вам очень благодарен будет.

– Нам теперь в Волоцк возвращаться, – напомнил десятник. – А там находникам вряд ли кто обрадуется.

– А нам вот Волоцк не помешает, – разулыбался Рарог. – И он меня ничуть не пугает. Нам бы лодью починить. А там мастера, как водится, самые лучшие. И коль ты, княжна, обещаешь, что нас там никто теснить и гнать не станет, то мы вас даже по воде туда доставим. Так быстрее будет.

Вот же сметливый какой: уж и догадался, что перед ним не какая-то боярышня, а сама княжна. И чем это теперь обернется – знать бы. Гроза переглянулась с десятником, которому опасная затея княжны так же не понравилась, как и ей. Она отошла в сторону, присела рядом с Беляной, пока мужи что-то между собой ещё решали.

– Хорошо ли с находниками речными якшаться? – она оглянулась на Рарога. – А вдруг заведут куда, а там и потреплют твоё приданое? Да и тебе подол. Не слыхала о них, что ли? Грабят купцов разных, бывает. И неведомо, на какой излуине подкараулят.

– Они помогли нам. И не торопятся добивать. Хоть и могли, – возразила Беляна. Приглядываясь к Грозе пристально, отчего-то даже голову чуть набок наклонив. – Чего это ты струсила вдруг?

Гроза только плечом дёрнула. И сама не понимала, чего так тревога её колотила. Верно, хотели бы зло какое сотворить, так уже сотворили бы. Ватажников теперь было даже поболее, чем кметей. И говаривали, в “дружине” Рарога воины все умелые: не просто сброд для устрашения. Хотели бы потягаться – не медлили бы, верно.

– Ну, смотри. Достанет Владивой Гневанович розги и отстегает тебя, как в детстве бывало – за такую-то дружбу.

Она встала, поправляя подол и опуская на голову княжны гневный взгляд. Хоть и немногим, а старшая подруга. Вон и Драгица глядит в кои-то веки одобрительно, кивает. Но пока женщины между собой рядились, мужи уже всё решили: станом одним на ночь расположиться, ведь в дорогу теперь уж не тронешься. Стемнело почти. И завтра на рассвете по реке обратно к Волоцку собрались двинуться. А лошадей отправить под присмотром двух кметей по дороге,

потому как всех на струги не загонишь. А телега всё равно теперь бесполезна: с убитым-то мерином. Да и обод колеса треснул.

И никто возражений Грозы слушать не стал. Мужички предпочли позабыть на время, что они вовсе друг другу не приятели и не соратники: мирно развернули шатры, что вынули из телеги и стругов. Костры развели и запасы принялись из мешков доставать. Женщинам одно и осталось, что раненых обиходить-перевязать и помочь хоть какую вечерю справить на всех.

– Хоть поедим нынче вкусно, а не то месиво, что ты нам, Калуга, каждый раз стряпашь, – веселились ватажники, поддевая одного из соратников: хмурого светловолосого парня с жидкой, словно растрепленный лён, бородёнкой.

– Можешь лучше, так сам в другой раз вари, – оскалился тот.

– Да не мужичье это дело!

Калуга дёрнулся было к обидчику, сжав кулак, да усидел на месте. И по всему видно, что такие стычки – не сразу поймёшь, шуточные или серьёзные – случались меж ними частенько. Мужички пошумели малость и смолкли, встревожив весь лес, уже слышавший шаги подступающей ночи, а потому тихий и настороженный. Отсветы костров плясали по стволам ив, и по воде, по бортам стругов со сложенными парусами и переплетением снастей, словно паутина безумного паука. Кмети поначалу помалкивали, а после влились в разговор помалу, подкрепившись и подобрев слегка. Правда, тела соратников, сложенные в отдельном шатре, никому не позволяли нынче веселиться. Хоть ватажников они не очень-то печалили. А вот Твердыня и Рарог сидели вместе со всеми, но как-то больше молча. Наблюдали и друг за другом, и за воинами своими: кабы не вышло случайно какой склоки. Теперь Рарог был серьёзным и даже как будто усталым немного. Но не забывал поглядывать на Грозу, которая устроилась рядом с Беляной и Драгицей подле женского шатра. И было княжне любопытно до жути: видно ведь по блестящим глазам и заострившемуся в напряжении что-то расслышать лицу – но строгий взгляд наставницы остужал её получше ведра холодной воды.

Скоро совсем уж немоготу стало сидеть под присмотром Рарога. Как будто силился он что-то в Грозе рассмотреть того, что другим знать не надо вовсе. Она, едва закончив вечерю, встала, прихватив котелок: воды набрать, чтобы нагреть слегка да посуду сполоснуть – и пошла вдоль берега чуть в сторону от становища. Как будто вода там была другая. Глупо, конечно, но хоть пару мгновений одной побыть.

Гроза прошла вдоль полосы речного берега, глядя как покачиваются на волнах струги, большие, на полтора десятка пар вёсел. В таких и по рекам ходить удобно, и в море выйти не заробеешь. Она слушала, как гомонят парни чуть в стороне, тихо хмыкая и почти умолкая, когда чей-то рассказ подбирается к самому любопытному месту. Наверное, у разбойников речных, много разных баек: они не раз за то время, что Волань не покрыта льдом, успевают пересечь княжество от края до края да и в соседних побывать. И кажется, вроде: люди пошиба низкого, без совести перед Богами и людьми, без стыда за собственные деяния, а смотришь на них – и притягивает будто что-то. Вольность во взглядах, улыбках и даже движениях. Да и не походят они на головорезов, которые любого не пощадят. И на тех не походят, кто в пути постоянно, а потому или одёжи со знаками не своего рода-племени, а абы какой, или говора непойми с каких краёв. А как будто люди они здешние, и семьи у них даже есть где-то. Говорят не грубее иных кметей в дружине княжеской, и одёжа справная, как будто того, откуда они в ватаге Рарога этого появились, вовсе скрывать не хотят.

– Чего грустишь, Лисица? – голос чуть хриплый, поддевающий словно заусенец какой в душе, что-то глубинное, догнал Грозу в спину.

Она остановилась у границы воды: так, что та почти ступней, обуток в справные черевички, касалась. Волшбу эту Гроза давно заприметила: как близко бы к воде живой текучей ни подходила, а никогда ног не удавалось замочить, коли нарочно по колено не влезть. Вот так подкатит волна к носкам самым сапожкам, лизнёт почти – и отхлынет. Ступню ближе подвиг-

нешь, на мокрый песок, который уж точно она должна обласкать – а нет, водица снова подбегает, но останавливается на какой-то вершок. И так долго баловаться можно.

– Чего бы мне не грустить? – фыркнула Гроза, помолчав. – Невесело день-то окончился.

Уже почувствовала она, как подошёл к ней Рарог близко-близко. Встал за плечом и наблюдает, не поторапливая, но и не уходя.

– Тебе печалиться нужды нет, – возразил ватажник. – Это десятнику вашему впору за волосы хвататься. Хоть людей почти всех ваших сберегли. И княженке всплакнуть бы в самый раз: нога-то у неё припухла.

– А ты и заметить успел? – не удержалась всё же. Повернулась.

И тут же орехово-карие глаза, сейчас не такие тёмные, как в тот миг, когда Рарог одного за другим русинов своими стрелами разил – вцепились в неё, ощупали будто. И отсветы дальнего костра резко очертили чуть худощавое лицо ватажника. По губам парня, вблизи совсем молодого, скользнула улыбка, как будто он в этот самый миг какую шалость задумал.

И зачем посмотрела?

– Я ж человек какой... – вздохнул он. – Коли где немного ножку женскую оголяют – я не могу такого упустить. Всё запримечу.

– Вот бы Уннару, сыну Ярдара Медного о том рассказать, – усмехнулась одним уголком рта Гроза. – Он бы тебе все глазелки отшиб надолго. Если не навсегда.

Ватажник только головой покачал, но его лицо на миг всё ж помрачнело. Да вряд ли от страха. Говаривали, люди Рарога, они хоть и сами находники лютые порой, а своих земель никому не отдадут. Будь то русины, что на своих драккарах по рекам спускаются, где глубина позволяет – чтобы грабить. Будь ещё какие лихие чужаки. Потому упоминание главы рода с ближнего варяжского острова вряд ли было Рарогу приятно.

– Зла ты на язык, Лиса, – чуть взвесив её слова, всё же ответил он. Головой тряхнул, отбрасывая со лба разметанные ветром пряди. – Смотри, как бы кто не покусал в ответ. Ты бы лучше подумала, как отблагодарить меня за то, что тебя спас. А то лежать бы тебе сейчас со стрелой в твоей кучерявой головушке.

Он поднял руку и легонько ткнул Грозу кончиком пальца в лоб.

– А тебя, гляжу, ещё как-то по-особому благодарить надо?

– Других, может, и не надо, – пожал плечами Рарог. – А я очень люблю, когда меня пригожие девицы благодарят именно по-особому.

“Вот же морда нахальная! – мысленно вскипела Гроза. – И ведь бровью не ведёт, как будто так и надо”. И даже ладонь зачесалась рукоять ножа на поясе собственном пощупать.

– Спасибо тебе, конечно, что помог. Без тебя худо пришлось бы. Но ты пойдика лучше к своим людям, – посоветовала она. – И нечего тут передо мной хвост распускать, точно тетерев.

– Ох! – притворно вздохнул ватажник, качнувшись назад и приложив ладонь к груди там, где сердце. А сам пол шажочка к ней сделал. И ещё. – Не даром Грозой тебя кличут. Придётся мне, видно, благодарности у княжны просить.

Стало быть, растрепали кмети её имя. Вот иной раз хуже баб!

– Да ты, кажется, голову застудил себе на речном ветру!

– Что бы ты ещё ни сказала мне, а я тому не удивлюсь, – быстро остудил её гнев ватажник.

А после вдруг рядом в один миг оказался. Только Гроза и успела в руку его вцепиться, которой за талию её обхватил. Впечаталась в горячее крепкое тело, что обдало жаром, а вместе с ним и стыдом с головы до ног. А ещё больше, когда губы Рарога накрыли её. Она рванулась, выворачиваясь ловко из торопливых мужских объятий. Сама сообразить не успела, как ударила ступнёй его по лодыжке, выбивая опору. Развернулась, толчком опрокидывая на землю. А другой рукой уж за нож схватилась. Тать он и есть тать – чего удивляться?

Рарог рухнул на чуть сырую траву. Но не иначе чудом каким успел ухватить Грозу за руку и мигом утянул за собой. Она плашмя свалилась на него. Переворот – и оказалась прижатой к земле.

– Вёрткая ты, Лиса, – проговорил он почти шёпотом. – Да я половчее буду.

Гроза вдавилась затылком в траву молодую, колючую, как Рарог поцеловал её снова. Отвернуться хотела, да уж поздно. Разомкнулись губы под его напором – и в голове дрогнуло и поплыло, когда ладони тяжёлые прошлись вверх от локтей к плечам. Гроза завозилась под ватажником бестолково, громко мыча – да всё ж не так, чтобы другие услышали. А после просто сомкнула зубы на его нижней губе.

– Вот же... – он едва удержал бранные слова.

Отшатнувшись, трогая укушенное место. Крови не было – а жаль. Зато Гроза вскочила на ноги и, отряхиваясь, быстро рванула к лагерю.

– Да не хотел я ничего плохого! – крикнул ей вслед Рарог, посмеиваясь.

Оно и видно, что не хотел. Гроза едва не бегом до стана неслась и всё по губам норовила ладонью провести. Хоть и можно было от знакомого нового ожидать и такого нахальства, а всё равно словно землю из-под ног выбило. Сколько парней и на Купалах последних, да и так, осмелев сильно, пытались дорваться до поцелуя, а ни у кого ещё не получалось. Не хотела она никого близко к себе подпускать. Правду сказать, не только потому, что сердце своё ей до поры на замке держать надо, а и оттого, что тому, кто слишком далеко её в душу свою пустит, очень худо после придётся.

– Ты чего? – недоуменно спросила Беяна, когда Гроза ворвалась в шатёр едва не кубарем. – Ошпарил тебя, чтоль, кто?

Гроза застонала, прикрыв ладонью лицо. Про котелок-то и забыла вовсе. Там остался, у воды. И едва подумать успела, как стук по остову укрытия заставил девушек повернуться ко входу.

– Гроза, ты там оставила посудину свою, – голос настолько язвительный, что хоть траву им коси, приглушённо донёсся из-за кошмы.

Просунулась внутрь рука с котелком треклятым и поставила его наземь. Беяна бровь вскинула, косясь на подругу.

– Спасибо, – буркнула та громко, с облегчением слушая удаляющееся шуршание шагов.

– Рассказывай, – бросила княжна, едва удерживая улыбку, что так и норовила растянуть губы.

– Нечего рассказывать, – отмахнулась Гроза. – Задумалась и котелок забыла на берегу.

А как будто в наказание за ложь поцелуй давишний так и загорелся на губах. И мысль пришла подлая, что вовсе он не был противным. Дурманное ощущение – сплетения собственного дыхания с чужим, горячим, ударяющим в голову пьяным теплом. И вкус был у него – орехово-терпкий, как у сбитня, что согревает зимой. И от размышлений таких даже волоски на коже поднимались. “Колдун он никак, Рарог этот”, – проворчала про себя Гроза. Но княжне, дело понятное, ничего говорить не стала.

Скоро вернулась и Драгица, закончив мыть миски. Тут уж стыдно стало, что не помогла. Да женщина и не сердчала, кажется.

Всю ночь покоя не давало близкое соседство находников. Переговаривались тихо дозорные, которых оставил Твердята: мало ли, чего от помощников ненадёжных ожидать, да и русины могут снова подкрасться. А после и вовсе непогода напала на лес, обрушилась, словно сова в темноте – бесшумно, неожиданно, накрыв крыльями холодного ветра, что завывал, скрипел сосновыми ветками вдалеке. Пробирался в какую-то щель шатра и студил ступни, даже надёжно укрытые шкурами.

Как начало светать, завозились продрогшие кмети, засобирались, решая на какой струг кому садиться. Любопытно им было тоже. Недовольно зафыркали потревоженные лошади.

Послышались первые резкие приказы десятника. Беяна заворочалась на своём месте, ещё не желая вставать. Зато Гроза подскочила, как ужаленная, хоть и не отдохнула почти. Махнула рукой приподнявшей голову Драгице – отдыхай ещё, мол. И одевшись уже в дорожное, запахнув плотнее свиту, вышла наружу. Даже зажмурилась на миг от того, каким свежим нынче оказался ещё вчера тёплый почти по-летнему воздух.

Опасалась, признаться, насмешки в глазах ватажников. Уж вряд ли старшой их смолчал о том, что вечером приключилось. Расписал всё в красках самых ярких да и от себя, небось, прибавил. Но те, если и посматривали в её сторону, то спокойно, хоть и с понятным интересом мужчин, которым девицы на пути встречаются не так часто, как хотелось бы.

Как Дажьбожье око начало просачиваться светом своим густым и тёплым сквозь лес, золотя тонкие ивовые ветви и паутинку берёзовых, отгоняя колючую прохладу в тень, как все уже были готовы выдвигаться. Один только струг оставили ненагруженным, лишь с гребцами – тот, у которого бок был разбит и наспех заколочен досками. На остальные посадили мужчин – кого на вёсла тоже, а кого так, на скамьи между ватажниками.

– Непогода поднимается, – проговорил один из людей Рарога, обеспокоенно глядя в ещё почти ясное небо.

Но уже тянулись с севера облака, расползаясь, не успевая пока закрыть небо. Но ближе к окоёму они становились всё гуще, превращаясь у самого края в тяжёлый свинец, свисающий к земле расплавленными нитями далёкого дождя.

– Может, протянет? А, Волох? – нахмурил брови Рарог, проследив за его взглядом.

Тот неопределённо качнул головой, теребя чёрную бороду. Подумала сначала Гроза, кого напоминает он, а как имя, прозвище ли, услышала, сразу поняла. Видно, с южных Ромейский краёв этот ватажник. И кожа-то больно смугла, и волосы тёмные, под стать почти чёрным глазам. Такой крови в этих землях не водится.

– Вряд ли протянет, – всё же не стал обнадеживать Волох. – Но ливнем сильно не должно зацепить.

Да разве с волей Отца Небо поспоришь? Как он решит, так и будет. Не зря завывали Стрибожьи внуки: ненастью быть, да хотелось верить, что всё ж не слишком сильному. Ватажники, рассаживаясь по своим местам, оставили требы водяному. Бросили в воду – чтобы он не лютовал, а то ведь и напакостить может, если должное уважение не оказать. Тем и успокоились.

И повезло ведь Грозе плыть в одной лодье с Рарогом этим несносным. Но тот, на счастье, вид сделал, что ничего накануне не случилось. Позабавился, видно, да и наскучило ему. Понял, что больше с Грозы ничего не взять.

Понесло течение могучей Волани струги в сторону Волоцка: даже и грести не надо. Верхом от него сколько вёрст было отсчитано, два дня пути – а обратно гораздо быстрее получится. И Беяна тому отчего-то радовалась заметно. Косилась на неё с подозрением Драгица: как ни скрывай печали свои сердечные, а всё равно что-то да просочится и слуха наставницы достигнет. Вряд ли много, но и это заставляло сейчас женщину беспокоиться. А уж пуще всего, верно, будущий гнев Владивоя.

Как ни любил дочку свою князь, как ни баловал порой, а тут он её возвращению не обрадуется.

Глава 2

А непогода всё расходилась. Стрибожки внуки носились вдоль русла меж деревьев, так и норовя платок с головы сорвать: уж тут и не подумаешь, чтобы снять его. От уха до уха продует. Белёная пелена на небе с утра превращалась помалу в тяжёлые тучи, которые будто бы всю зиму набирали где-то воду и теперь решили непременно обрушить всё на струги, что тащились по неверному теперь течению, сузившемуся руслу, в сторону Волоцка.

– Ветрила собрать! – гаркнул Рарог своим людям. И его зычный, сильный голос разнёсся далеко в стороны. – Снять мачты!

Засуетились сразу на всех стругах, словно только по одному звучанию его умели распознавать, что он требует. Но хлопотание это только в первый миг показалось бестолковым, а в другой стало видно, что каждый ватажник верно знает, что ему делать нужно. Резво сняли одна за другой все мачты и уложили их на дно, хоть и работа то нелёгкая – а как будто вмиг справились. Гроза только и наблюдала, открыв рот, за слаженной работой мужчин. Рарог сам у кормила сел, пристально глядя то по сторонам, то на людей своих, которые, справившись, снова по своим местам рассыпались, готовые братья грести. Но пока старшой справлялся сам.

А ветер всё крепчал. Серая гладь Волани пошла крупной рябью, что иногда всплескивалась самыми настоящими волнами, какие, верно, и на море бывают. Струг закачало заметно. Беяна сглотнула и прижала ладонь к губам, побелев до зелени. Да и Драгица задышала чаще, то и дело принимаясь бормотать что-то. То ли к Богам обращение, то ли к водяному самому, чтобы не погубил. Течение заметно изменилось. Русло стало ещё уже, а по берегам появились лысые головы торчащих из воды камней. Они всё росли, пока не обернулись стенами невысоких, но глубоко вдающихся в реку скал.

– Половодье нынче хорошее, – отчего-то довольно сказал Рарог. – Много камней под водой.

Как будто опасность разбить и второй струг вовсе его не тревожила. Полил дождь. Резко, словно треснули наконец все хляби, не выдержав напряжения. Опрокинулись на головы людей, на деревья, пригибая даже голые ветви, а в широкие лапы молодых елей, что цеплялись за края утёсов, и вовсе били, точно в бубны – до звона.

По лицу потекли холодные дорожки: только и успевай стирать, чтобы видеть хоть что-то. – Прикройтесь! – гаркнул Рарог.

И по его кивку женщинам подтащили большое полотнище запасного ветрила, что лежало свёрнутым под скамьями. Гроза развернула его быстро, не ведая, как сумела справиться с тяжёлой тканью – и подала другой конец Драгице, чтобы накрыть отчаянно стучащую зубами княжну. Так они и сели, нахолившись, как синицы под карнизом крыши.

А струг зашатало ещё заметнее. Беяна застонала, едва не закатывая глаза. Гроза озираясь по сторонам, думая, как бы дотянуться разумом, словом ли до сил тех, что реку ведают. Решают, спокойной ей быть или буйствовать под неистовыми ласками Стрибожких внуков. Да только она не знала ничего. Мать-то нечасто видела – и то во сне. Та обещала научить многому, но если только согласится Гроза уйти с ней, как придёт срок – через семь лет после первой женской крови. А сейчас она ощущала себя бессильнее мужчин, которые сели на вёсла, чтобы преодолеть опасное место реки.

“Река-матушка Волань, не погуби”, – только и приходилось повторять.

Вкладывать в слова весь пыл, всю волю. И ждать ответа. А может – безразличного молчания. Раненый русинами в плечо Болот, муж широкоплечий и высокий, да как оказалось, на нутро не слишком крепкий, вдруг вскочил и кинулся к борту. Видно, тоже худо стало, а палубу те, кто по воде ходят, говорят, пачкать не разрешают. Ещё и всыпят ведь за такое непотребство.

Но за изгибом реки прямо в бок первому стругу нацелился громадный выступ скалы. Рарог налёг на кормило, пытаясь ещё вывернуть. Ватажники рьяно ударили вёслами в воду, разворачивая лодью. Кметь неловко покачнулся и кувырком полетел за борт. Струг неспешно ушёл в сторону от опасности, а за ним – и другие, что следовали позади.

– Упал. Вот раззява! – гаркнули с одной из скамей.

– Где?

– На правом борту!

Рарог вскочил со своего места, ещё удерживая рулевое весло.

– Прими! – толкнул в плечо ближайшего соратника.

А сам поспешил к сердёжке струга, заглядывая в воду то с одной, то с другой стороны. Гроза выбралась из-под ветрила. Бросилась к борту тоже, приподняв сырой подол, спотыкаясь о ноги мужчин.

– Куда?! – Рарог развернулся к ней и остановил ладонью в грудь.

– Я помогу.

Он нахмурился непонимающе. Но не стал спорить и отталкивать снова.

– Не видно ничего в такой мути, – проворчал кто-то из ватажников рядом. – Может, и голову себе уже разбил о камни.

Старшой руку вскинул, приказывая замолчать. И взглядом на Грозу указал, которая медленно осматривала воды реки от одного берега до другого. Ещё о себе она знала одно, в детстве заметила: через воду видеть умеет. Не насквозь, конечно, но удавалось и кольца височные, оброненные подругами найти, и один раз даже дитя, сынка младшего одного из селян, который с моста упал, отыскать, пока беда не случилась. Чувяла она невольно то, что увидеть хочет. То ли тепло какое узреть могла среди прохлады, то ли силу человеческую – и сама не могла объяснить. Она щупала серую преграду воды и старалась почувствовать кметя, с которым стряслась неведомо какая беда. Может, задела веслом в пылу гребли, или килем другого струга могло голову раскроить. Но тут среди холода глубины, сквозь переплетение водорослей и тины – до самого дна – она ощутила сияющий комок ещё горячей жизни. Смахнула с лица капли, что так и норовили глаза залить. Встряхнула ладонью и сжала в кулак, чувствуя, как озябли пальцы.

– Вон там – указала рукой в сторону каменистого берега, что взбирался в крутую горку у подножия утёса.

– Уверена? – Рарог заглянул в её лицо. – Я два раза нырять не буду.

Гроза кивнула, гася в груди вспыхнувший страх: вдруг ошиблась? Старшой быстрыми движениями скинул плотную свиту, а за ней – рубаху, сверкнув в пасмурной серости непогоды светлой кожей спины и широких плеч, привычных к гребле. Скинул сапоги, развернулся и, легко оттолкнувшись ногами, прыгнул в воду. И залюбоваться бы сильным телом, на миг изогнувшимся напряжённой дугой, да холод до костей уж пробирал – и о том больше думалось. А отойти от борта никак не возможно. Все струги приостановили ход, побросав якоря. И если чужого гридя ватажники и могли, верно, бросить, то своего старшого – никак.

Показалась скоро облепленная мокрыми волосами голова Рарога над водой. Он загрёб рукой воду и рывком вытащил на поверхность Болота. Почудилось сперва, что тот и вовсе без чувств, но он зашевелился вяло, помогая тащить его. А там со струга сбросили верёвку с доской на конце. Гроза, опершись на борт ладонями, наблюдала, как уверенно приближается к ладье старшой. Как борется с течением, что непреодолимо тащило его в сторону. Как захлёбывается порой всплесками волн. Но плывёт, дыша ровно, глубоко и зло.

Болота вытащили первым. А за ним сам забрался Рарог, распластался на дне струга между скамьями, среди расступившихся соратников. Его блестящая от воды грудь вздымалась высоко, он шурил глаза от падающих с неба капель, уже редких, но крупных. Кто-то поднёс ему сухую ткань – обтереться, а там и покрывало шерстяное, как будто заботливой женской рукой вытканное: до того красивое, узорное с кистями по краям. И пока он не успел накрыться,

Гроза высмотрела на предплечье его, суховатом, мускулистом, знаки, вбитые под кожу краской – волховьи как будто. Да откуда ж знакам таким на теле татя взяться? Показалось, может?

Гроза очнулась от раздумий, только когда Рарог на неё взгляд поднял, вставая, возвышаясь над ней снова, словно дубовый идол.

– Что смотришь, Лиса? Согреть хочешь? – улыбнулся бледными губами и одеяло, которым плечи укрывал, чуть распахнул.

– Спасибо, что вытащил его, – буркнула она, отворачиваясь. Слишком спешно, суетливо даже, чтобы не разглядывать его неволью.

Да и нечего на подначивания отвечать. Ему, похоже, только и дай, что скалиться. Слово серьёзное только ватажникам своим сказать может. Саму бы кто согрел теперь: кажется, и свита уж почти насквозь промокла, хоть и плотная. И до того манящей показалась мысль прижаться к горячему телу, укутаться в тёплое, чуть колючее шерстяное тканье. Да не про Рарога та честь.

Пока приводили в себя искупавшегося кметя, обтирали и переодевали, дождь совсем прекратился. Выбрались из-под ветрила и Драгица с Беляной. Княжна сразу за мех с водой схватилась, напилась вдоволь, гася последние волны тошноты. Одно что вода эта в лицо хлестала сколько. Там и переодеваться пришлось. Не совсем, конечно, но свиты, изрядно намоченные, сняли. Вместо них подоставали из ларей покрывала дорожные, чтобы спастись от коварной речной сырости и от прохлады весенней, что вмиг вернулась после дождя.

Течение снова успокоилось, растеклось в стороны к расступившимся берегам, вновь положим, поросшим густым ивняком и ольховником. А вдалеке стояли стеной синеватые ели, только иногда истончаясь и пропуская между стволов скупой серый свет. Гребцы оставили вёсла, а Рарога сменил у кормила другой ватажник, позволяя старшему отдохнуть и обогреться, хоть тот и успел поворчать о том, что греться надо работой.

Всё стихло, будто и не было этого ненастного буйства. Растрепались по небу облака, а к вечеру и вовсе небо вновь очистилось до прозрачности, через которую, верно, если приглядеться, можно было рассмотреть и сам Ирий.

Как ни опасался Твердыта, что провожатые нежданные задумали худое, а ни один из них и слова грубого за остаток пути никому не сказал. И всё больше старались они с гридями посудачить о том, о сём, а те и не противились сильно. И доносился со всех ушкуев постоянный мужской гвалт. Облегчённый смех – это после спавшего со всех напряжения и опасности: чего ещё ожидать от гнева Богов? А то и песни звучали, размеренные, наполненные особым дыханием, влившись в которое так легко грести. И кажется, успокоиться бы тем, что дорога обратная до Волоцка вышла спокойной супротив того, что творилось утром. А Гроза всё равно то и дело всматривалась в даль, встав у носа ладьи, давая в груди тяжёлую горечь от необходимости вернуться. Не нужно, не ко времени. Вовсе не сейчас надо бы снова в детинце оказаться. Когда князь там, не отбыл по важным делам, а занят только встречей купцов, что непременно оказывали правителю должное почтение и одаривали порой диковинами такими, что не часто встретишь. Когда только-только сердце успокоилось и от души отлегло.

Всё потому что, чем дольше жила Гроза в тереме почти наравне с княжной, тем сложнее становилось. Не от безобидного внимания кметей. Не от работы, которой никто дочку воеводу нагружать не стеснялся. А только от одного: что Владивой где-то рядом. И думалось всё, что одним только чудом неведомым удалось дочери его уговорить разрешить Грозе с ней отправиться. Упирался он, мол всё это пустое, что и наставницы ей вдоволь хватит, чтобы о доме вспоминать, а там жених окружит почтением и заботой. И всё же отпустил. Как будто спохватился, что слишком рьяно силится её рядом с собой удержать.

А она и рада была – чтобы с глаз долой. Чтобы в тисках воли своей её не давил. И желаний – всё больше постыдных. И манящих, конечно, толкающих на большие безумства.

– Ты переживаешь как будто, – проговорила тихо Беляна, встав рядом с грозой и оперевшись слегка на голову медведя, что венчала штевень корабля.

Лодыжка припухшая, конечно, всё ещё беспокоила княжну. Драгица причитала весь океанский день после того, как ненастье стихло, что Беяне скорее нужен лекарь. Уж и придумывать стала, что та и вовсе хромой остаться может: кому тогда в невестах нужна? Какому купчичу только. Неведомо зачем обидела купеческих сыновей, но грозилась, что сыну ярла припадающая на одну ногу жена точно мила не будет.

– За тебя переживаю, Бея, – Гроза мельком на неё взглянула и подивилась в очередной раз, какой радостью глаза подружки светятся. Словно невозможно тяжёлый груз сбросила.

– Да что мне будет. Мне худо только стать может от причитаний Драгицы. Как начнёт, видит Макошь, удавиться охота.

Девушка свела брови серьёзно, а после прыснула. С Грозой одновременно. Они обернулись обе на суровую наставницу, что так сидела у мачты, едва не до носа самого укутавшись в одеяло. И вид-то у неё был не слишком довольный. Да, небольшой, на десять пар вёсел, струг – не княжеская просторная ладья, где и укрытие развернуть можно, и сесть вольготнее. Тут и шагу лишнего в сторону не сделаешь. Но уж убедиться довелось, что любой ватажник здесь умел по своему кораблю так бегать лихо, что иной раз другие по ровной дороге медленнее ногами перебирают. Вот и Рарог, на которого Гроза снова взглядом натолкнулась, вдругорядь ловко проскочил мимо рассеявшихся на скамьях мужиков, мимо Драгицы, по пути спросив её о чём-то – а та только скривила сухие губы, обдав его строгим взглядом.

Да старшому-то всё равно было. Он направлялся прямо к девушкам.

– Что ты, княжна, отогрелась? – обратился к Беяне почти ласково. Но с прищуром таким, по которому сразу понятно становилось, что не за этим вопросом от кормы до носа шёл.

– Согрелась, благодарствую, – улыбнулась та и отчего-то на Грозу покосилась.

– А ты, Лиса? – тут же повернулся вслед за её взглядом Рарог.

– Я воды не боюсь, – та пожалала плечом. – А дождя уж подавно.

– Боишься, не боишься, а мочит она тебя так же, как и других, – рассмеялся парень. – Потрепало нас малость, да то ничего. Река беспокойна ещё. Вот летом разнежится, там и ходить можно будет гораздо легче.

– Да только тогда нам с вами ходить не придётся, – Гроза усмехнулась, поправляя на плечах тёплое покрывало. – Не узнаем, как оно.

Взглянула на подругу, а та и потупилась вдруг, как будто неловко ей стало. Станет тут: под таким-то острым взглядом Рарога. Сразу видно, птица он непростая, хоть и казаться хочет балагуром. Да куда ж деваться ему, если саму княженку на струге своим везёт.

– Я попросить тебя хотел, княжна, – заговорил вновь Рарог после недолгого молчания. – Мы до берега вас добросим, а там уж князю о нас много не говори. И людям своим прикажи: они послушают. Вон как десятник ваш о тебе печётся.

– Хорошо, – быстро согласилась Беяна, вскидывая голову. – Но совсем-то не смолчишь. Боюсь, кто проболтается всё равно.

– Скажите, что купцы какие вас подобрали. А там и самим в то поверится.

Тут уж всё верно: тем, кто на земле княжеской разбойничает, не хочется, чтобы в детинце о них много знали. Бок ладье починят – и затеряются снова на бескрайних берегах Волани, а то и других рек: поди сыщи.

– Скажем, – совсем тихо выдохнула Беяна, отчего-то внимательно разглядывая лицо Рарога. Тот кивнул и, коротко покосившись на Грозу, вернулся к корме и присел у весла.

– Ой, Бея, – вздохнула Гроза. – Не нравится мне то, как ты смотришь на этого татя.

– Влюбилась, думаешь? – резко развеселилась княжна. – А чего бы не влюбиться? Вон парень какой справный. Высокий. Поперёк плеч и руки не сомкнутся обхватить.

И на голос её звонкий повернулись сразу несколько мужей. Заговорили тихо, заулыбались, как будто один вид девиц для них – ока Дажьбожьего ярче. А Драгица – та и вовсе орлицей в подругу вперилась. Жалела, верно, что слышит не так остро, как видит.

– А ты совсем меня за глупню-то не держи, – передёрнула плечами Гроза. – Не твоего полёта этот сокол.

– Что же тогда? – лицо княжны снова стало серьёзным.

Слетели с неё все беспечность и напукное непонимание, точно сухой песок с ладони. Сверкнули болотные, как у матери – княгини Ведары – глаза предупреждением, чтобы сильно Гроза не смела в её мыслях копаться и допытываться того, что она говорить не хотела.

– Да то, что заприметила ты в нём что-то. И думы какие-то всё в голове вертишь. Смотри, княже узнает... – ничуть не оробела та от её взгляда.

– А ты отцу расскажи побольше, – вдруг на удивление зло огрызнулась Беляна. – Тогда мне и влетит сильней. А то, глядишь, свяжет меня – да так к Уннару своему и отправит, как овцу какую.

– Чего бы мне рассказывать, – вот теперь Гроза растерялась даже.

– Знаю я... – загадочно бросила княжна. – В тереме судачат давно...

Но осеклась, передумав говорить больше. Повернулась и пошла прочь – к Драгице, которая едва на месте уж не подпрыгивала, заприметив их небольшую склоку. А Гроза только взглядом её проводила, всё сглатывая и сглатывая сухость в горле. Да хоть всю реку выхлебай, кажется – всё равно горечи не унять. Судачат, стало быть: не убереглась. Ничто не укроешь от тех, кто обо всём знать хочет. Гроза содрогнулась мелко, бросив взгляд вдоль русла, которое изгибалось помалу. Ещё немного – и покажется за излучиной Волоцк.

И Волань скоро уж донесла струги до города. Нашлось место им на пристани за городской стеной, где уже стихала к вечеру торговля. Ещё редкие в начале травенья купеческие лоды слегка качали мачтами. Мужики на них проверяли снасти, готовясь назавтра или через несколько дней отплывать кто на север, кто на юг. Начинается самая пора для долгого пути в другие земли.

Отражалась осколками в ещё беспокойной глади реки твердыня Волоцка: самого старшего города во многих княжествах, что боками друг к другу теснились на подходе к Северному морю. Много раз на столе своим князьям из разных племён и родов менял. Кому помогая, принимая, а кого и прогоняя вон через луну-другую. Да как бы всё ни крутилось у стен желанного любимым правителем города, а всё равно вернулся в детинец однажды потомок славных пращуров, шедших и древнего рода Родиславичей. Ведь дети его Волоцк тут и поставили – у плавной излучины Волани, на холме невысоком, словно нарочно Матерью Сырой Землёй созданным, чтобы возвести на нём крепкие стены – одной стороной к воде – другой ко рву, что опоясал Волоцк с юга.

Вечерняя заря обливала башни города светом, обещающим наутро прохладу, словно малиновым соком. Пока шли до пристани струги, светило и вовсе уж тронуло верхушки сосен, что частоколом непроглядным росли вдалеке – за широким палом, за околицей веси, что разрасталась тут с каждым летом всё больше. А после Око начало тонуть и тонуть в бескрайнем море леса. Когда сошли на берег, уже смеркалось. Резво сбежали по сходням ватажники, на ходу прощаясь с гридями и желая им теперь уж под горячую руку русинам не попадать. Помогли и тела соратников вынести.

– Мирной тебе дороги, княжна, – напоследок подошёл к женщинам Рарог. – Как вновь решишь на неё вернуться.

Беляна кивнула ему чуть напряжённо, будто и слова подбирала, и не знала, что сказать.

– И тебе Рарог спокойной реки. Спасибо, что помогли нам. Что до дома так быстро проводили.

Она покосилась на Твердята, который встал в стороне, без особой-то благодарности во взоре наблюдая за старшим находников. И по его лицу, словно огрубевшему, легко можно было понять, что просьба княженки не выдавать помощников очень ему не нравилась. Не привык он перед князем юлить – да и обернуться может скверно.

– Бывай, Лиса, – парень повернулся к Грозе.

И отчего-то не оказалось в его голосе извечной насмешки. Не виделось в глазах желания уколоть, как только она что-то ему ответит.

– Прощай, – уронила она, словно камень в воду: аж у самой кругами по душе качнулось такое же тягучее сожаление, что прорезалось в линии плотно сжатых губ Рарога. Не задалось толком их знакомство. Да каких только в жизни ни случается – обо всех не напечалишься.

Но только собирался десятник отправить двух кметей вперёд в детинец, чтобы телегу к пристани прикатили: тела погибших гридей на неё уложить – только повернулся Рарог, чтобы на струг свой вернуться, а не пришлось. Спустились с высокого берега к самой пристани двое стражников. Больно хмурые: взглядами всё шарили по стругам, полным ещё ватажников, как будто точно знали уже, кто они все такие. Старшой находников и глаза закатил на миг: видно, хоть и надеялся, что обойдётся всё, да не слишком.

Гриды подошли ближе.

– Здравы будьте, – кивнули всем разом.

И тут же вперились в Рарога так, будто это он собственными руками кметей убил и княжне ногу ушиб.

– Мы и сами до детинца дойти можем, – едва не фыркнула Беляна, сразу разгадав, верно, зачем они сюда пришли.

– Князь велел проводить, – неохотно пояснил один из стражников. – И старшого тех, кто вас сюда привёз – тоже.

Рарог улыбнулся натянуто, когда пыливый взгляд гриды снова упёрся прямо в его лицо.

– Думается, гостеприимством князя я пренебречь не могу... – вздохнул так, будто сейчас огонь из его груди вырвется – до того взъярился, хоть вида и не показывал.

– Думается, нет, – ответил за кметей Твердята.

И почувствовал в его голосе невольное облегчение от того, что укрывать что-то от Владивоя не придётся, хоть он и готов уже был пойти на поводу у княжны – да лишь в благодарность за то, что ватажники всех до Волоцка в сохранности доставили. Рарог повернулся к своим людям и жестом подозвал двоих к себе. Те приблизились с видимой опаской: уж заприметили, что так просто им в стороне остаться и по-тихому из Волоцка уйти не удалось. Слишком зоркими оказались часовые на городнях. Слишком быстро их донесли ноги до детинца и обратно.

– Надеюсь, мёд князь для встречи гостей уже приготовил, – проворчал старшой.

Оружия, кроме ножа на поясе, он с собой не взял. Наверное, показать хотел, что никакого зла в душе не несёт, и ватажникам своим приказал кистени да ножи оставить на струге. Остальные проводили их обеспокоенными взглядами, но вмешиваться не стали. Люд на пристани даже гомон свой извечный притушил: до того всем любопытно стало, что такое вокруг вернувшейся в Волоцк княжны происходит. Но мужчины женщин плечами да спинами своими загородили – не разглядеть. Так и пошли вверх по пригорку до ворот, что к пристани выходили.

Скоро пропал за стенами речной дух, сменившись влажной пылью посада, запахом дерева от свежих срубов, что теснились вдоль стены: кто баньку справлял себе по весне, кто сарай или овин новый. В полном молчании все до крома добрались, усталые, как будто пешком все эти дни их Недоля по княжым угождам мотала. Беляна с Грозой только и переглядывались по дороге, безмолвно гадая теперь, как быть. И что Владивой пожелает неожиданным помощникам дочери сказать. Да и ей самой тоже.

Суетно оказалось внутри. И челядь как-то всё часто по двору пробегала. И голоса доносились встревоженные с другой стороны терема, что не видна была от главных ворот. Кто ж громко так кричал: никак снова сотник Деньша буйствует. Похоже, услышал уж о возвращении Твердяты, который привёл назад едва не разбитый отряд, что ему вверили. Десятник, слышав его, понурился больно: с сотником как свяжешься, потом ещё день в ушах звенит.

А там на крыльцо и княгиня Ведара сама выплыла. Плотно обхватывала её голову хитро намотанный убрус – складочка к складочке, и рясны наборные серебряные с колтами на концах свисали едва не до самых плеч, делая лицо княгини ещё строже, а зеленоватые глаза – холоднее. Она обвела взглядом всех, кто вошёл на двор, и выхватила Беляну, которая сжалась совсем. Строга была матушка княжны. И как ни мало в последние годы за дочерью следила, всецело обратившись после смерти третьего ребёнка к мудрости Макоши, а всё равно справлялась порой о её жизни. И отчитывала, коли казалось ей, что Беляна что-то не так по её разумению делает.

Но чаще всего княжна матери и не видела почти. Всё время у княгини жречество отнимало. То ткать рушники к обрядам, то требы приносить строго в те дни, что нужно. Макоши дней в году много и мудрость её вечно постигать можно. Только порой Гроза задумывалась: зачем мудрость эта той, кто о детях своих позабыла едва не совсем? Пусть и выросли они давно. Что Беляна, что старший брат её Обеслав – воин сильный и достойный наследник Владивоя. Зачем набирать знания, обращаться к Богам, коли не желаешь разумение свое после детям передать? Обратиться на них своё тепло, преумноженное любовью Матери Сырой Земли? Особенно на дочь, которая тоже рано или поздно станет женой и матерью.

А вслед за женой вышел и князь, на ходу укрывая плечи корзном, подбитым кунным мехом. Между бровей его уже темнела сердитая складка, а взгляд, словно зимний колодец стылый, бил каждого, на ком останавливался – но пока равно на всех, не выделяя даже Рарога и его людей. Владыка кивнул на все почтительные приветствия, что посыпались на него со всех сторон. Остановился перед прибывшими, спустившись с крыльца, не пожелав встать рядом с женой.

– Поздорову, путники, – голос его упал на головы тяжёлой стальной дланью, звеня от язвительности. – Чего угодно ждал, а такого – нет.

И тогда-то наконец его взор остановился на Рароге. Владивой вскинул брови, отчего пепел его глаз стал чуть светлее, а старшой легонько покивал, чему-то усмехаясь. И не было на его лице почтения и опаски – только вызов один.

– Вот как, – хмыкнул Владивой. – Бывает же такое...

И как будто узнали они друг друга, но это всё, о чём можно было догадаться. Внимание князя теперь обратилось к десятнику, с которого весь спрос. А Гроза, вдоволь напивавшись всеми чертами лица Владивоя – резко вычерченными даже в мягком свете вечерней зари, невольно посмотрела на княгиню. Ведара так и стояла за его спиной, возвышаясь над ним, словно Морана сама. Правду сказать, её старшая жена князя напоминала сейчас больше, чем Макошь, к которой так стремилась.

– Что стряслось, Твердыя? – сразу бросил Владивой десятнику, который смело вышел вперёд, готовый рассказывать обо всём, о чём его пожелают спросить. – Почему моя дочь здесь, а не садится на лодью в Росиче?

– Так русины на нас напали, княже, – развел дружинник руками. – Трое кметей погибло. Беляна, от, ногу подвернула сильно. Надо бы лекарю...

Владивой бросил взгляд на телегу, которая только-только за пришедшими в ворота въехала: тоже из детница успели отправить. Там, прикрытые большим покрывалом, лежали мёртвые гриди. Затем посмотрел на Драгицу, которая стояла чуть в стороне, поддерживая Беляну под локоть. Наставница и вдохнуть забыла. Не слыл Владивой несправедливо лютым правителем. Но, коли его задеть, поплатиться можно было кепко – а Драгица, видно, чуяла за собой недогляд.

– Чего стоите? – рявкнул князь негромко, но так, что наставница едва на месте не подпрыгнула. – Идите уже к Шороху. Он как раз нынче тут. Не ушёл ещё.

И замолчал, осекшись. Глаза его совсем хмарью заволкло, холодной, дождливой. Гроза часто встречала такую во взоре Владивоя в последние луны. Видно, снова меньшица его,

Сения, захворала. Уж до чего, говорили, была справная девица, как в терем приехала из отчего дома. А как первого же ребёнка скинула, так и стала хворать по нескольку раз в год. Наследника ещё ни одного князю не принесла – и оттого сама печалилась сильно.

Драгица спешно повела прихрамывающую Беляну в сторону женского терема, по дороге успев шепнуть пробегающей подблизости челядинке, чтобы лекаря кликнула. Гроза сделала было шаг вслед за женщинами, но Владивой едва заметно ладонь приподнял, безмолвно приказывая остаться. И внутри словно оборвалось что-то. Затомилось тягуче, словно жилы все на ворот какой наматываться начали. Лучше бы дал уйти. Зачем держит?

– Кметей сегодня же надо отвезти к родичам, – вновь заговорил Владивой. – Чтобы погребли их на положенных им угорьях. Иди, Твердыта. Тебя ещё там Деньша поджидает. Злился уже больно, так что доброй встречи не жди.

Десятник покивал понимающе и махнул остальным кметям, веля следовать за ним и забирать с собой скорбную телегу. Тела кметей увезли. И незаметно так стало во дворе почти пусто. Только остались Рарог со своими ватажниками и Гроза. Да стояла ещё Ведара на крыльце, словно застыла ледяной глыбой – ни слова пока не сказала. И взгляда с Грозы почти и не сводила.

– Стало быть, вас я должен благодарить за то, что вы дочери моей и людям моим в недобрый час помогли? И до дома доставили так скоро... – обратился к гостям Владивой.

Рарог покосился на Грозу, расплываясь в сдержанной улыбке: словно её была в том заслуга. А она и хотела бы отмахнуться от его взгляда: неровен час Владивой что не то подумает – да предпочла просто не смотреть на старшего в ответ.

– Мы, княже, – ответил тот, чуть выждав. – Не смогли мимо пройти, в кустах отсидеться, пока русь твой отряд крошила.

Князь заложил руки за спину, чуть приподнимая подбородок и глядя на Рарога свысока и с той особой снисходительностью, от которой даже бывалые воины и самые хитрые купцы робели. Грозу он тоже одаривал подобной, но всё же другой. Словно сказать хотел взглядом одним, что она глупая девчонка. И что он знает лучше, как её жизнь устроить.

– Я не буду сейчас выпрашивать, кто вы такие. И что такой большой ватагой на реке делали, – он только дёрнул уголок губ, выказывая несказанное расположение. – И приглашаю всех твоих людей... погостить в детинце до Дажьбожьего дня. Отпраздновать, на пиру княжеском побывать. И такова будет моя благодарность за то, что вы сделали.

Рарог коротким жестом провёл по чуть встрёпанной бороде. Качнул головой, словно принимал справедливость предложения Владивоя.

– Думается мне, что благодарность твоя, князь, в другом.

– Возможно.

– Слышал я ещё, что гостеприимством твоим пренебрегать нельзя... – продолжил тянуть время Рарог.

– Верно, – снова кивнул князь. – И терпение моё испытывать тоже не всякий решится.

Старшой вскинул вверх раскрытые ладони, показывая, что вмиг понял его намёк. Обернулся к своим ватажникам, которые позади стояли так неподвижно, словно окаменели, только глаза их перебегали от одного лица к другому.

– Что ж, ребята, погостим в кроме самом. Когда ещё такое будет? – рассмеялся Рарог тихо.

Те неуверенно загомонили, понимая, конечно, что их спросили только для вида, закивали, выдыхая облегчённо. Но настороженность не сразу покинула их. Они и с места не сдвинулись, пока Рарог не сделал первый шаг ближе к Владивой.

– Тогда я отправлю за остальными кметей, – завершил тот разговор. Махнул ближнему стражнику из тех, что внимательно наблюдали со стороны, издалека. – А вас проводят до дружинных изб. Как раз недавно новую поставили: всем места хватит.

Гридь подошёл и, выслушав негромкий приказ, повёл гостей за собой. Рарог, уходя, обернулся на Грозу и подмигнул ей, словно всё, что случилось, было только его задумкой. И она поняла, что всё больше запутывается в этом мужчине. Не может угадать, когда он серьёзен, а когда только шутит и ёрничает. И эта мысль заставила её смотреть ему в спину чуть дольше, чем надобно.

– Здравствуй, Гроза, – тихо сказал князь, и она повернулась к нему, осознав вдруг, что осталась перед ним одна.

И так голос его прозвучал, растеряв весь гнев и твёрдость, что дыхание вмиг сбилось и в горле будто вишня гладкая застряла. Казалось, ещё усилие – и растечётся соком сладким, пьяным по языку. Или, может, наоборот, только удушит – так глупо, но неизбежно. Каждый миг рядом с Владивоем был похож на прыжок у края пропасти с закрытыми глазами.

– Здрав будь, княже, – она поклонилась нарочито почтительно, хоть и приветствовала его уже.

Владивой поморщился и вдруг по волосам своим тёмным, блестящим провёл резким жестом. Качнулся было шаг к ней сделать, да передумал. Гроза посмотрела на княгиню поверх его плеча. Та подбородок вскинула. Ничем она невольную воспитанницу никогда не давила. Но порой следила вот так, как сейчас – внимательно. Словно проступка какого ждала. И оттого – рядом с князем да ещё и под её взором – Гроза словно под ледяным дождём себя чувствовала. Аж кожа немела.

– Я пойду, княже? – вновь взглянула она на правителя, который, стоя спиной к жене, снова и снова рассматривал её всю с головы до ног: и лицо чуть обветренное – задерживаясь на растресканных губах – и руки, сомкнутые перед собой, и даже носки черевик, что виднелись из-под подола, слегка испачканные в грязи. И грудь его помалу вздымалась всё чаще.

– Иди, – он сглотнул. – Отдыхай с дороги.

Дыхание в груди застыло остро огранённым хрусталём, как он не удержался, поднял руку и заправил ей под платок волнистую прядь. Слегка провёл большим пальцем по скуле – и руку отёрнул. Повернулся и пошел к терему. На жену и не взглянул даже. Мало о чём они теперь говорить могли: так он рассказывал порой. И жизнь друг друга их мало интересовала. И, верно, поэтому лицо княгини и не изменилось совсем. Лишь холод тот, которым она всё Грозу кутала, стал как будто сильнее. Но Ведара и ей ничего не сказала – повернулась плавно и скрылась в доме вслед за мужем.

Гроза добралась до своей горницы, едва ноги волоча. Уж притащили её ларь с вещами отроки. Челядинка Меленька, девица бледная, словно осенняя былинка, была внутри и вздрогнула, как она хлопнула дверью, не успев поймать под сквозняком.

Гроза на ходу стащила с головы платок и бросила на лавку. Продралась пальцами сквозь густоту собственных волос к коже головы и провела по ней, мечтая косу распустить. Нелёгкие выдались дни. И всё, о чём думала она, на что надеялась, вдруг снова метнулось в мутную даль ожидания. Теперь снова за Беляной увязываться, как та в дорогу соберётся. Ехать к отцу, а там оказию искать, чтобы улизнуть и добраться-таки до заветного места на берегу Волани и с матерью, может, встретиться. Вилы, говорят, к месту одному крепче всего привязаны. Да как бы дозваться?

– Чего ждёшь, Меленя? – повернулась она к челядинке, которая, видно, принесла кувшин горячей сыты с малиной, но уходить не поторопилась.

– Княже просил передать, что видеть тебя желает, – почти шёпотом проговорила девица. – Сказал проводить.

Гроза отвернулась, скрывая вздох. Выпила горячего медового отвара, раздумывая, идти или, может, придумать отговорку какую. Ей и встречи во дворе оказалось достаточно, чтобы душа вся изнанкой вывернулась.

– Передай Владивую Гневановичу, что я уже спать ложусь, – всё же велела Гроза челядинке. – Думаю, нет сейчас таких разговоров, чтобы до утра не подождали.

Меленька и глаза округлила, сжав в кулаке подол: чтобы кто-то да веление князя не стал выполнять! Но Гроза не находила сейчас в себе сил снова видеть Владивую, в глазах его, словно во льду, застывать, не в силах пошевелиться по собственной воле.

К тому же, коли хочет Владивой без лишних глаз поговорить, значит, разговор тот не будет приятным: а на ночь глядя беседы такие вести – хуже не придумаешь. Меленька постояла ещё немного, как будто ожидая, что Гроза всё ж передумает, но та махнула рукой, отсылая её. Девица вышла, понурился голову: сейчас ей в первую очередь достаться может, если Владивой решит осерчать на отказ Грозы прийти.

Она отодвинула сильнее приоткрытый волок окна, в другой руке сжимая тёплую глиняную кружку. И хорошо, кажется, вернуться в терем, который был ей домом уж несколько зим, и всё же гложет изнутри, как будто предчувствие какое нехорошее. Тихо накрапывал внезапный неспешный дождь. Во дворе ещё стоял взбудораженный шум голосов, никак не смолкающая. Видно, знакомились гриди с ватажниками, которые невольно стали гостями в детинце. Да от милости княжеской так просто не откажешься. И отчего-то прислушалась Гроза, пытаюсь различить в гомоне смутном один голос: который, раз услышав, всегда отделишь от других – теперь она знала это точно. Сильный, взрезающий и дождя пелену, и плотный туман, и завывание ветра. Но так не разобрала среди других.

Слегка переведя дух, Гроза и впрямь решила спать улечься: предыдущая ночь уж больно беспокойная выдалась, да и день заставил и помокнуть, и встряхнуться от навалившихся опасностей. Она умылась и переоделась в сорочку на сон. Расплела уже косу, с блаженством распутывая пряди, давая отдых голове. И только за гребень взялась, как услышала шаги за дверью: слишком громкие для челядинки, которая порой и вовсе почти бесшумно ходила. Кому понадобилось там шастать? Не к Беляне же пришли. Час уж подступал ночной: стемнело за окном, совсем погас закат над стеной детинца и только бледное небо растянутым платком ещё едва светилось в раме открытого окна. Тянуло из него сырой прохладой.

Гроза только к двери повернулась, чтобы увидеть, как после короткого – лишь для вида – стука внутрь вошёл Владивой. Она едва гребень не выронила: пальцы тряпочными вмиг стали. Не взяла князя опаска в женский терем идти: тут ведь и челядь встретить можно, и на кого другого наскочить. Ведь мало кто ещё спит. Да и Белянина горница совсем рядом. Владивой, одетый в одну рубаху, усеянную тёмными пятнышками от дождя, и штаны – без какого-то плаща, как будто торопливо через двор пробежал, молча подошёл и забрал гребень из рук Грозы. Встал за спиной и провёл по волосам медленным осторожным движением, бережно разбирая непослушные пряди. Разбежались мурашки по коже, и голову словно качнуло, повело.

– Как скучал по тебе страшно, Гроза, – тихо проговорил князь, склоняясь к её виску.

Снова взмах руки – сверху вниз. И знала она, что видит он сейчас, как быстро, тревожно вздымается её грудь, как всё более ярким румянцем наливаются щёки. Он всё видел, всё знал. Гроза попыталась забрать у него гребень, но он не дал. Сжал пальцами плечо возле шеи, удерживая, когда она к нему повернулась – зря. Потому что пришлось голову задрать, чтобы посмотреть в его глаза – и так она становилась перед князем ещё меньше и беспомощней.

– Я не скучала, – соврала.

Потому что вспоминала его, окаянного, каждый проклятый день. То боялась, что передумает, нагонит и вернёт в детинец. То хотела, чтобы он это сделал. И оттого чувствовала себя порой безумной.

– Печально это слышать, но что ж, – усмехнулся князь.

Как будто её мысли о том совсем его не интересовали: достаточно, что он горел и хотел в очередной раз втянуть Грозу в свой пожар.

– Ты отдыхать мне разрешил, князь, – она шагнула назад, выскальзывая из-под руки Владивой. – И я хотела бы лечь спать пораньше. Беляна, верно, уж седьмой сон видит. Нелёгкая у нас дорога вышла.

– Ляжешь, – хрипло согласился тот. И добавил, чуть помолчав: – Давно Рарога знаешь? А она и отпрянула ещё дальше, не разумея сразу странного вопроса.

– Как помогли они нам от русинов отбиться, так и узнала. Разве что раньше ещё о нём слышала... Да кто не слышал.

– Тати народ ненадёжный, – Владивой приблизился немного, как будто невзначай, пальцем водя по зубцам гребня, разглядывая узоры на нём. А после вдруг за пояс его себе сунул. – И небольшая радость мне в том, что пришлось в детинце их принять, Так что, если они обидели тебя или Беляну чем, ты лучше сразу скажи.

– Не обидели ничем. До Волоцка довели, ни словом не попрекнули. И даже награды не хотели никакой, – тут Гроза и осеклась, вспомнив, что как раз награду-то с неё Рарог и попросил. Даже взять попытался. Да всё как-то шуткой обернулось. – Тебе ли не лучше того Рарога знать, княже. Вы с ним знакомы, как оказалось.

– Глазастая ты, Гроза, – князь улыбнулся чуть устало. – Мало что от тебя схоронить можно. Да, знал его. Пришлось однажды, но, к счастью, недолго. Потому, коли он обидеть тебя хотел...

– Почему ты так решил, княже? – Гроза нахмурилась, но только тем вовсе правителя не испугала, конечно.

Не боялся Владивой её угроз. Не останавливался перед попытками прогнать: не в его нраве, и не по возрасту. Князь уж давно привык своё брать и не ведать отказа. Он остановился близко, так что почувствовать можно было, как от его тела теплом пышет.

– Потому что видел, как он на тебя зыркал, – его голос скатился в угрожающую глубину.

– Показалось тебе...

– Да ну?

Владивой улыбнулся недобро, скользая взглядом по лицу Грозы. От глаз к губам и назад. Он ловил каждое изменение на нём, отражение каждого немыслимого чувства, что металось в груди, разлетаясь в стороны горячими осколками от каждого удара сердца. И гривна на шее, которую Гроза ещё снять не успела, словно теснее стала, сдавила, впиалась гранями в кожу. Она снова сделала шаг назад. Но быстрым движением руки князь поймал её пальцами за подбородок.

– Не хочешь ведь бежать, Гроза, – выдохнул, дёрнув её к себе. – А всё пытаешься.

Он накрыл её губы своими, сдавливая щеки, заставляя раскрыться навстречу. Вжался неистово, сминая, толкаясь вглубь языком. Другой рукой провёл тесно по бедру вверх, прижал ладонь к спине, комкая рубаху, оттягивая вниз, словно содрать хотел вот так – одним рывком. Врезался ворот в шею. Гроза вскрикнула глухо, хватаясь за него, пытаясь ослабить завязку. Какова бы ни была её невольная власть над мужчинами, а против этого она ничего сделать не могла. Неведомым образом он был сильнее неё. Сильнее любых чар, что достались от матери да не вошли ещё в полную мощь.

Прошлась ладонь горячая вверх по животу, надавливая через ткань рубахи, уже чуть влажной от выступившей испарины. Князь смял грудь Грозы, продолжая терзать её губы, а она толкала его от себя, вцепившись в ворот рубахи так, что тот трещал, грозясь порваться. И задыхалась, задыхалась в волне обжигающей, что растекалась по телу – вниз, скручиваясь раскаленной спиралью внизу живота, заполняя томлением таким тягучим, невыносимым, что хотелось бёдра сомкнуть сильнее, чтобы не пустить дальше.

– Уходи, княже, – пробормотала она, едва сумев откинуть голову, чтобы вдохнуть.

Чуть прикусила горящую от поцелуя губу, глядя в раскалённое серебро глаз Владивоя. Оно поглощало, впитывалось в кожу, заставляя жадно глотать воздух, что врвался в горло, опаливая его.

– Не уйду. Не сейчас.

Владивой подхватил её одной рукой, поднял над полом и через миг опрокинул на ложе. Навалился сверху, задирая рубаху – всё нетерпеливее, резче. Оглаживая бедро и коленом раздвигая ноги Грозы. И она уже не хотела противиться. Так всегда было. С того первого дня, как пришёл князь к ней в горницу, не сумев совладать со страшным влечением к дочери своего друга. Только Владивой не брал воспитанницу ни разу, неведомо почему храня её невинность. Но каждый раз, как они расходились, Гроза ещё долго корила себя за то, что случилось. И перекатывала по телу томительные отголоски блаженства, пленительного, тяжёлого, как свинцовый обруч, стискивающий нутро. Злилась и обещала себе, что в другой раз всё будет не так. Что прогонит князя хоть палкой, но каждый взгляд, что случайно или нарочно связывал их, нитью крепче стали оседал на сердце. Виток за витком, врезаюсь в него всё глубже. Гроза не могла пустить Владивоя дальше, не причинив вреда. Но так хотела порой спасти себя, дав волю всем чувствам, что рвались из груди.

Да только как? Как смотреть в глаза Ведаре и Сении? Кажется, они знают уже давно обо всём. Поняли раньше самой Грозы. Но молчали и ничем не пытались вредить. А она воровкой себя чувствовала. Татем в юбке, что крадёт чужое добро – и не могла себе в том отказать.

И вот сейчас она ещё пыталась отбиться, силилась оттолкнуть – но слабее с каждым мигом, что чувствовала на себе тяжесть тела Владивоя, его губы на своих и нетерпеливые руки повсюду, сминающие, ласкающие на грани тончайшей боли, как горячие капли рассыпающиеся везде, где князь проводил ими.

– Какая же ты красивая, Гроза, – жарко шептал на ухо князь между поцелуями. – Мне просто нужно касаться тебя. Знать, что ты есть. Что ты моя. Вся. Не гони.

Оттянул уже развязанный ворот её в сторону, оголяя небольшую грудь, которая – Гроза знала – полностью помещалась в его ладони. Смял слегка, заставляя твёрдую вершинку встопорщиться, и накрыл горячим ртом. А Гроза, почти до крови кусая губу, выгибала спину и комкала простыню в кулаках, пока он ласкал её внизу пальцами. Неистово, долго, гася её стоны поцелуями – чтобы потом, доведя до изнеможения, отпустить.

Безумец. Да разве она лучше?

Князь встал, оставив Грозу на лавке, распластанную его желанием и ослабившим тело удовольствием. Так не может продолжаться. Просто не может! Владивой налил в кружку остывшей сыти и выпил жадно. Налил ещё. Его плечи тяжело ходили вверх-вниз, а руки чуть подрагивали, словно он был пьяницей, которого долго мучила жажда, нынче лишь едва удовлетворённая, но ненасытная. А вдоль хребта тянулась по рубахе его из дорогой браной ткани тёмная влажная полоса. Он повернул голову, прислушиваясь к глухому звуку стихающих во дворе мужских голосов. Усмехнулся, покачав головой.

– Тронет тебя кто другой, Гроза – убью, – проговорил веско.

– Кого убьёшь-то, княже? – она села, натягивая на колени подол. Прикрыла воротом остро торчащую грудь, ещё хранящую следы губ Владивоя.

И понимала, конечно, всё. Да в голове всё мысли какие-то шальные билась, одна другой глупее. И так хотелось за колкостями и насмешкой скрыть то, что на самом деле душу разрывало: неправильностью своей и необходимостью, страшной и постыдной тоже. Князь обернулся, глянул чуть исподлобья так, что в затылке закололо, а сердце трепыхнулось и замерло на миг. С лица Владивоя помалу сошла тяжесть хмельного вождения. Как будто снова увидел он вместо желанной девушки всего лишь товарку дочери. Девчонку, ещё не сменившую детскую рубаху – и устыдился на мгновение того, что сотворил. И того, что ещё сотворить мог.

– Обоих убью, – пообещал с пугающей уверенностью. – Наказание ты моё.

Князь снова отвернулся, провёл ладонью по лицу, втягивая запах – и щёки запекло невыносимо. После подошёл быстрыми шагами. Поддев подбородок Грозы пальцами, до боли впился в губы – коротким, яростным поцелуем-укусом – и, отпустив её, просто вышел из горницы.

Глава 3

Не желал Рарог княжеского гостеприимства, и уж пожалеть успел, признаться, что вообще связался с княженкой и её людьми. Говорили свои: не влазь. Мало ли людей гибнет на дорогах от руки русинов, которые шныряют здесь порой. С тех пор, как поселился на острове Стонфанг ярл Ярдар Медный – особенно. Но вот как увидел Рарог испуганные глаза княженки, зелёные, чистые, что вмиг налились слезами от испуга, так и понял, что не сможет мимо пройти. А пуше всего, как мелькнул рыжий всполох между спинами гридьбы, между мускулистых ног лошадей. И брови, резко изогнутые, нахмуренные над синью глаз. И правда – будто лиса в чаще проскочила. Вот тогда-то он и вскинул лук к плечу первый раз. После только увидел меч в руках бойкой девицы. И отбивалась она им ловко, хоть силёнок и недоставало. Гроза – разве другое имя могло подойти ей лучше?

И была она словами, как Перуновым огнём, и хмурилась, словно тучка. А губы у неё всё равно сладкие, как липовый мёд, и тело сильное, гибкое – только в руках и держать, не отпуская. С ночи самой до утра. Водить ладонями по спине, плечам, трогать грудь небольшую, округлую сквозь ткань – и того достаточно, чтобы в штанах тесно стало от одной только мысли.

Рарог вздохнул, сминая пальцами переносицу, отвлекаясь от разглядывания свода крыши над головой в дружинной избе. А тело и правда откликнулось на образ Грозы. Неладно что-то с этой девчонкой. Точно неладно. Даже не потому, что она сквозь воду видеть умеет – то другой вопрос, который надо бы ещё разведать, если оказия будет. Просто беспокоило, что она голову так сильно пьянила – первый раз такое случается. И хотелось махнуть на всё рукой, забрать соратников, которые в детинце уж и пригрелись скоро, да струги свои прочь от Волоцка развернуть. Потому как, коли девица так в сердце вонзилась с размаху – от того не будет добра. Выдирали такую занозу уже, было дело. Когда уходить пришлось из своего рода.

А Владивой тоже задумал что-то. Совсем не зря заманил в гости и вид сделал, что не понимает, кто есть кто. Будто и правда купцы какие к нему заехали.

– Чего ворочаешься, Рарог? – узнаваемый голос Волоха донёсся сквозь темноту.

Кто-то всхрапнул в дальнем углу, и снова всё стихло. Рарог сел на лавке, опустив ноги на твёрдый, притоптанный земляной пол. Нашарил сапоги и сунул туда ноги прямо так, набосо. Ватажники, изрядно устав за день да вдоволь наевшись за дружинным столом, повалились на лавки и заснули раньше всех. Теперь хоть в кувшин глиняный ложкой бей над ухом, не проснутся.

– Да не спится чего-то, – вздохнул Рарог.

– Чего вдруг? – хмыкнул ромей. – Не нравится в стенах княжеских?

– И это тоже.

Рарог встал и, на ходу натягивая рубаху, поплёлся вон из избы. Может, коли воздуха свежее ночного глотнуть, так и в голове яснее станет.

Тихо было кругом. Капало где-то с крыши: только что дождь прошёл из набежавшей мимоходом тучи, сыростью лёг на траву, что пробилась из недавно оттаявшей земли. Рарог свернул между ристалищ – к терему. И услышал вдруг, как женские голоса где-то в стороне переливаются. Час поздний, а не спят ещё. Челядинки, небось: работу не всю закончили. Но, пройдя чуть дальше, он увидел две фигурки, заметные в темноте только из-за светлых платков, что покрывали их головы.

Женщины взвизгнули, как его разглядели на тропе, друг к другу прижались.

– Чего ходишь тут, окаянный? – сразу взвилась одна.

Пригляделась да и смолкла озадаченно: видно, не узнала. Была она постарше второй, покрепче, в бёдрах пошире и на лицо круглей. А подруга её молодая так и замерла, как зайчишка, услышавший в тишине леса шорох снега под лапами волка. Чуть бледная, словно испу-

галась или хворала слегка. И глаза – блестящие, тёмные всё по его лицу блуждали, отчего она помалу расслаблялась.

– Рарог я, из гостей вашего князя. Не бойтесь.

– Ходишь здесь чего, спрашиваю! – ещё больше ошетичилась старшая.

А вторая её за локоть дёрнула, не сводя с Рарога внимательного, любопытного даже взора. И оказалась она наружностью приятной, тонкой и светлой, как берёза. Под свитой не разглядеть фигуры, но и то можно было заметить, что Лада хорошенько постаралась: ноги длинные, талия – двумя руками обхватить можно так, что пальцы почти сомкнутся. И грудь округлая вздымается чуть взволнованно.

– Раз гость Владивоя, так и чего на него шипеть, – произнесла она на удивление спокойно.

– Знаем мы таких гостей. Только и следить, чтобы не умыкнули чего, – не сдалась наперсница.

Вот же неумная баба. Никогда бы на женщину Рарог руку не поднял, да таких порой хотелось хоть встряхнуть, чтобы сами себя услышали. Как развяжут язык, так и всё, что в голове есть, работать перестаёт.

– То, что по двору гулять нельзя, о том мне князь ничего не сказал, – бросил он всё ж грубовато, хоть и не хотел.

– Не сердись, – молодуха отлепилась от бока своей наперсницы и подошла чуть ближе – рассмотреть, не иначе.

Поправила платок, что прикрывал её волосы, заплетённые в две тугие косы – мужняя, стало быть. И показалось вдруг в неверном свете, который лился из оконца над головами, что пряди чуть рыжеватые.

– Меня Сеня зовут, – представилась неожиданно. И улыбнулась приветливо. – Спасибо, что дочку Владивоя от беды уберёт. А то, что Бажена ворчит, не слушай.

– Чай не звери какие, чтобы в том доме, который нас добром позвали, бесчинства творить, – ответил Рарог хмуро. – Да не всем это втолкуешь, видно, – и посмотрел выразительно на бабу злобную. Может, хоть устыдится чуть. – Доброго сна тебе, Сеня. Я тоже пойду.

Он свернул по другой дорожке обратно к дружинных избам. Продрог, признаться, в одной рубаше. Зато голова и правда как будто легче стала.

На другой день начали готовиться все к Дню Дажьбога. И везли что-то в детинец на телегах: никак для завтрашнего пира, на котором соберётся гостей гораздо больше, чем задумывалось. Гремело что-то в гриднице. Сдвигали столы и лавки носили из терема, чтобы всем рассестись хватило. И женщины хлопотали: все серьёзные. И не мог прогнать их под крышу даже дождь, что с утра самого закапал с неба, размывая тропки.

– Не задумал бы чего худого князь, – рассуждал неторопливо Другош, вытирая руки после умывания и поглядывая на кметей, которых столько они не видели ни разу рядом. В детинце дружина была небольшая. Да не вся. Много гридей и по острогам было раскидано, которых – Рарог знал хорошо – вдоль реки стояло несколько. Охранял торговый путь Владивой – самый удобный из тех, что вели с севера на юг, к морю – а там и в Ромейские земли. Да только вот неумные русины покоя княжеству не давали уж какое лето. Поначалу совсем редко появлялись, а в прошлый год как будто осмелели. Кого-то удавалось дружинам перехватить, кто-то Рарог сам лично встречал на узкой речной тропке, а некоторые и проскакивали мимо острого взгляда воевод. Как будто путями какими хитрыми, о которых не каждый местный знает. И тогда весям, на какие они налетали, худо приходилось.

– Князь Владивой не любит меня, конечно, – развёл руками Рарог на слова соратника. – Не сложилось у нас с ним дружбы. Но вряд ли станет едва не в своём доме нас давить. Замажется.

Другош покосился на него с сомнением. Тут Владивой хозяин всему, и мало кто ему помешать может. Но, коли не перерезали всех этой ночью, то и не тронут уже, верно.

– Эй, Рарог! – окликнули со спины.

Он обернулся, вставая с лавки. Рубаху подпоясал, только надетую. Взгляд высокого, крепкого на вид гридя явно оценивал его. Как будто тот собирался сейчас с ним в схватку броситься. А что, ради забавы чего только ни случается.

– Я-то Рарог, – ответил. – А вот кто ты такой, знать не знаю.

– А ты отчего таким именем зовёшься? – не унялся дружинник. – Летать, что ли, можешь?

– Летать не могу, – Рарог пожал плечом. – Зато стреляю метко.

– Вот оно что, – усмехнулся парень беззлобно. – А меня Митра кличут.

Он подошёл ближе, покачивая длинным, почти два аршина длиной луком в руке. Хороший лук, из берёзы и можжевельника – недешёвая работа. Верно, и глаз у Митры меткий, а об умениях Рарога он успел послушаться от тех, кто его в деле видел.

– А одну стрелу другой расщепишь? – чуть подумав, спросил кметь и взвесил оружие в своей ладони.

А гриди, что мимо то и дело ходили, стали вокруг собираться, прислушиваясь к зарождающемуся спору. Рарог ничего отвечать не стал. Снял налучье с луком с гвоздя, что в стену избы был вбит, и, коротко качнув головой в сторону двери, пошёл во двор.

– Стреляй, – предложил Митре, как остановились они на стрельбище с рядом соломенных щитов, крепко истыканных едва не в решето. Некоторые уж пора бы и заменить.

Кметь крикнул, запальчиво сверкнув голубыми глазами. Встал уверенно, вынимая из тула стрелу, руки вскинул к подбородку твёрдо, привычным жестом – и выстрелил, почти не целясь. Стрела точно в серединку щита ударила, хоть иди проверяй каждый вершок. Кмети, что скоро собрались за спором наблюдать, загомонили одобрительно, а сотник Деньша, который встал чуть отдельно от остальных, не прерывая забавы, даже улыбнулся, как будто сам Митру стрелять учил. А ведь молод ещё: вряд ли много старше соратников.

И тут парни расступились слегка, когда кто-то между ними решил протолкнуться. Заворчали поначалу, а там и смолкли, как увидели – один за другим – кто к стрельбищу пройти хочет. И вперёд них вышли княжна Беяна, ещё чуть прихрамывая, а за ней – Гроза. Гридья тут же ещё пуще оживилась, едва про поединщиков не забыли. И сотник даже подобрался, так и впиваясь взглядом в княженку. Дочка воеводы на Митру сначала взглянула, а после уж и на Рарога. Покривила губами, словно и не удивилась вовсе, что он здесь стоит, что поднял такую кутерьму. Рарог на её нарочито кислый вид улыбнулся только и провёл большим пальцем по нижней губе, глядя прямо ей в глаза. Девушка не смутилась, кажется, хоть по тому, как прищурилась слегка, как дрогнули крылья её тонкого носа, понятно стало, что всё помнит. А ему хотелось хоть немного её позлить.

Но парни очнулись от неожиданного прихода девушек и снова обратили своё внимание на стрельбище.

Митра ладонью раскрытой махнул на поражённый его стрелой щит, приглашая теперь Рарога. Тот подошёл неспешно и встал точно там, где противник стоял: хорошее место. Вынул лук, стрелу. Пощупал её, повертев меж пальцами: ровная, гладкая. Сам делал. Опустил её удобно на кулак, в котором лук сжимал. Коротким движением поднял и спустил тетиву, не дав никому понять и рассмотреть, как всё это случилось. Тренькнула сыромятная кожа возле щеки. Мелькнуло оперение – и стрела с тихим треском врезалась в хвостовик той, что пустил Митра. Воткнулась в солому, расщепив древко на две изогнувшиеся, словно лепестки, половинки.

Кто-то вздохнул – и снова всё стихло на миг. Только Другош громко хлопнул в ладоши, не сумев сдержать гордости. Да и другие ватажники, зашептались многозначительно, не желая слишком громким гомоном совсем уж расстраивать гридей.

– Ты, Митра, давай, в его стрелу свою всади тож! – выкрикнули из гурьбы дружинников.

Беляна и Гроза переглянулись хитро, словно всё ж Рарога поддерживали, но показать не хотели. Стрелец покачал головой, улыбаясь, и только подошёл, чтобы вдругорядь силы и остроту глаз попробовать, как со стороны терема прибежал отрок, осмотрелся, откидывая волосы влажные со лба. Нашёл Рарога взглядом и чуть ближе шагнул.

– Княже тебя к себе просит. Говорить желает.

Что-то долго он думал. Казалось, что ещё накануне вечером позовёт – расскажет, зачем гостей к себе столько созвал. Рарог хмыкнул, немного жалея, что не удалось дальше в стрельбе посостязаться, и пошёл за быстро удаляющимся мальчишкой, оставив остальных рядиться, сумел бы Митра и его стрелу забороть или нет. Кто-то даже предложил всё равно попробовать, да кметь отказался.

– После ещё попытаем меткости, – бросил вслед.

А Рарог рукой махнул, как будто соглашаясь. И только почувствовать успел, пока совсем с дружинного двора не ушёл, как острый взгляд ощутимо врезался ему в спину, прошёлся вдоль хребта, заставляя обернуться – хоть и не хотелось. Гроза отвернулась тут же, как он глянул через плечо – и на губы сама собой напозла улыбка. Непростая девица: такую в охапку взять хочется и сбежать туда, где не найдёт никто. И от мыслей таких, что всё сильнее голову распяляли, не так просто избавиться.

Князь встретил в общине, сидя на стуле с высокой спинкой, изрезанной медвежьими головами. Говорили люди, что и под стены города кости медведя зарыли. Что сам Велес позволил – и от того городу удача уж много лет сопутствовала. А особенно тогда, как вновь занял княжеский стол потомок славного рода.

– Здрав будь, князь, – Рарог подошёл ближе и остановился, разглядывая Владивой изда-лека.

Тот помолчал немного, как будто раздумывал, стоит ли отвечать на приветствие хоть что-то.

– Поздорову, Измир, – назвал его по имени, что тот открыл в тот день, как пришёл в детинец впервые. – Вот сколько слышал о Рароге кривотолков или кошунов от людей, никогда бы не подумал, что это ты и есть.

– Надо было меня кметем в дружину брать. И не было бы кривотолков, – тот приблизился ещё немного, пытаясь взглянуть в лицо князя сквозь желтоватый полумрак.

– Не надо было против рода своего идти.

– Коли не пошёл бы, так и до Волоцка не добрался. А тут вы меня тоже неласково встретили с воеводой твоим. А в дружину мне ой как хотелось, – Рарог вздохнул сокрушённо. – Пришлось свою заводить.

Владивой встал, чуть вскидывая голову. Обошёл стол неспешно, размышляя о чём-то и покачивая головой. Совсем не изменился за те три года, что они не виделись. Ни седины заметной в волосах не появилось у князя от забот больших, ни морщин на суровом лице. А вот Рарога эти годы поменяли хорошенько. Но Владивой всё равно сразу его узнал.

– Я мог бы ватагу твою нынче же задавить, – бесстрастно рассудил князь. – Татю ведь не положено людям помогать. Татю положено было бы за княжну и выкуп у меня большой попросить. А ты её домой привёз.

– Неправильный я, значит, тать, княже, – Рарог хмыкнул, пытаясь разгадать, куда Владивой ведёт.

– Я и гляжу, что неправильный, – согласился тот. – Да и слышал, что своих ты не грабишь, простому люду зла не чинишь. И на чужих землях тебя видят чаще, чем в моём княжестве. Потому давить я тебя не стану. Отблагодарю даже...

– Жизнью?

– И ею тоже. Но если ты поможешь мне, Измир, – Владивой остановился напротив, обойдя Рарога по кругу. – Два лета уж русины не дают покоя купцам, которые по Волани дер-

жат путь на юг или север. Ловим их, конечно, но ватаги стали больше. Уже и остроги жгут. А купцы ищут другие пути. Для них здесь слишком опасно. Сам понимаешь, чем это грозит Волоцку. Да и всяем.

– Понимаю, чего же не понять, – Рарог кивнул, выслушав рассказ князя.

Признаться, не думал, что об этом он пожелает поговорить. Но так даже лучше.

– Так вот я хочу взять тебя на службу, – продолжил князь. – И награду получишь. И себя отбелишь. И отцу отрада.

– Отцу до того, белый я или чёрный, давно дела нет.

– Зря ты так думаешь, – Владивой вдруг хлопнул его по плечу ладонью, сдавил пальцами ошутимо. – Он рад будет, если ты вернёшься в род. Не татем, за которого стыдно. А тем, кто сможет его продолжить достойно. Тем, кто с князем будет дружен. И славой воинской не обделён.

Мягко стелет, подлец. И говорит-то всё слова правильные, такие, которые каждый услышать захочет. Да кто в ватаге Рарога откажется из находника неприкаянного вдруг сделаться едва не кметем? Да Владивой не был бы князем, если бы в предложении его не нашлось бы несколько подводных камней. А то и целая гора, такая, что и киль ломает в щепки, и борта в стороны разметет.

– Так чего ты хочешь, княже? Говори яснее. А то ведь я не на всякую дружбу соглашусь.

– Ты много по рекам ходишь. Знаешь их хорошо. Много лучше других. И сражаешься умело. А потому мне нужна дружина, та, которая русь прямо на воде остановить может, – пояснил князь. И взгляд свой холодный, серый, как озеро в ненастье, в конце припечатал.

И надо бы соглашаться немедленно – так этот взгляд, суровый и ожидающий, говорил. Предупреждал, что дурить и кочевряться не стоит, иначе гостеприимство и терпение правителя могут обернуться немилостью вмиг. Но легко такие дела не решаются. Много было задумано на это лето, и путь далёкий – прочь из княжества Волоцкого был уже почти начат. Стало быть, ватажникам объяснять придётся. Да и такой малой дружиной, как пожелал назвать её князь, вряд ли можно долго гонять русинов. Потреплют, а там и замечать перестанут. Опасное это дело.

– Я не один по рекам хожу, – вновь заговорил Рарог после недолгого молчаливого раздумья. – Со мной много людей. И решать не только мне. Потому я так тебе скажу: ты меня отпустишь сейчас. А как сойдёт самое большое половодье, как соберу я остальных своих людей, тогда тебе своё слово скажу.

– Половодье сойдёт скоро. Я дам тебе время подумать, – голос князя взрезался острой сталью. Терпение его уже подходило к концу. – Но не слишком долго. И, если пропадёшь, пожелаешь спрятаться, то следующая наша встреча не будет доброй.

– Это смотря, как далеко убежать, – бросил Рарог, больше чтобы правителя позлить.

Всё нутро его сейчас противилось тому служить, кто уже прогнал его однажды, не посчитав достойным примкнуть к дружине и кметем назваться. Из-за тех дел, что его никак не касались, но достигли слуха и заставили отправить восвояси. Хоть и знал князь, что стрельцы лучше вряд ли найдутся среди его гридьбы. Сегодня это узнал и сам Рарог.

– Ты ведь не собака безродная, Измир, – напомнил Владивой о том, что Рарог хотел хоть на время забыть. Так было лучше, легче без нитей, которые тянули туда, где видеть его никто не хотел. – Есть у тебя и отец, и брат младший. Захочешь, чтобы с ними всё хорошо было – не убежишь.

Вот оно как...

– С того и надо было разговор начинать. Но я всё ж подумаю.

Князь кивнул было, отпуская Рарога. Но когда тот уж почти до двери общины дошёл, вдруг окликнул снова.

– И сказать ещё хочу, – помолчал, сжав губы и продолжил: – Ты к Грозе лучше и близко не подходи.

– А ты отец её разве, чтобы решать? – ослабился Рарог.

Ух, зацепило-то как, аж в груди что-то вспыхнуло и закачалось от твёрдых слов князя, пронизанных ещё более открытой угрозой, чем раньше.

– Я отцу её слово давал за дочьню приглядеть, пока он служит в другом остроге, – спокойно пояснил князь. – А уж от таких, как ты, надо девиц подальше держать. И в сторону её смотреть не думай.

– Какая тебе печаль, князь? Сегодня я в твоём детинце на пиру сидеть буду, а завтра меня тут уж и не увидишь. Ничего не стрясётся с грозой.

Повернулся и вышел из общины, сжимая кулаки, не желая об этом больше и слова говорить.

Ватажники встретили его вопросительными взглядами, да заметили, что старшой больно уж не в духе – спрашивать ничего не стали. И после всё расскажет. Но то, что жив пока и никто его в застенках детинца держать не собираются, успокаивало и самых неужённых, тех, кто сюда и идти не хотел, готовый силой от стражи отбиваться.

Струги не бросишь просто так. Пришлось на пристань идти, мастеров искать в посаде, которые могли бы скорее с починкой лодьи помочь. Перетряхнули кошель, ещё почти пустые – по весне-то. Зима, как водится, нелёгкая была: кто по домам разбрёлся, кому было куда идти, кто охотой по лесам перебивался. Можно было с бортом этим окаянным и самим справиться, но тогда скоро никак не успеть.

Благо в городе торговом таких мастеров оказалось достаточно – и многие не заняты, потому как купцы только-только начали свой путь по протаявшей реке, и до Волоцка добрались не все. И повезло, что были среди них те, кто не ушёл на первые севы зерна во славу Дажьбога: остались в посаде. Хоть и было вокруг теперь гораздо свободнее, чем обычно. Люди нынче славят Богов и требы приносят в святилищах, и просят милости не только у Дажьбога, но и у Матери Сырой Земли, чтобы приняла семя, а уж Сварожич обласкает.

Другие в Овсень Большой уж скот на луга выводили, на подросшую траву, полную силы светила, принявшую её из земли.

Да только находникам полей не сеять, скот не пасти. Весь день Рарог и Волох провели в посаде да на берегу. Другие ватажники наводили порядок на лодьях, убирали воду со дна пострадавшего струга. Нехорошо вышло: и бок внизу, у самого днища, ему помяли, и ларь богатый, тяжёлый, который на лодье русинов заприметили себе в добычу, утопили. Вместе со сгоревшим кораблём. Да такая схватка случилась жаркая, что не всяк понимал, где свой, где чужой воин. Теперь уж не узнаешь, что в том ларе было: глубоко на дно лёг, не достать. Не сыщется даже в ватаге Рарога такого пловца, чтобы сумел. И если достанешь до дна – сундук всё равно не вытащишь. Потому ватажники повздыхали, конечно, как остатки русьей шайки прибились к берегу на почти разбитом в щепки на порогах струге и скрылись в лесу. Но случается и такое. Да только непонятно, где они по весне уже успели таким богатым добром разжиться.

К вечеру дождь почти стих, и работать стало легче. Скользкие блестящие мостки под ногами уже не казались такими неверными, и запах мокрого дерева стал привычным. Зато бок струга был починен, просмолен хорошенько – и выглядел теперь лучше, чем новый. Все разметанные во время бури вещи снова уложили в порядке под лавками, поставили мачты: придётся против течения идти, и, если случится попутный ветер, то и скорее доведётся покинуть Волоцк. Нежеланная вышла встреча.

– Завтра будет ведро, – взглянув будто в самую глубину чертога Богов, проговорил Волох.

А раз сказал – значит, так и случится. Если Боги благоволят пути, сам Сварог перестанет лить на головы нескончаемый дождь – и правда пора уходить.

Закончили работу вовремя и даже почти успели расплатиться с мастером Кержом подмастерьями и его бойким сыном, который во многом помогал не хуже взрослых мужей, как прибежал отрок из детинца – сказать, что пора бы возвращаться, потому как пир во славу Дажьбога уже разгорается.

Рарог едва успел рубаху в дружинной избе переодеть, как прибежал другой мальчишка – поторапливать. Ватажники бранились тихо, да деваться некуда.

Собрались все в гриднице: и насколько просторной она казалась поутру, настолько теперь – тесной. И не сказал бы никогда Рарог, что в детинце столько люда живёт, а как расселись за столами – почитать Дажьбога Сварожича – всё сразу видно стало. И любопытно, признаться.

Бревенчатые стены гридницы дышали теплом доброго дерева, разогретые уже огнём очагов, что вырыты были в полу да обложены ровными камнями. Жарко было от людей вокруг, от горячих яств, расставленных на длинных столах в больших горшках. Огоньки и тени, смешавшись, дрожали на стенах, и гомон нескончаемый, плясал между столами, прокатывался под чуть закопченным сводом вытянутой хоромины. Пахло мясом и мёдом, дымом и потом – и уже от этой смеси можно было опьянеть.

А больше всего – от взглядов чернавок, что сновали вокруг вместе с юркими отроками. То подливали они пиво и мёд в большие братины, то убирала уже опустошённые мисы и кувшины. Пока Рарог озирался в гриднице, натолкнулся не на одно пригожее девичье личико. Но привлекали вовсе не они: были тут и другие женщины, которые выделялись среди всех. Потому как сидели рядом с князем. Одна старше, но ещё в годах не слишком больших. Красивое и строгое её лицо было будто из берёзы вырезано в обрамлении ослепительно белого в полумраке хоромины убруса и тускло поблескивающих ряси. Её взгляд, безразличный, словно погружённый в себя, медленно скользил по головам собравшихся вокруг людей, ни на ком не останавливаясь. Даже необычные гости, коим не каждый здесь был рад, не заставили её приглядеться к ним. Княгиня Ведара – Рарог знал её ещё с тех пор, как в детинце первый раз появился. Вторая женщина, совсем молодая, пожалуй, немногим старше княжны, что сидела чуть поодаль от отца, отличалась от старшей жены князя живостью взгляда и лёгкостью. Она с интересом рассматривала всех, кто входил в гридницу. А уж когда Рарог остановился в небольшой заминке у стола неподалёку, и вовсе вперилась в него неподвижно. Тогда только он узнал её: та Сения, что накануне во дворе ему повстречалась. Что же получается: княжеская меньшица? А Владивой зря жизнь не проживал, стремился больше наследников после себя оставить. Да пока только был у него старший сын, что на востоке в другом большом городе сидел – Коломниче. И дочь помладше. И никто из них на детей Сении не походил, уж больно велики.

Рарог улыбнулся меньшице, чуть наклонив голову после того, как князя с княгиней поприветствовал – и та улыбкой в ответ одарила. Он обвёл большую хоромину взглядом в поисках ещё одного лица, которое здесь увидеть хотел, но не нашёл. Не было среди женщин Грозы – и оттого стало казаться, что она и вовсе привиделась.

– Садись подле меня, Рарог! – через всю гридницу донёсся громкий голос князя. – Гостям, что спасли мою дочь, особый почёт.

Он указал на лавку неподалёку от своего места – и его ближники: старшие дпужинных да воевода Вихрат, который только к вечеру, видно, и приехал, чтобы вместе с правителем почтить Дажьбога, сдвинули плечи, чтобы пустить Рарога.

А пока он усаживался, дверь снова открылась, и в хоромину вошла та, кто заставила кметей на миг смолкнуть. И не хотела, видно, привлекать к себе столько взглядов, а всё равно как будто огоньком пронеслась по гриднице между чернавок и отроков, которые ходили за спинами мужчин. Взгляда она ни на кого ни разу не опустила – смотрела всё перед собой и молча села подле Беяны, а та что-то тихо сказала ей на ухо. Рарог и старался не слишком долго разглядывать её, а взор было сложно отвести. Десятник Твердыта, что сидел рядом, случайно

толкнул его в плечо – и он отвлёкся, а напоследок самым краем глаза заметил, как смотрит князь на подругу своей дочери. Мимолётный это был проблеск – один миг, и князь уже уставился в свой кубок. Но по спине как будто горячими прутьями продрало. И все слова Владивоя о Грозе, сказанные напоследок, вдруг обрели совсем иную подоплёку.

Обжигающий взор князя заметил, видно, не только Рарог. И уж сколько бы ни была бледна его меньшица, а побледнела ещё больше. Задышала часто, покручивая в пальцах резную ложку. И, кажется, хотела бы сказать что-то мужу, да не решалась как будто.

Всем ватажникам нашлось место за столами. И хоть всё ещё посматривали кмети на них с понятной подозрительностью, а теснились, придвигали миски ближе. Скоро и разговоры на всех стали общие. И чарки сталкивались в братинах до треска, до хохота. И, верно, глядя на разгорающееся веселье, Боги радовались вместе с детьми своими и внуками.

Мужи ничуть не уставали от еды и питья, хоть и наступала уже со всех сторон хмурая сырая ночь – даже в гриднице чувствовался её дух, пробирался внутрь, стоило только кому-то приоткрыть дверь. Первой ушла с пира княгиня Ведара. Всё время она просидела, не сказав никому и слова, словно всё это было только необходимостью, которую она выполняла вовсе через силу. Она пожала легонько плечо дочери, и та встала с места тоже, хоть и промелькнуло по её лицу заметное сожаление.

Одна за другой женщины покидали гридницу, оставляя мужей за разговорами, в которых им места уже не находилось. Да и устали нынче, исколотались – пора и отдохнуть. Рарог и моргнуть не успел, как вслед за меньшицей пропала с глаз и Гроза, за которую взгляд весь вечер цеплялся. А вот она в его сторону ни разу и не посмотрела, будто не было его здесь. И оттого непрошенная острая досада разрасталась в груди. И как ни заливай мёдом – всё равно колет. Что же за напасть такая? Словно чары кто творил над ним. А может и все чары только в наружней неприступности девицы и мысли, что вот сядет он в струг свой – и больше её, может, не увидит.

Приветливые и улыбчивые, несмотря на усталость, чернавки чуть скрашивали злобу на самого себя. Прижимались горячими боками, протискиваясь между мужских плеч, да повизгивали коротко и тихо – не очень-то рьяно – если у кого-то вдруг руки чесались пощупать их. И чем дальше, тем посвящённое Дажьбогу пиршество будто в дурман погружалось. Вот уж и князь, который от дружины своей ни в чём не отставал, стал казаться не таким суровым. И лица гридбы и находников слились в одно: раскрасневшееся, блестящее от испарины, с разгоревшимися буйством глазами.

Пожалуй, пора и честь знать, а иначе ни одна на белом свете сила не сумеет поднять утром с лавки и заставить ещё и к кормилу садиться. Рарог вывалился из гридницы – подышать. Уж больно душно там стало и шумно, как мужи успели пива изрядно выпить. У самого голова во хмелю: давно такого не бывало. Ещё одна опасность в княжеском тереме оказаться: столько всего вокруг, что не каждый день встретишь в жизни дорожной. И яства разные, и мёд самый лучший и пива – хоть залейся. Конечно, своим ватажникам Рарог не позволял буйствовать и в загул уходить, даже если случалось богатую добычу перехватить. А сегодня-то что ж. Пусть гуляют. А там работа на стругах быстро вышибет из них всю вялость после такой шумной ночи.

– Ты куда, Рарог? – крикнул кто-то вослед.

Он только отмахнулся. Встал на крыльце, задрал голову к небу, с которого сыпала мелкая морось. Оседала на резных перилах, за которые он ещё держался, на траве, всё более густо поднимающейся из земли с каждым днём. Вздохнул. Надо бы пойти да отоспаться хорошо.

Чуть покачиваясь, хлюпая по влажной земле, Рарог двинулся к дружинным избам. Едва не рухнул, поскользнувшись на мокрой тропке, руками взмахнул, вновь находя равновесие. Живым бы добраться... Что ж за хмель такой опасный в голове ворочается? Кажется, и выпил-то не так много, как случалось порой. Но дурнотно так – нехорошо. Аж перед глазами плывёт. Повернув за угол терема, он поднял взгляд – и встал на месте. Впереди стояла девушка, будто

полупрозрачная среди блестящей пыли дождя. По плечам её разметались волнистые медные пряди, большой хитровытканый платок покрывал хрупкие плечи, свисая едва не до колен. Она была под ним в одной рубахе синей и понёве. И смотрела так неподвижно, будто и сама призрака встретила – не ожидала. Но не успел он лица разглядеть, как она повернулась и пошла прочь. Не быстро и не медленно, а так, чтобы он следом за ней успел. Так явственно коснулось её веление мысленное, чтобы шёл за ней. И качнулась тут же догадка острая, режущая по всему нутру от груди до паха, растекаясь жаром: Гроза ведь это! Она?

Да как рассмотреть-то лучше? Только что и разберёшь, что рыжие пряди, как горчица – всполохом среди серых сумерек, что заливали княжеский двор. Она обернулась – перед самым крыльцом женского терема. Быстрый взгляд поверх пушистой от влаги копны волос. Упорхнула – только пальчики тонкие заскользили по перилам вверх. Рарог, как замороженный, поспешил дальше – в тепло согретого печами дома. Да неужто? Всё кусала его Гроза, едва в его сторону смотрела, а скрывала многое, получается? И новой волной дурмана ударило в виски – Рарог даже покачнулся, едва устояв на ступенях. Ядрёный мёд у князя, ничего не скажешь.

Он проскочил в дверь – и по другому входу поднялся на второй ярус. И дверь одна из двух, что были здесь, оказалась приоткрыта. Он вошёл, на ходу снимая слегка сырую свиту. Огляделся: горница и правда девичья. Пара лучин горит на столе у окна. А девушка, слегка встряхивая мокрые волосы, зажигает ещё – в другом светце. Упал платок с её плеч – она руку вскинула поймать, да Рарог скорее успел. И тут понял вдруг, что это не Гроза.

Сения, княжеская меньшица, обернулась к нему. Сияла на её губах улыбка, да сползла мигом, как будто увидела она в глазах Рарога разочарование. Хороша она была по-своему. Только выглядела чуть болезненно, как будто недавно совсем какой недуг пережила. Но от того хотелось её обогреть и защитить даже. Провести ладонями по узким плечам, слегка вздрагивающим от прохлады под рубахой из тонкой цатры.

– Поохотиться решила? – Рарог усмехнулся и шаг назад сделал, стряхивая со свиты мелкие капли дождя. – На шкуру пустишь теперь или в поварню отдашь на щи?

Сения рассмеялась беззвучно. Протянула руку и запустила вдруг пальцы ему в бороду, смахивая влагу, спустилась по шее, рассматривая, решая как будто, годится ли он на шкуру-то.

– Не торопись бежать, – проговорила тихо, чуть низковато, стараясь скрыть дрожь в голосе.

Волнуется, словно опасное безумство задумала. Отобрала у него свиту, обошла спокойно и повесила на крюк у двери. Так обычно, будто мужа домой дождалась из долгой дороги. И даже любопытно стало, чего дальше делать станет, а уходить расхотелось. Она вернулась, на ходу развязывая понёву, на лавку её положила и встала перед Рарогом, выпрямив спину. И сквозь ткань проступили тугие вершинки её груди.

– Нравлюсь? – выдохнула смело.

– Нравишься, – согласился он. – Да только чужая жена.

– Да ты, кажется, привык чужое брать, – она усмехнулась, слегка прищурилась.

И всё-то уже знает. Но, кажется, судить не торопится. А уж обвинять – и подавно.

– Чужое чужому рознь. Одно возьмёшь – и ничего тебе за то не будет. А за другое и голову снять могут.

Она ничего отвечать не стала. Шагнула навстречу и обхватила его запястья озябшими, ещё не согревшимися пальцами. Приподняла – и Рарог обнял ладонями её талию. Поднялся вверх по животу, чуть надавил на манящие бусины под цатрой большими пальцами. Погладил медленно по кругу – и Сения глаза прикрыла, сжимая его руки сильнее. Горячее становилась её кожа, жар растекался по лицу бледному, окрашивая щёки лихорадочным румянцем. Голову кружило ещё, и лихое чувство закипало по всему телу – безнаказанности.

Раньше он упивался им часто, как только начинал лихую жизнь находника в ватаге Тихобоя. Злой, обиженный пренебрежением княжских людей и решением отца прогнать его из рода.

Тогда всё казалось по плечу. Возьми, что хочешь – река, да лес густой по берегам укроют надёжно. А от такого не сбежишь. Женщина и похожа порой на ларь с добром – только не знаешь, что в нём сокрыто. То ли золото, то ли куча тряпок бесполезных. Но её не отбросишь, как вещь. Особенно такую. Тонкую, но сильную, словно вырезанную из кости. Жену князя. Хоть и младшую.

Сения развязала его пояс, бросила на понёву, провела ладонями вдоль рук Рарога от запястий до локтей, задирая рукава рубахи. Мягко очертила рисунки на коже. И прикосновения её были такими приятными, ласковыми даже, как будто знала она его не день, а очень давно.

– А что это за знаки? – спросила.

– Обережные, – соврал он. – От водяного.

И чтоб отвлечь меньшицу, притянул её к себе и поцеловал в прохладные губы. Она запрокинула голову доверчиво, позволяя провести ладонью вдоль изгиба её тонкой шеи. Рарог спустил с одного плеча рубаху, очертил кончиками пальцев гладкую округлость. Зачем это ему? Ведь он понял сразу, как вошёл, что это не Гроза. Да и раньше должен был понять, что дочка воеводы не станет увлекать его за собой. Слишком колючая, слишком надменная – как будто нарочно.

Как он вообще тут оказался? Теперь путь до горницы вспоминался и вовсе плохо.

Но хмель всё бил в голову, заставляя тело раскаляться от желания. Откроешь глаза – пред ними Сения: молодая совсем и красивая женщина – но не та. Да неважно уже. Вместе они, медленно переступая, дошли до лавки, пышно устланной: в такую завалиться бы на денёк другой – сны в ней наверняка все, как один, приятные.

– Давай же, – зашептала Сения, отрываясь от губ Рарога.

Провела по ним языком и оттолкнула его слегка. А сама коленями на лавку опустилась, повернувшись спиной. Подхватила подол, подняла, оголяя бёдра – а другой рукой в стену упёрлась.

– Зачем я тебе? – Рарог, точно в тумане, приблизился и положил ладони ей на пояс, спустил, поглаживая, ощущая острые косточки. – Зачем вела сюда? Разве ласк мужа тебе не достаточно?

Меньшица прогнула спину, встряхнув волосами. И правда ведь, если не слишком приглядываться: рыжеватые, завитые не такими мелкими волнами, как у Грозы, но издалека можно было перепутать. Ещё и с хмельного неверного взгляда.

– Ничего не спрашивай, – проговорила хрипло, качая бёдрами вместе с движениями его рук. – А коль не хочешь продолжать, так и иди.

Она обернулась через плечо. Бросила взгляд чуть сердитый, вопросительный: вдруг и правда уйдёт? Но Рарог вжал её мягкими округлостями в себя, давая понять, что теперь уж не оступится. Сения его ладонь поймала и завела себе между ног – горячая, ждущая. Он спустил одной рукой порты и вошёл резко, придерживая её. Разметал в стороны расплетённые волосы, ухватил женщину за шею, заставляя голову запрокинуть, и рывками мелкими начал дёргать к себе. Она выдыхала рвано, царапая ногтями стену, то опиралась на неё сильнее, то выпрямлялась, вбирая Рарога в себя глубже. И как будто мало ей всё было, просила быстрее – ещё!

И била кулачком в бревно, опуская голову низко, двигаясь навстречу. Почти рыдала – так казалось. Словно в близости этой нежданной хотела забыться. А голова пьяная, дурная отчего-то помалу трезвела. И мысль в ней колотилась ясная: не по любви большой она Рарога к себе заманила – откуда бы той взяться. И не из вожеления непреодолимого, какое порой случается. А просто горечь свою унять с тем, кого, может, больше не встретит никогда. С тем, кто на лодью сядет по утру и вёсла в воду бросит, чтобы скорее от Волоцка подальше убраться.

Рарог схватил её за рубаху на спине и к себе подтянул.

– Мстишь, Сения? – выдохнул прямо в ушко.

Вбилась сильнее, чтобы почувствовала всё полно и не забыла после. И ещё, ещё – до всхлипа жаркого, что вырвался из её горла.

– Не твоё дело, – почти простонала меньшица. – Ах-х...

Выдохнула протяжно и забила мелко под тяжестью накатившей на неё волны наслаждения. Ворот рубахи её расплзся в стороны, как выгнулась она. Оголилась грудь, и женщина смяла её пальцами, продолжая ещё тереться о бедра Рарога своими.

Он провёл ладонью по лицу: вот это сходило до дружинной избы! Весь мёд, выпитый на пиру – впустую. И не заметил ведь, как излился. И удовольствия не получил особо. Так только – злое удовлетворение. Да и телу, конечно, полезно – после долгого пути.

А то, что меньшица княжеская – беспокоило смутно, конечно. Да, может, Владивую урок будет. Чтобы жену свою бдил лучше, следил да заботился. Чтобы не задирали подол перед другими.

Рарог разомкнул кольцо рук, позволив Сении бессильно опуститься на постель. Женщина на спину перевернулась и замерла, сжимая ворот рубахи у горла. Вцепилась взглядом, ощупала, пока он порты поправлял.

– И часто ты так балуешься? – посмотрел исподлобья.

– Первый раз, – ответила она серьёзно.

И помрачнела вдруг, словно осознала, что сделала. Может, мужа своего она и любила. Но, видно, есть обида на него, что в ней сидела крепко. Да права она: то не его дело. Рарог успел только свиту с крюка снять и к двери подойти. Но ручка прямо из пальцев ускользнула, когда та открылась. Короткий вдох – и синие глаза, чуть испуганные, недоуменные, поймали в свой плен – и задохнуться в нём за радость почтёшь.

– Это что тут... – протянула Гроза растерянно.

И за плечо Рарога заглянула.

– Рассказать, или сама докумекаешь? – вгрызся Рарог в её бестолковое бормотание, чтоб уколоть сильнее.

Это ж надо было так не вовремя навеститься! Ещё пару мгновений – и разминулись бы, пожалуй. Рарог оттолкнул её слегка и хотел уж мимо пройти. Да Лисица его за грудки ловко поймала. Надавила всем весом своим птичьим, впечатывая спиной в косяк.

– Силой её взял? – сощурилась и губы пухлые, мягкие сжала сердито.

– Да где уж там, – Рарог, улыбаясь издевательски, схватил её запястье, отодрал пальцы крепкие от своей одежды.

– Зайди, Гроза, – бросила меньшица устало. – Пусть идёт.

А та фыркнула зло – и впрямь ведь лиса. Глаза её в огненной кайме ресниц едва не жгли, как угольки. Но она отступила, вскидывая подбородок. Ухватить бы за него да вдавиться бы до боли в губы своими, прикусить, а после языком скользнуть между. Чтобы дышала ему в рот жадно и обнимала бы за шею. А не пыталась на мелкие куски порвать своими ноготками.

Рарог сделал ещё шаг в сторону и, закинув так и не надетую свиту на плечо, зашагал прочь.

Глава 4

Гроза закрыла дверь за Рарогом, едва удержавшись от того, чтобы не хлопнуть ей погромче. Ещё немного постояла, слушая удаляющиеся шаги находника, и повернулась к Сени. Та сидела на лавке, уже спустив босые ступни на пол. И смотрела на неё прямо, без сожаления. Даже со злобой.

– Зачем пришла? – сразу вздыбилась меньшица, так и сверкая взглядом, будто ждала уже осуждения.

Да и как тут не осуждать, когда она такое учинила: едва дождалась, как люди новые в детинце появятся, так сразу выбрала, с кем на ложе устроиться. И ведь никогда за ней такого не водилось. Что же теперь стряслось?

– Голос твой услышала. Кричала ты. Вот я и поднялась проведать... – и от шеи тут же бросился жар, уже было схлынувший, как вышел из горницы Рарог.

Стоило только представить, что они тут делали, раз вид сейчас у Сени такой встрепанный, но и довольный тоже – и чувство особое так и пышет отсветами в глубине расширенных зрачков.

– Видишь, ничего страшного со мной не случилось, – фыркнула она. – Смешная ты, Гроза. Не можешь крики боли отличить от...

И замолчала, махнув рукой, отчего-то горько усмехнувшись. И правда ведь, ни единой мысли у Грозы не мелькнуло, что может меньшицу Владивоя за чем непотребным застать. Думала, может, поплохело ей, вновь хворь какая накрыла: такое случалось пугающе часто. А приди чуть раньше, и вовсе вышло бы неловко.

– Но зачем? – всё же не удержалась от вопроса Гроза.

Ведь никогда не слышала она, чтобы Владивой жену младшую заботой начисто обделял. Чтобы забыл о ней, о дороге в её горницу. Знала, она, что и сама не без вины перед ней и Ведарой, но князь не оставил княгиню и меньшицу в угоду своим желанием, то стихающим, то вновь вспыхивающим невыносимым жаром. Может, она не знала многого, но ведь в детинце сложно утаить что-то. Особенно если пожаловаться кому.

– А то ты не знаешь, – Сения медленно опустилась на лавку спиной, уперев глаза в свод крыши над ней. – Не понимаешь ничего или вид делаешь? Какой год не могу дитя понести. Все на меня косятся, мол, я немощна, не держится во мне ребёнок. И потому Владивой всё реже ко мне ходит. А я... Я жду ведь его.

– Такое случается, – неуверенно возразила Гроза. – Всё обязательно получится. И наладится всё.

Пыталась она утешить Сению, а у самой на душе всё тяжелее становилось, потому что видела она во взоре той неверие. Да и как верить девице, которая, кажется, и вовсе мужа увести хочет? Но какие бы мысли о Грозе и Владивое ни крутились в голове меньшицы, она ещё ни разу ничем не попрекнула.

– А может, дело не во мне? – она перевела взгляд на Грозу снова. – Говорила я с многими лекарями и знахарями. К волхвам ходила. Вот они мне и сказали, что может, не моя вина. Просто Владивой дитя от меня не хочет. А раз не хочет, то скоро я буду для него местом пустым, как и Ведара.

Гроза прошла ещё дальше и присела на скамью у лавки меньшицы. Едва не смахнула неловко свечек, поставленный к самому краю стола. И понять пыталась, что чувствует сейчас, глядя на Сению: никак не злость. И не жалость тоже. Странное ощущение, будто гадливо слегка: да не только от поступка той, но и от того, что связывало её саму с Владивоем. Волей или неволей – не сразу разберёшься.

– А он тебе чем помочь может? Рарог-то?

– Не в помощи дело, – холодно, словно каплю остывшего дождя с ветки, уронила Сения. Села снова, расправляя подол. – Горячий он, как огонёк... Знаешь, бывают люди такие: встретишь – и хочется хоть часть тепла от них взять. Часть силы – хоть на миг один. И чувствовать себя хочется желанной, а не той, которую тянут, как ненужный груз. А может...

Она осеклась и взгляд опустила на свои колени. Гроза и рот приоткрыла, да не решила, что можно на такое признание сказать. Никогда они с Сенией не ссорились страшно, бок о бок спокойно жили, пусть и дружбы не водили близкой. И не подумала бы сроду, что станет она такой откровенной вдруг – будто в этот вечер сами Боги ей что нашептали. Вот и решила она Рарогу, вольному, неумному и похожему больше на ветер, чем на живого человека, отдаться. Да не просто так, ради удовольствия одного. И странно: Гроза понимала её. Таков он, огненный сокол Рарог – не поспоришь.

– Так он ушёл ведь. Не остался ни на миг лишний. А если дитя понесёшь?

– Понесу, так тому и быть, – удивительно твёрдо ответила Сения.

И Гроза снова не нашлась, что на это сказать. Они помолчали, то и дело вздыхая своим мыслям. И уйти бы, да как будто камнем к скамье придавило.

– Разве стоит это того? Обманывать мужа, – Гроза вытерла о понёву ладони, которые вдруг от всех раздумий, от бесстрастной рассудительности меньшицы вдруг испариной покрылись.

– А то он передо мной честен! Я ничего дурного Владивую не желаю! – вскипела та. – И тебе тоже. Хочет с тобой миловаться – да и пёс с ним! Не смотри так на меня. Думаешь, не знаю, кто у него в голове сидит? – она ткнула себя пальцем в висок. – Это Ведара где-то в Ирии уже витает, видно, рядом с Богами. С Макошьёй самой за одним столом ест. Раз не видит ничего. А ты... Девчонка ещё совсем. Дурит Владивой тебе голову.

– Что ты говоришь такое?! – Гроза осеклась.

И хотела с места вскочить, да усидела, потому как чего метаться и себя кулаком в грудь бить, раз Сения права? Права – и знает, о чём говорит.

– Да не ярись ты... – уже спокойнее добавила меньшица. – Только никому не говори о том, что я тебе сказала. Ничего это не значит. Не со зла сделано. И коли молчать будешь, не возьмёшься мне козни строить, мы с тобой и дальше в ладу жить станем.

И прозвучало, как угроза лёгкая, да точно не скажешь. Сения опустила голову и вдруг покосилась куда-то. Гроза проследила за её взглядом и заметила пояс широкий, явно мужской, что лежал на скамье недалеко от неё. Подошла молча и взяла его.

– Передам, – уронила. – И не скажу никому, не волнуйся.

Она вышла за дверь и остановилась, прижавшись к ней спиной. Нельзя здесь оставаться. Терем всё больше полнится слухами о том, что князь при двух жёнах в сторону другой девушки смотрит. И зачем ей такая тяжесть на душе? Зачем стыд этот в себе носить постоянно? Раз творится с ней что-то неладное рядом с Владивоем, так и надо связь эту рвать. Пока хуже не стало.

Она зажала в кулаке пояс Рарога и бегом по всходу скатилась, торопясь отдать. А то ведь ещё гудит гуляние в гриднице, а там, как кмети устанут, начнут по избам дружинным расходиться – уж не встретишься тайком. Хотя пояс этот лучше бы и сжечь вовсе, чтобы и следа не осталось.

Гроза проскочила по двору, вдыхая ещё витающий в воздухе запах костров, что доносились, кажется, с самого берега Волани. Их много сегодня жгли. И не все погасли, а возле них ещё шли гуляния и не стихнут до самого утра. Вокруг было темно. Где-то слышались голоса челядинок, которые хихикали тихо, раззадоренные мужским вниманием. Нечасто им доводится рядом с гридями так близко сталкиваться. В дружинные избы их не пускают вовсе. Только на гуляниях и случается совсем близко пройти, подолом задеть, ладонью коснуться невзначай.

У всех радости свои, а вот Гроза лучше бы бежала от них прочь. От каждого мужа, что в её сторону посмотрит. Потому как, если не ей это будет грозить бедой, то ему.

Она заглянула тихонько в ту избу, где Рарог гостевал: она видела однажды, как заходил туда. Внутри оказалось темно. Пахло кожей и деревом. И духом мужским – неизменно. Но не успела она ещё привыкнуть к темноте, чтобы увидеть, есть кто внутри или нет, как прямо перед ней возникла широкая грудь и плечи. Вышивка на вороте – хоть каждую ниточку рассматривай. Она подняла взгляд – вдоль шеи, по чуть курчавой бороде – и в глаза тёмные упёрлась.

– Убить меня пришла, что ли? – хмыкнул Рарог. – Не выйдет, у меня слух чуткий.

– Нужен ты больно, убивать тебя, – она выпрямила спину, чтобы хоть чуть-чуть выше казаться.

Да только сложно это, когда муж едва не на целую голову возвышается. Вспомнила о поясе в руке и протянула ему, ткнула слегка кулаком в живот – и находник охнул притворно, согнувшись. И только потом взгляд опустил на её руку – нахмурился. Видно, и не заметил даже, что чего-то недостаёт в его одежде. С такого хмеля – и удивляться нечему.

– Забыл. У Сении, – слова все пропадали куда-то. Словно иссыхали на языке и сыпались обратно в горло песком.

Она всунула пояс в руку Рарога и отступила, едва не обжегшись от одного-единственного касания. Как будто сила особая искрами пронеслась до самого локтя. Он ухватить её за запястье попытался. Твёрдые мозоли на его ладони царапнули слегка – и Гроза вмиг вся гусиной кожей покрылась. Так представилось ясно, как этими руками он Сению ещё недавно держал. Как будто в горницу в самый миг соития заглянула. Неловко, стыдно – и притягательно так, что душно становится.

– Спасибо, Лиса, – бросил он вслед.

И вздохнул шумно.

Наутро в детинце было так тихо, будто Морана серпом прошла. Только почти неслышно, словно мыши в подполе, возились челядинки: какой бы буйной ни была ночь, а работу за них никто не сделает. Гроза встала, верно, раньше многих. Да и спала, правду сказать, нехорошо. Всё что-то беспокоило. И мысли в голове всё рваные кружились: то о Сении, которая на шаг опасный пошла. То о Рароге, который сегодня уже должен был из детинца вместе с людьми своими уйти – а там уж Макоши одной ведомо, как нити расплетёт или спутает сильнее, может, и не увидятся больше никогда. А особенно меньше лучше вовсе с ним теперь не встречаться. То чудилось всё, будто Владивой вот-вот войдёт в горницу: на вечере во славу Дажьбога он тоже не раз и не два к мёду прикладывался. Голова обычно у него ясная всё равно остаётся, да мало ли как кровь разыграет. Опасалась она этого каждый миг – а может быть, ждала. Только больше всего того, что остановить его не сумеет – не захочет.

И отчего-то отец вспоминался. Как он живёт – вдали от Волоцка, откуда князь его хоть и не открыто, а прогнал. Потому как воевода, который не всегда с собственной душой в ладу, ему здесь не слишком-то нужен. Одно облегчение: матери она нынче не видела. Ни во сне, ни перед взором внутренним. Последней встречи с ней Грозе хватило. Встретиться бы наяву: может, и удастся найти путь к её нечеловеческому сердцу, если есть оно у неё вообще. Может, тина только одна вместо него или коряга сухая: хоть топором руби – ничего не почувствует.

Умывшись и едва разодрав гребнем витые локоны, чтобы собрать их в косу, Гроза отправилась в соседнюю горницу – к Беяне. Сегодня они вместе с челядинками собирались пойти травы пособирать. После Дажьбожьего дня великая сила в них: и в листьях брусничных, что только-только из-под земли пробилась. И в корнях. Сама Гроза умелой травницей себя не считала, а вот Беяна уж так это дело любила, что невольно приходилось ей потакать. К тому же нога, как княжна сказала, у неё почти совсем прошла: Шорох не зря был самым умелым знахарем в Волоцке да и окрест него тоже.

– Чего такая смурная, Гроза? – встретила её княжна весёлым щебетом.

Даже слишком звонким – в такую-то рань.

– Да что-то долго мне сегодня сон не шёл, – Гроза тяжело опустилась на лавку у стены, наблюдая за суетой Беяны, которая так по хормине носилась, будто не за травами собира-лась, а в такую дорогу дальнюю, что не одну пару лычаков стопчешь. То останавливалась, задумавшись, то вновь принималась вещи перебирать. То хваталась за ленты, то принималась руки совать в рукава свиты. А Гроза держала на коленях туесок для трав, постукивая по нему пальцами, и почти погружалась в дрему от этого мельтешения. Словно птичка в силках бьётся.

Перехватили они в поварне каши – под строгим взором Волуши, которая нынче тоже легла только под утро – прихватили с собой хлеба да молока. Но без Дарицы ускользнуть им из детинца не удалось: наставница княженки их едва не за косы поймала у самых ворот – и с ними отправилась, заставив шумных челядинок изрядно притихнуть. Беяна сникла заметно, но наперсницу гнать не стала. Куда без неё пойдёшь – и правда.

Сумерки поутру были ещё плотные, хоть нынче дождь совсем прошёл – и небо оттого сияло прозрачной жёлтой каймой с востока, холодея и холодея к самой вышине. Недобрый час сумеречный, когда ночь ещё не отступила совсем, а заря только-только зародилась на небоскате. Да пока дойдут, Око уж поднимется над окоёмом.

В посаде тоже было почти безлюдно. Навстречу редко кто попадался. Молчал ещё торг недалеко от ворот, хоть и там уже зарождалась жизнь. Звучали отдалённые голоса и басовитые оклики стражи на стенах.

Женщины вышли из Волоцка – через мост – и пошли в недалёкий лесок. Там, на солнечной опушке вблизи реки можно было пособирать добрых трав, которые и в отварах ароматных хороши будут и при хвори какой помогут. Только-только они поднялись из земли, ещё храня всю её силу, но и напитались уже теплом Ярилиным, который нынче в самое буйство входит.

Беяна молчала, перебирая пальцами ремешок туеска на плече. Уж какая была взбудораженная в своей горнице, а теперь вдруг как будто потухла.

– Ты чего опечалилась? – Гроза тихонько толкнула её под локоть, косясь на Драгицу: чтобы не подслушивала.

– Скоро снова в дорогу, – вздохнула княжна. Будто только об этом вспомнила. Потеряла кончик перекинутой через плечо косы и закинула её за спину.

– Неужто так уж тебе Уннар этот не мил? Я же видела его, как бывали они в Волоцке. И воин сильный, и наследником своему отцу будет. Да и собой тоже...

– Перестань! – едва не всхлинула Беяна и пихнула её ладошкой в плечо. – Нарочно, что ли?

– Не нарочно, – Гроза усмехнулась горько. Тяжело смотреть на подругу, которая от замужества скорого только мается больше. – Только Любора своего ты уж сколько лун не видела. Да и он не слишком рьяно попытался тебя у Владивоя отвоевать.

– Отец против. Сама знаешь. У него в мыслях всё по-другому. А матушка не заступилась за меня совсем, – голос Беяны становился всё тише, хоть и злее. – А ты... Ты тоже могла словечко замолвить за меня. Батюшка ведь слушает тебя. И... Ты могла ведь!

– Да где ж он меня слушает! – не выдержала Гроза. – Я для него всё равно что ты.

– Не смехи, – глаза княжны сощурились ехидно.

Но больше она ничего добавлять к тому не стала. А у Грозы будто в горле тина прогорклая осела. Что ж это творится? Зачем до такого довела, что даже и дочь Владивоя то и дело говорит о том, что знает о них всё. Она огляделась, повинувшись острому желанию бежать. Немедленно уносить ноги подальше от Волоцка. От Владивоя, от глаз его дурманящих и голоса. За что Недоля опять её сюда привела тогда, как она хотела уже уйти?

Скоро дошли и лесочка чахлого, тонкого, что стелился прутиками молодой поросли, помалу подбираясь к околице веси Болотка, что под Волоцком лежала. Зашли по тропке в глубину его, пронизанную чистыми лучами Дажьбожьего ока, сырую и прохладную. Животво-

рящая роса вмиг засыпалась мелкой пылью в черевички. Тёмными брызгами осела на подолах женщин. И сразу охватило со всех сторон такое спокойствие дремотное, что даже песней его нарушать не хотелось.

Но девушки разбрелись помалу в стороны: кто почек берёзовых собрать, кто коры ивовой. А кто к земле наклонился – за тугим брусничным листом. И песня помалу зародилась на губах звонкой Весейки, полилась между стволов – а там её уже все подхватили. И даже Гроза подпевала немного, хоть и считала, что ещё в детстве ей хорошенько наступил на ухо медведь.

Так и побрели они неторопливо вдоль опушки, то и дело переключаясь. Но всё реже: чем сильнее захватывало их вдумчивое занятие. Помалу добрались уже и до реки – а там собираться стали на берегу, на небольшой прогалине: чтобы отдохнуть и подкрепиться пирогами. Первой пришла Гроза, опустила туесок на землю и, как всегда, обратилась к матери-реке мысленно, благодаря за всё. За то, что воды свои несёт ровно, питает здешние земли ручьями, большими и малыми, а оттого всё живое вокруг поделиться может своей силой с людьми. И Волань как будто отвечала ей своим особым языком, успокаивала, утешала, может. После Гроза умолкла, глядя в ровную речную глубину. Но тихий покой в душе, который она так редко теперь находила, разрушил сначала шорох шагов, голоса девиц, а там и удивлённый возглас:

– А Беляна-то где?

Гроза оглянулась, окинула взглядом девушек, которые недоуменно озирались кругом. Остановилась на бледном, как луна, лице Драгицы. У наставницы, кажется, и руки даже задрожали от потрясения, что сковало её в один миг. А ну как совсем дурно станет? Гроза подбежала к ней, за локоть ухватила.

– Постой, не пугайся так! – заговорила сбивчиво, усаживая наперсницу на сухой топляк, который неведомо какая сила на берег вынесла. – Сейчас мы её кликнем громче, и она точно придёт. Увлеклась, небось. Ты же знаешь, Драгица Гордеевна, что она травы собирать дюже любит.

Девушки снова рассыпались по кустам, громко, на всю округу, ближнюю и дальнюю, окликая Беляну. Гроза и сама всё кружила, кружила вдоль берега, до хрипоты зовя подругу. Пока в горле не засадило настолько, что и слова лишнего не вымолвишь. Сколько времени так прошло – кто знает. Уж и Дажьбожье око поднялось выше, подпирая нижние ветки высоких, тонких, как лучины, сосен.

Но княжна так и не отозвалась.

Челядинки едва не все ноги сбили по оврагам и ямкам, что прятались в густой короткой траве да за насыпью прошлогодних листьев. Собрались снова на том берегу, где ждала их Драгица, глядя бездумно в безразличную даль, до самого окоёма устланную водами Волани. Тонкую полоску противоположного берега и не разглядеть почти.

– Я побегу в Волоцк, – выдохнула Гроза, остановившись рядом с наставницей. – Пусть кмети всё вокруг прочёсывают. А вы ещё её поищите. Да сами не заплутайте.

– Владивой, – почти простонала женщина, хватаясь за голову. – Ой, что будет...

Да, подумать страшно, как разгневается князь от вести о пропаже дочери. Какая лютая тревога его обуяет – которая непременно выльется упрёками на голову Драгицы. Да что ж поделывать? Без гридей тут точно не справиться. И всё ж никак не давала покоя мысль: как княжна могла здесь заплутать? Ведь знает эти места с самого детства. И Гроза попыталась вспомнить, когда перестала её голос слышать. В какой миг это произошло? И не сумела: девушек вокруг много, не всякий оклик различишь.

Она подхватила подол и понеслась едва не бегом к городу. И запыхалась страшно, пока поднималась чуть в гору. По вискам тёк пот, рубаха прилипла к спине. Но она постаралась шага не сбавлять: скорее сказать всем. А там сыщут, поди. Как по-другому-то?

Она влетела в ворота детинца. И сразу – к дружинному полю, где можно и воеводу Вихрата порой встретить. А уж какого десятника – и подавно. Первого заметила сотника Деньшу, схватила за рукав, разворачивая к себе, дыша тяжело, пытаюсь хоть слово вымолвить.

– Что стряслось, Гроза? – сразу понял он, что неладное творится.

Поймал ладонями лицо. А она и отстраняться не стала, потому как не до этого.

– Беляна... – выдавила наконец, едва уняв дыхание. – Пропала в лесу. Пока мы травы собирали.

Сотник не поверил сначала: так явственно застыли его глаза при попытке понять, какие-то страшные слова срываются с губ Грозы. Но он быстро пришёл в себя. Оттолкнул её легонько:

– К князю иди. А я кметей пока соберу. Отыщем.

Он пошёл к избам, а Гроза встала, не в силах больше и шага сделать. К князю идти... Да легче сейчас с крыши терема броситься, чем пред очами Владивой встать. Но она всё же сдвинула себя с места. Прошла по двору – под недоуменными взглядами отроков и случайной челяди. Немного остыла после бега – и стало прохладно немного в свите даже в тереме нагретом. Гроза распахнула одежду, бездумно стаскивая с плеч, и вошла в покои князя. Верно, после утренни он ещё оттуда не ушёл?

Она едва не столкнулась с Владивоем в дверях. Князь быстро подхватил её под локоть. Опустил на голову взгляд озадаченный, но и радостный как будто. Прорезались в уголках его глаз тонкие морщинки: он умел порой улыбаться только ими.

– Ты чего это, Грозонька?

И понятно, чему удивился: сама она никогда к нему не ходила. Только если звал порой.

– Мы травы собирали у реки... – она подняла лицо. – Беляна пропала. Мы искали, но пока не нашли. Я Деньше сказала. Он кметей собирает.

И всё. Все слова закончились – а горло словно пересохшим колодцем обратилось. Что будет теперь? Владивой поддел её пальцами за подбородок, вскидывая, обводя лицо тяжёлым взглядом.

– Иди к себе, – только и бросил.

Отпустил, оставив на коже остатки прикосновения – и быстро ушёл.

Гроза и хотела за ним пойти, помочь ещё хоть чем-то, но не стала. Кмети теперь лучше справятся, а девицы подскажут, что смогут. Она слышала, сидя в своей горнице у закрытого волоком окна – хотела отодвинуть, да забыла – как вернулись челядинки из леса. И голоса их понеслись между беревенчатых стен, встревоженные, словно стайка птиц. Стало быть, ещё не нашли...

Как же так случилось? Неужто сам леший решил вдруг князю в свои чертоги завести и погубить? Только зачем? Ведь всегда ему требы оставляли, прежде чем в лес войти. Никогда не обижали добрым словом и кашей с маслом. Зачем ему теперь было буйствовать? Ну не от песен же девичьих, которые призваны были духов лесных, недобрых отогнать, он разозлился?

Гроза медленно расчесала встрёпанные под платком пряди. Бездумно заплела косу, всё размышляя о том, как же теперь Беляну найти? Чей-то голос прозвучал от двери: она не сразу встрепенулась. Подошёл отрок, русоволосый Войко, и тронул её за плечо.

– Пойди к князю. Сказал, видеть хочет.

И как-то нерадостно это прозвучало. Даже обиженно, как будто перед тем, как мальчишку сюда отправить, Владивой и на нём злость сорвал. И хотел отрок Грозу проводить, а она отмахнулась. Не слепая ведь – дойдёт.

В хоромине княжеской оказалась ещё и Драгица. И по глазам её красным, припухшим, явственно можно было понять, что она только что плакала. И до сих пор из горла её доносилось тихое поскуливание, словно она всё пыталась оправдаться перед Владивоем, а никак не могла.

– Иди, – бросил ей князь, и она медленно пошла к двери, едва подняв взгляд на Грозу, что топталась у порога.

Темновато было внутри, как будто Владивой не хотел слишком яркого света, воздуха свежего со двора: волокнистые шторы закрыты. И оттого в хоромине его ворочался вяло пряный запах лучин, дерева и сбитня, что в кувшине на столе стоял. И особый запах Владивоя – тоже. Его кожи, разогретой гневом, его одежды из дорогого тонкого льна или цатры. Бывало, ходила сюда Гроза, не решаясь воспротивиться велению князя, а после лежала ещё долго на его лавке, разглаживая ладонью смятую простынь и вдыхая запах трав, что ещё остался на ткани после стирки умелыми руками челядинок, которые для владыки старались сильно. А по телу гуляло стыдное блаженство, прокатывалось по мышцам, оседая искрами между ног, где ещё трепыхался комок пережитого наслаждения. Владивой не отпускал Грозы в такие дни, когда ему хотелось её рядом, пока не убеждался, что дошёл до пика – и оттого сам как будто получал своё, хоть Гроза даже боялась к нему притронуться слишком бесстыдно. Только гладила крепкие плечи, будто тугими корнями обвитые. И шею горячую в тонкой влаге испарины. Проходила кончиками пальцев по спине, напряжённой, сильной. А он ласкал её безоглядно, и что после делал с набухшим в штанах вожделением – о том только догадываться оставалось.

И теперь Гроза чувствовала в душноватой хоромине такое же напряжение. Как зарница, вспыхивающее на краю разума предупреждением: быть буре. Да только вот какой?

– Как ты не углядела за ней, Гроза? – сразу обрушил князь на неё упрёк.

Нечасто доводилось таким его голос слышать. Чтобы тяжелее камня бил и в то же время льдом окутывал с ног до головы.

– Я не заметила, как Беляна пропала, – спокойно ответила она. – Челядинок нынче с нами много пошло. И шумно было. Казалось, все рядом. А там... Может, времени много минуло. Мы всё обошли кругом.

Князь подошёл медленно. Остановился напротив, заложив руки за спину. Гроза невольно оглядела его крепкую шею в распахнутом вышитом вороте рубахи, его подбородок широкий и остановилась на плотно сжатых губах.

– Я не хочу тебя винить, Гроза. Да ты и не виновата, – Владивой, видно, пытался сдержать ещё не утихшую ярость, которой дошёл наставницу княжны до слёз, но не мог. – Но мне казалось, что силы твои помогут... Особенно у реки. Духи подскажут, где искать.

– Я не говорю с духами, – она вперилась в его глаза – и словно в прорубь с острыми краями нырнула, ободравшись едва не до мяса самого.

Закровоточило, засадило до костей, пронеслась дрожь по спине – до мелкого стука зубов. Словно сквозняк лизнул мокрую кожу. Владивой умел – то жаром опалить, то льдом обдать так, что сердце замирает.

– Разве ты не дочь вилы? – вновь вскипел и плеснул он через край.

Вдохнул рвано и выдохнул медленно, гася злой огонь в груди.

– Может, я и дочь вилы, да не дочь охотничьей собаки, – Гроза отступила, невольно стараясь отгородиться от ярости отца, у которого пропало дитя. Потому что она в том и впрямь не виновата.

Сделала пару шагов прочь, словно от липкого пола ноги отрывая. Князь сейчас не в себе. Вон как глаза сверкают, точно клинки. Того и гляди на куски порежет вот так, взглядом одним. Но и страх в них стоял: что Беляну так и не сыщут. Что бы ни говорили о том, что с дочерью своей он сурово обошёлся, отдав в невесты тому, кого она один раз в жизни видела, а всё равно тревога страшная сейчас разрывала его сердце. Любил он её и баловал часто, особенно когда мать родная от своих детей отделилась, как будто чужими ей все вокруг стали.

Гроза остановилась, кусая губу, а после обратно подошла. Осторожно коснулась ладонью плеча князя, слегка сжимая пальцами. И не хотелось больше ничего говорить. А, кажется, надо было что-то?

– Она найдётся. Обязательно. Уж духов недобрых, которых мог бы леший наслать, я бы почувствовала... Раз уж дочь вилы.

– Прости, – выдохнул Владивой. – Я не хотел говорить об этом.

– Но сказал.

– Прости, – повторил князь.

Поймал её руку и себе на шею закинул. Притянул ближе, обнял крепко, не сводя взгляда с лица Грозы. Она назад качнулась, как захотел её поцеловать. Князь удержал. Придавил бёдрами к столу тяжёлому и всё ж поймал её губы своими. Она отвернулась.

– Не нужно. Оставь меня, князь. Не мучай.

Оттолкнула его и выскользнула из рук.

– Разве ж мучаю? – он улыбнулся плутовато. – Кажется, всегда наоборот.

Поддел умело, заставив задохнуться в волне злости на себя саму. И сразу слова Сении вспомнились: дурит он тебе голову. Дурит... а как иначе? Или всё же нет? Разве можно так притворяться?

– Не принесёт это всё добра ни тебе, ни мне, Владивой, – ровно произнесла Гроза. – Любовницей своей хочешь меня сделать? Так участь такая мне не нужна.

– Хотел бы сделать, сделал бы давно, – вновь начал яриться князь.

И отпустил уже, кажется, а снова дорогу преградил. Схватил за плечи, останавливая, встряхнул, сжимая сухие, белые от гнева губы.

– Так зачем? – пришлось голову запрокинуть, чтобы смотреть в его глаза.

Долго она этот вопрос в голове крутила, да всё задать не могла. Потому что ответ боялась услышать. Тот, что бросит их на дорогу, с которой не свернуть. Которая приведёт Владивоя к гибели. Долго князь держался. Долго стороной Грозу обходил, да как вернулся зимой в детинец после сбора дани и полюдья, так словно сорвалось в нём что-то – и уже не мог он сдерживать своего стремления к ней.

– Нужна ты мне, Гроза, – низко проговорил князь. – Больше воздуха нужна. По-другому и сказать не могу. Объяснить не могу... И забыть тоже.

Он толкнул её назад, едва не раздирая завязку на вороте. Держа за шею, вдавился в губы вновь. Стянул рубаху с плеча – и прошёлся по нему горячим ртом. Сминая пальцами бёдра через понёву и рубаху. До боли: чтобы следы оставить. Как метку свою: чтобы помнила каждый день. Пусть и так в мыслях он постоянно, как ни гони – хоть голову под топор. Прижался твёрдой плотью, что явственно ощущалась сквозь порты. Страшно стало. От того, что захлестывало с головой Грозу то безумие, что было в каждом его движении, в каждом касании губ, в рывках нетерпеливых, которыми он притискивал её к своему телу.

– Хватит! – Гроза со всей силы толкнула его. Словно птица крыльями ударила – и не почувствовал, верно, ничего.

Толкнула Владивоя снова и вдруг нож для трав, что на поясе висел, выхватила. Сама не поняла, как. Не поняла, зачем и что дальше делать будет. Короткий взмах – как отец наставлял – блеск стали, не слишком хорошей, да острый: сам кузнец Полян, давний друг воеводы, точил. Тонкие травяные стебли одним движением срезает и ветки сухие рубит легко, коли надо. Гроза прижала нож к шее князя, взяв лезвием назад – и он замер, глядя на неё прямо, не отстраняясь далеко и руки тяжёлой с талии не убирая. Гроза сжимала дрожащие губы, на которых чувствовала вкус Владивоя, лёгкие отпечатки его зубов. И боялась, что маленькая рукоять выскользнет из влажной ладони.

– Режь, – хрипло уронил Владивой. – Ну?

– Рехнулся... – выдохнула Гроза.

– Давно уж.

Она надавила лезвием чуть сильнее, прямо под ухом – и выступила кровь. Да князь не шевельнулся даже, не попытался остановить и оружие отобрать – хоть и мог. Гроза руку, затёк-

шую от напряжения, уронила и торопливо бочком протиснулась мимо. А Владивой отступил, низко опустив голову, чтобы не смотреть. Будто сам в себе побороть хотел то, что развернулось уже всю ширь, затопило безрассудством. По шее его побежала тонкая алая дорожка, впитываясь в ворот. Он смахнул её, окрашивая пальцы, слизнул коротко, усмехаясь.

Гроза запахла рубаху на груди и быстрым шагом, едва удерживаясь, чтобы не побежать, вышла вон. Всё тело пылало, кожа хранила запах князя. А перед взором стоял сизый туман его глаз. Только по пути она вспомнила, что нож так и сжимает в руке – тогда убрала в плотный дублённый чехол. Прибежала в горницу и начала бестолково метать вещи в большой заплечный мешок. Знала теперь, что Беяна не заплутала в лесу. Не сгинула по воле духов заблудших или лучшего самого. Не утопла в реке, не провалилась в овраг.

Она просто сбежала. От того напора, с которым Владивой делал в своей жизни всё: рубился ли за земли, любился ли в постели, стремился ли выдать дочь замуж за того, кто был ему в зятях удобней. Он задавил дочь своей волей. Невольно заставил Сению лечь под другого, лишь бы только понести ребёнка – и быть в покое. И Грозу сжимал в тисках всё сильней. Ударял молотом своего желания, раскаляя её добела, вынимая из глубин тела тяжёлое, как туча перед бурей, вожеление. Чтобы выковать из неё то, что было ему нужно. Чтобы сама захотела стать его до конца – и некого винить.

Она остановилась и заставила себя успокоиться – хоть немного. Вытрясла все вещи из мешка и уложила вновь, отбросив ненужные. Дело пошло гораздо быстрее. Даже удалось и ларь с украшениями затолкать на самое дно. И кошель, в котором позвякивало не так уж много кун серебром: да на дорогу хватит.

Нынче вновь тепло стало, но Гроза укуталась посылней, и платком укрыла рыжие свои вихры – совсем тщанием. Пронеслись снаружи шаги челядинок и их встревоженные голоса: сейчас все в детинце за пропавшую княженку беспокоились. Дождалась, как всё снова стихнет, и опроретью понеслась из своей горницы – вниз по всходу и во двор. Не оглянулась. Окольными тропками – к воротам, слушая гомон дружинников в стороне и боясь наткнуться хоть на кого-то из них: не отпустят тогда. Стражники только мельком на неё посмотрели: всех сейчас больше пропажа Беяны занимала.

– На торг, – бросила она ближнему гридю, не уточняя, зачем ей сейчас туда понадобилось.

Не помня себя от страха, Гроза прошла через посад – к дальним кругам, всё больше теряясь в толпе, шуме и запахах, что обхватили со всех сторон. Погромывали под ногами брёвна мостовой. Хрустела ореховая шелуха. Толкались люди, на которых Гроза неосторожно налетала то одним плечом, то другим. И как-то не думалось, как она одна дальше будет. Как этот путь пройдёт без подмоги, без родичей, без подруги, которая бросить её решила вот так: ни слова не сказав. Беяна, Беяна... Но казалось, сейчас хоть волку в пасть – а всё равно лучше будет, чем в детинце остаться.

Гроза вышла к пристани и сверху окинула взглядом ещё редкие лоды, что стояли, покачиваясь на мягких волнах реки. Отыскала взглядом струги Рарога, что уже были заполнены людьми и, верно, скоро собирались отплыть – повезло. Гроза скатилась с пригорка, едва успевая перебирать ногами, и, проскочив полосу пахнущего рыбой и тиной берега, почти ткнулась в чью-то грудь. Обдало её запахом мужским, острым, какой бывает после работы. Широкая ладонь обхватила плечо, удерживая. И завьёт так захотелось остро, вдавиться лицом в рубаху эту застиранно-синюю с чуть разошедшейся вышивкой у ворота и по рукавам.

– Куда спешишь, шустрая? – тихо, ласково, словно знакомой хорошей, которую ждал давно.

Да не ждал и не узнал вовсе. Всем он друг, всем он улыбается, вольный сокол-Рарог. И Гроза едва не всхлинула от звука этого голоса, слегка осипшего от ветра и, видно, только что розданных ватажникам громких приказов. Сама ведь шла, зная, зачем. А сейчас – испуга-

лась вдруг. Она подняла голову. Удивлённо вскинутые брови Рарога сошлись к переносице, и улыбка сползла с губ.

– Вы, девицы, сговорились, что ли, меня донять нынче? Коль не хотите, чтобы уезжал, так скажите прямо.

Рассердился – надо же. Обжёт пламенем, катящимся, словно коло, по радужке его глаз.

– А кто вторая девица была? – тут же уцепилась за его слова Гроза. – Не княжна ли Беяна Владивоевна?

Находник помолчал маленько, решая, видно, что сказать для него будет выгодней. Верно, не донесли ещё до пристани слухи о том, что княжна пропала рано утром. Но Рарог, похоже, всё же знал что-то.

– Положим, она ко мне приходила, – всё же рассказал он. – Просила по реке её довести до Любшины. Заплатить обещалась много. Сколько попрошу.

– Где она? – Гроза попыталась заглянуть через его плечо на тот струг, что позади стоял. – Мне надо её увидеть.

– Так нет княжны, – развёл руками Рарог. – Домой я её отправил. Сказал, чтобы глупости оставила. Да я ещё жить хочу, чтобы у князя из-под носа дочь увозить.

– Чего-то не вернулась она домой, – прошипела Гроза, наклоняясь к нему ближе. – Может, ты прячешь её?

– А ты пойдешь, проверь, – огрызнулся находник. – Не в мешок же я её запихнул.

И то верно, чего она на Рарога взъелась? Вряд ли он стал бы против князя идти, дом которого только нынче утром покинул – кажется, другом, а не врагом. Хоть и не без проделок, конечно. Но стоило только посмотреть в его глубокие глаза, как понятно становилось, что скрыть он может многое – и ничего на его лице не дрогнет.

– А куда она отправилась после тебя, ты не видел? – Гроза беспокойно заозиралась. Неровен час и за ней в погоню кого-то отправят, как обнаружит Владивой, что она пропала. Как поймёт, что он сам тому причиной стал. Да может, не спохватится, пока остывать будет. Другой раз в горницу к ней не сунется.

– Княжна, конечно, сразу в детинец не побежала. Я ж ей не наперсница, чтобы она меня боялась, – Рарог хмыкнул, но тут же снова серьёзным стал, как Гроза на него строго взглянула. – Прошла ещё вдоль пристани. Купцов о чём-то спрашивала, кто отплывать собирался. А после пропала.

– И ты не посмотрел, куда?

Гроза невольно схватила его за ворот свиты, но он отодрал её руку от себя тут же. Стиснул крепко запястье – и только обручье кожаное, толстое уберегло от будущих синяков.

– Ты, Лисица, на меня не тывкай, – наклонился близко-близко к её лицу. Пахнуло орехами калёными,пряно так, тепло. – Ты не сестрица мне. И не мать уж точно. За княжной вашей чудной я бегать не стал. Сама подумай, куда она сбежать могла. Ты ж её подружка.

И отпустил, слегка от себя оттолкнув. Повернулся уходить: ватажники уже давно его дожидались, гомонили тихо и недовольно, поглядывая в их с Грозой сторону. Она обернулась к воротам городским, что вели к пристани. Почудилось даже, что стража из-под заборол смотрит на неё уж больно пристально, хоть и лиц их не видела отсюда, а значит, и они мало что разглядеть могли. Хлопнул громко свисающий угол ветрила на струге Рарога. Тот уж почти на борт поднялся, как Гроза поспешила к сходням.

– Рарог, стой! – крикнула, боясь, что он не захочет её услышать.

Находник остановился, чуть откинув голову – ватажники захмыкали, глядя на него. И оставалось только гадать, какую гримасу он соорудил для них нарочно. Обернулся, не двигаясь с места.

– Я даже спросить боюсь, что ты хочешь мне сказать, Лиса.

– А ты не бойся, – та ступила уже на доски сходен. – Куда ты путь держишь?

– Тебе всё скажи, – Рарог снова отвернулся было.

– Отвези меня в Белый Дол. Прошу.

И замолчала, не зная ещё, что сказать. Верно, нужно было обратиться к кому другому. Да хоть пешком идти или вплавь в Волань бросаться – всё ж лучше, чем рваться в ватагу находников.

– А что мне будет за то?

– Заплачу. И отец мой тебе ещё больше даст, как доберёмся. Ведь тебе иного пути нет. Всё одно мимо того острога проплывать будешь.

Гроза застыла, ожидая ответа Рарога. И время потянулось так медленно: казалось, что в детинце уже целая жизнь прошла за тот миг, что она стояла здесь, глядя в напряжённую спину старшего. Она даже вслушивалась в его дыхание, что яростно вздымало сейчас его плечи, раздвигало сильные мышцы между лопаток.

– И чего тебе в детинце не сидится никак? – вздохнул наконец Рарог. – Пряла бы да ткала себе приданое лучше, а не лезла, куда не просят.

– Так отвезёшь? – не забыла о своём вопросе Гроза.

Но он ничего не ответил. Просто поднялся на борт и прошёл через весь корабль до кормила. А Гроза, решив, что его молчание можно принять за согласие, поспешила вслед за ним. И только ступила на дно ладьи, как проворные ватажники убрали сходни. Покосились на неё, усмехаясь чему-то беззвучно.

Что ж. Теперь и правда только в воду вниз головой, если что вдруг не так повернётся.

Глава 5

Весь детинец гудел, почти неслышно, но ощутимо – от вести о том, что Беляна пропала. И гул этот неуловимый отдавался содроганием где-то в груди. Заставлял тревожнее стучать сердце – без конца. Как будто Владивой, едва отдохнув после долгого бега, вновь срывался с места и гнал себя, гнал – неведомо куда.

Чадила чуть сыроватая лучина на столе в трапезной, потрескивала, дрожало её пламя, гуляя бледными отсветами по лицу княгини, которая смотрела на Владивоя с лёгким осуждающим непониманием, медленно помешивая ложкой остатки щей в миске, хоть они и остыли давно. От этого мерного стука, от столь снисходительного взгляда просто хотелось её придушить. Или хотя бы встряхнуть хорошенько.

– Она не первый раз в тот лес ходила, Владивой, – перестав наконец возить ложкой, проговорила Ведара. Задумалась на миг, словно пытаясь осознать свои собственные слова.

И вновь подняла на Владивоя свои безмятежные, пустые глаза. Кому-то она казалась мудрой, знающей многие тайны жриц Макоши, среди которых была старшей. А вот в жизни собственной дочери смыслила не больше курицы, что бегаёт по двору. Роется в земле в поисках зерна – а что перед носом у неё творится, не видит.

– Не первый раз, так и что? – он склонился ближе к лицу жены, всматриваясь в её черты, сухие, бесстрастные.

И до того ему мерзко становилось, что хоть водой запивая всю эту горечь. А лучше брагой. Ведара и сама уже как идол, как чур, вырезанный в дереве. Да только до Богини ей далеко. Макошь – колодец бездонный терпения и справедливости. А Ведара всё только приблизиться к ней хочет, да разве это возможно?

– То, что не заплутала бы. Сыщется. Может, нарочно решила тебя позлить, – княгиня пожалала плечами. – Ведь ей твой указ о замужестве, кажется, дюже не по нраву пришёлся.

– Беляна не глупая вовсе. Понимает, что к чему. Что нам союз с ярлом Ярдаром нужен. Тогда он руть пускать мимо острова своего к нам не будет. И ему прок, – Владивой помолчал, видя, что все его слова никакого отклика ни в душе, ни на лице жены не находят. – Да и не была никогда Беляна такой... Чтобы назло такие несурезицы удумать.

Ведара тут голову вскинула, прищурилась, впиваясь взглядом в лицо Владивоя. Словно прошибло её всё же что-то. На миг один, в который теперь и не знаешь, чего от неё ждать. Слишком редкими такие проблески стали.

– А то, что она с Грозой этой уж какой год дружбу водит? – её голос стал больше похож на шипение. – А та всегда несносной была. Едва не с отроками по двору носилась, хоть и в понёву уж влезла. Вечно в голове её всякие дерзости, слова лишнего не скажи – на всё ответ найдётся. Вот и нахваталась Беляна. Нашла, где норы, который от товарки переняла, показать.

– Не говори ерунду, Ведара, – Владивой хлопнул ладонью по столу. – Гроза...

– И тебе весь разум отравила, – закончила за него княгиня. – Не стыдно-то самому? Скоро уж борода поседеет, а ты таскаешься за подолом её, чтобы хоть что-то урвать. Или спишь уже с ней? Спишь, ну?

– Не твоё дело! – рявкнул Владивой. – В этом доме уже многие дела не твои. Ты сама себя заживо похоронила. Ни до Беляны тебе дела нет. Ни до Обеслава. Ты хоть знаешь, где он сейчас? Знаешь, сколько у него детей?

– Да ты... – Губы княгини задрожали. – Как ты...

– Так и могу. Имею право говорить тебе это, потому как и сына, и дочь последние годы сам воспитывал. Пока ты мудрость постигаешь, которая никому, кроме тебя ничего не даст, – Владивой вздохнул и сел на лавку рядом с женой. – Мне жаль. До сих пор жаль, что Заслав не

выжил. Но надо отпустить. Надо было отпустить, Веда. Тогда и было бы у нас сейчас всё по-другому. И ты не спрашивала бы меня, с кем я ложе делю. Потому как знала бы, что с тобой.

– И меньшицу ты не брал бы? – княгиня горько усмехнулась, вставая.

– Может быть.

Ведара покачала головой, как будто и не поверила ничуть. Поправила убрус возле щеки, хоть и так он был обёрнут ровно – и вышла, больше ничего не спросив, не узнав, что муж дальше будет делать и где дочь искать.

Никогда в жизни Владивой так не гневался: на бестолковых баб, что не смогли уследить за Беляной, на Ведару, которой до пропажи княжны будто и дела не было: Сения, как узнала, и то больше всполошилась, испугалась даже. Владивой злился на Грозу, которая отталкивала его так рьяно в тот самый миг, когда он хотел её тепла. Хотел понимания – а в ответ получал только испуг попавшей в капкан косули. Да и сам от себя он ярился не меньше: от того, насколько большой слабостью она для него становилась. Её хотелось смять, подчинить. Овладеть ею, чтобы не смела больше сторониться, чтобы поняла наконец, что нет иного пути: всё равно рано или поздно они схлестнутся так, что не останутся. И в то же время он хотел сохранить её нетронутой как можно дольше. Отчасти, чтобы острее чувствовать это пьяное безумие, что охватывало его рядом с ней, с дочерью воеводы своего и давнего друга. Наваждением, что не отпускало ни днём, ни ночью. Но он пока не знал, что делать дальше и как удержать Грозу рядом с собой. Рано или поздно она пойдёт замуж: такая девица просто не может остаться одна. Однажды мужики глотки друг другу порвут, чтобы в жены её взять. Стало быть, Владивой не имеет права забирать её невинность, ломать ей жизнь, потому как взамен ничего не может дать. Он, князь и покровитель всех окрестных земель – не может ничего предложить молодой девчонке, кроме неумной, лишаящей разума страсти и ласк. Не слишком-то крепкие пути для своевольной Грозы. Смешно и жутко одновременно.

Почему он пропустил тот миг, когда худошавая нескладуха, которую Ратша однажды привёз в детинец – огненноволосая, неугомонная – вдруг превратилась в девушку, на которую обратились взоры многих неженатых кметей в дружине? Как недоглядел? Когда перестал относиться к ней, как к товарке собственной дочери, и вспыхнул – точно сухостой – невыносимым влечением? Страшным, как лихоманка, которая уже не поддаётся никаким травмам знахарей, никаким заговорам и молитвам. И забирает, капля за каплей, жизнь и силы. Он не мог вспомнить. Как будто жил с этим чувством всегда, всю жизнь горел и никак не мог рассыпаться в пепел – и перестать мучиться.

Он давал слово Ратше – позаботиться о Грозе. Обещал, что никто её не тронет. А сам...

Чтобы немного остыть после ссоры с Ведарой, Владивой сам отправился на поиски Беляны. Может, думал, что отцовское сердце подскажет, где её искать. Но гриди так истоптали всё вдоль берега Волани и на несколько вёрст вглубь леса, что самый умелый следопыт не разберётся. А сердце предательски молчало, будто не чуяло никакого следа Беляны. Вообще ничего, что подсказало бы, где её искать.

Пропадала помалу, растворялась утренняя прохлада. Оттесняло её в тень соснового бора тепло, что лило на головы раздухорившееся Дажьбожье око. Владивой остановился на той прогалине, где собрались девушки, когда и обнаружилось, что Беляны среди них нет. Он опустил взгляд в траву, примятую нещадно: ещё нескоро поднимется – и заметил вдруг одинокий туюсок, который стоял у вывернутой из земли коряги, гладкой, словно обструганной, до того её вода обласкала, прежде чем на берег выбросить.

Владивой подошёл и поднял туюс за ремень, покрутил, заглянул внутрь – и в нос душно пахнуло брусничным листом. Даже голову прояснило.

– Это чьё? – спросил у ближнего кметя из тех, что стояли неподалёку, тихо переговариваясь и ожидая приказа: искать дальше или в детинец отправляться.

Утро уже почти минуло, и светило поднялось на небоскате так высоко, как могло в начале травения. Гриди устали и почти отчаялись хоть что-то сыскать.

Парень пожал плечами, спросил что-то у соратников.

– Говорят, кто-то из девиц тут оставил, – повернулся к Владивой снова.

– Гроза, – добавил кто-то из гурьбы.

Как по сердцу полоснул. Каждый раз это имя заставляло замереть на миг, вслушиваясь в него. Как звучит на устах других мужчин, и нет ли в их голосах того, что заставило бы обеспокоиться.

Владивой закинул туесок на плечо: надо бы Грозе вернуть. Никому другому доверять это он не хотел: а девиц кругом уже не осталось, всех отпустили в город, чтобы не суетились тут, не мешали. Он прошёл чуть дальше по берегу, собираясь уж в седло садиться и возвращаться в детинец. А после, как кмети хоть немного передохнут, снова за поиски приняться. Теперь уж дальше по дорогам рассыпаться: мало ли какие следы найдутся. Не верил он, что пропала она вот так, бесследно.

Он обратил взор к водам Волани, надеясь смутно, что, может, она хоть какой-то ответ даст. Но вода текла неспешно, спокойно. Разносилось вдоль берега скрипучее побрякивание уже вернувшихся с южной стороны уток. Гомонили кмети, озадаченно и осторожно, чтобы не потревожить из без того злого сегодня правителя.

Показалось, впереди мелькнула светлая фигурка. Замерла, обернувшись – и вновь скрылась среди рябого бело-чёрного частокола берёз и грозных бронзовых столпов сосен. Затерялась за полупрозрачной стеной тонких веток.

– Беяна! – окликнул Владивой и быстрым шагом, поддёргивая туесок на плече, поспешил за ней, не обращая внимание на оклики гридей.

Он спешил за ней, уверенный, что успеет нагнать. Всё же спрятаться решила, проказница. Высыпать бы ей за то хорошенько, да уж не к лицу девицу на выданье розгами хлестать. Хоть и заслужила. Белая рубаха с яркой, словно кровь, вышивкой по рукавам то и дело показывалась перед взором. И снова пропадала. А то и оказывалась очередным стволом берёзы, в который Владивой едва не тыкался носом – и только потом понимал. Но она неизменно появлялась вновь, не подпуская к себе слишком близко, не давая разглядеть. Он не знал, сколько бежал так, преследуя девушку, что явно не хотела быть пойманной. Ноги уже исхлестали упругие ветки, сапоги подмокли: пришлось пробежать через небольшое болотце. И вдруг Владивой вывалился на узкую полосу бережка, обрывистого, выше двух саженей, что нависал над водой промытым у подножия яром.

Она ждала впереди. Нет, не Беяна, оказывается. Дажьбожье око бликами неугомонными плясало на рыжих волнах волос, что рассыпались по узким плечам девушки. Она стояла спиной, заплетая в косичку тонкую прядь у виска.

– Гроза? – Владивой придержал шаг, но не остановился, медленно приближаясь к ней.

Откуда бы девчонке тут взяться? Ведь она должна сидеть в своей горнице, как он и приказал. Та слегка повернула лицо – и свет очертил её гладкий лоб, густые ресницы, вспыхнувшие маленькими огненными всполохами, и тонкий прямой нос. Владивой в два шага настиг её, развернул, прижимая спиной к белому в чёрных рубцах стволу. Вцепился в губы её своими, отбрасывая руки, которыми она хотела его остановить. И поцелуй от самой макушки до ступней обдал холодом утреннего ветра, что, сонный, выбрался из речной низины. Дохнуло в самое горло стужей высоких гор, откуда берут начало реки.

Владивой отшатнулся, тяжело дыша, почти задыхаясь. Женщина, невозможно похожая на Грозу, вперилась в него потемневшими от гнева глазами. Развернулись за спиной её тонкие, словно из паутины сотканые крылья. Владивой и хотел к ней по имени обратиться – тому, которое знал, как была она женой Ратши. Да не стал. Не та это больше женщина, что жила в доме воеводы, а тогда ещё сотника. Не та, кто родила Грозу. Она дух, всего лишь часть беско-

нечной души реки, и так смотрела теперь, будто Владивоя и не узнавала вовсе. Будто не виделись они никогда. Вила качнулась назад, в тень берёзы, не говоря ни слова. И только гадай, мерещится или всё же нет. Послышались торопливые шаги гридей позади, голоса и оклики зычные, которые всё зверье в округе распугать могли. Вила поморщилась от непотребного шума.

– Не там ищешь, – сказала наконец.

Бросила взгляд на туесок, что висел на плече Владивоя – и глаза её как будто прозрачнее стали, потеплели всего лишь на миг.

– А где искать? – успел только спросить Владивой.

– Куда пойдёшь искать, там большая доля тебя ждёт. Подумай. Хочешь ли жизнь свою положить за то, что не твоё и твоим не будет никогда.

Владивой нахмурился, пытаясь вникнуть в туманные слова женщины. Не хотелось им верить, да это тебе не бабка-ведунья – а вила. У них правда своя, они видят всё по-другому, с иной стороны.

– Так где искать-то? – повторил Владивой громче.

И хотел коснуться её снова, но не решился, будто сломать, как тонкую ветку, боялся. И ответа так и не получил. Вилы могут предсказывать беды. И даже смерть, если уж на то есть воля Богов, если так сплелись нити судьбы. И Перун не защитит, не станет заступой: всё решено. Да можно ещё изменить, раз вила решила предупредить. Знать бы только, как.

Вывалились на прогалину кмети, а женщина пропала, мгновенно истаяв. Остались только от неё тонкие обрывки тумана – но и они через миг пропали, развеянные ветром.

– Что-то увидел, княже? – окликнул Владивоя десятник Твердыта.

Уж тот одним из первых бросился Беяну искать, как будто до сих пор винился в том, что напали на них русины по дороге в Росич. Да разве ж он в том виноват. Виноват кто-то другой, кто ватаги эти никак не сдерживает, а может, и посылает собственной рукой. Давно Владивоя подозрение брало, что сам же ярл Ярдар их за ручных псов держит. Неведомо чего добивается: может, власти большей на береговых землях, а может, желает Владивоя заставить по его правилам жить и торговлю вести. Кто знает: в том только предстояло разобраться. Потому-то он дочь и отдал за среднего сына ярла – Уннара. Воина справного и уже отмеченного долгим походом через море на запад вместе с конунгом Бьяртмаром. Сын-то, верно, от отца недалеко шагнул, но показался Владивой при встречах мужем хоть и суровым, но не лишённым справедливых и разумных мыслей. А уж то, что именно он станет отцу наследником после, и вовсе сомнений не было. Большая воля в нём к тому виделась. Во всём он Ярдара поддерживал и рядом с ним был. А Беяна – девица умная и помогла бы разобраться, что там и к чему на далёком, но не слишком, острове Стонфанг.

Так казалось ему ещё вчера. А сейчас Владивой, глядя в лица гридей, что смотрели на него озадаченно и с лёгким испугом: не спятил ли княже в одночасье от горя о потерянной дочери? – боялся убедиться в том, что дочь его и впрямь так разумна. Потому что она и правда не потерялась в царстве лешего, не ушла в самую глушь по злой воле духов. И искать её надо не здесь: права вила. И Ведара была права отчасти – как ни странно это признавать.

– Всем передайте, что в детинец едем, – громко велел Владивой гридам. – Нет здесь Беяны.

– Может, поищем ещё, княже? – возразил кто-то из кметей. И вперёд уж шагнул, чтобы на слове своём настоять, опустившего руки отца вразумить. – Отыщем следы. Вернём её.

– Нет, – Владивой усмехнулся. – Возвращаемся. Ты, Твердыта, как приедем, назначь два десятка парней, чтобы дороги прочесали. И пристань тоже. Где-то там её следы.

Десятник покивал медленно, словно всё ж не до конца ещё понял, что заставило князя вдруг решение своё изменить. И, проходя мимо кметей, Владивой видел, как переглядываются они, шепчутся тихо-тихо, почти неслышно – и можно с шорохом ветра в ветвях перепутать.

Осуждают, решают, подчиняться ли приказу или стоит самим князю искать, без его ведома. Но скоро они сами всё поймут.

Во дворе детинца Владивой бросил поводья своего вороного жеребца конюшонку и поспешил в терем, не отвечая на взгляды обеспокоенной гридьбы, на оклик сотника Деньши, который торопился узнать – даже от него самого – чем обернулись поиски Беяны. Как будто Владивой не знал, что тот давно на дочь поглядывал с пылом во взоре. Да и подойти не решался к Беяне, зная точно, что не для него такая невеста уготована.

Носились по переходам терема густые запахи почти готовой обедни. Кутало лицо теплом дерева и пылью. Разгорячённый быстрой ходьбой, Владивой почти задохнулся в этих привычных запахах, словно в дыму. Нехорошее предчувствие гнало его в спину. То, чторосло, натянулось, как готовая прорваться гребель, пока он ехал в детинец. И связано оно было уже не с Беяной, которую только теперь и ловить, пока не успела далеко сбежать, а с Грозой. Не давали покоя слова Ведары, что от неё дочь, всегда спокойная и послушная, набралась вдруг буйства непокорности. И вспомнилась их давишняя встреча – когда она едва не бегом умчалась из его горницы, обиженная, разозлённая так, что в глазах её, полных самой густой летней синевы, вдруг встали слёзы.

Владивой прошёл до женского терема и поднялся на второй ярус, едва не спотыкаясь на каждой ступени. Треклятый туес, вовсе не тяжёлый – с травами-то внутри – обратился вдруг булыжником, который оттягивал плечо. Тихо взвизгнула попавшаяся навстречу челядинка, когда Владивой едва не сшиб её с ног. Он коротким взмахом руки успел поймать выпавший из её рук ворох тканей, сунул её обратно и пошёл дальше, ни разу на девку не взглянув. И жгло его сейчас страшное чувство, что, если он войдёт сейчас в горницу Грозы, то не выйдет из неё, не получив девушку всю – до конца. И понимал в то же время, что не сможет так поступить. И эта разодранность между двумя противоположными уверенностями норовила разорвать его на части.

Он толкнул дверь, не постучав. Надеясь, что сейчас возмутятся девицы, что, коротая время, сидят внутри за разговорами или рукоделием, от неожиданного вторжения в женское обиталище, куда мужам врываться так нахально нельзя. Но в хоромине Грозы, темноватой без единой зажжённой лучины – едва озарённой только светом, что лился в приоткрытое оконце, было пусто. Так пусто, что сомнений не осталось – девушка сюда не вернётся через миг. Не окликнет Владивоя, встав за его спиной. Никто из челядинок, взбудораженных пропажей Беяны, до сих пор ни разу не проверил, как тут Гроза. А её просто не было. Лёгкий беспорядок царил повсюду. Пара брошенных небрежно платков, сдвинутая наискось лавка, будто девушка лазила в ларь, что стоял под столом. Обронённая лента – как шкурка змеи, валялась у лавки, на которой та спала. Владивой прошёл дальше в горницу, спуская с плеча опостылевший туесок, из которого пьяно и душно несло травами, и тот грохнул о пол.

Владивой подошёл к лавке Грозы, ещё озираясь и не до конца веря. Откинул крышку большого ларя у изножья – и верно ведь, всё перевероршено, словно собиралась она в спешке. А куда побежала – догадаться-то нетрудно.

Рарог нынче отплывать хотел – а дочка Ратши уж больно резво в тот же день пропала. Вместе с Беяной. Верно, решили голову ему заморочить, вместе улизнуть из города – подружки. А находник с зенками плутоватыми им никак помочь взялся. То-то и не хотел в Волоцке лишнего дня задерживаться, как будто пятки у него горели. Что ж, попадётся теперь – и не быть ему целым.

Владивой поднял ленту Грозы с пола, пропустил между пальцами – та самая, которую он девчонке из поездки на Стонфанг привёз. Как увидел на том торгу среди диковинных тканей, что возили туда купцы с южных земель – сразу понял, как дивно она к глазам её придётся. Как оттенит рыжину её волос. И по спине лёгкая дрожь прошла: до того сильно напомнила гладкость нежной ткани кожу Грозы, которую ему, на свою беду, уже довелось ощутить. Но

злости не было – стояла только духота в груди тугая от осознания, что вот так она ушла, не сказав лишнего слова. Да только разве ж правда верит, что ей удастся улизнуть? От князя? От того, кто уже завладел её телом и разумом: он чувствовал, знал по тому, как она отзывается на его ласки, как дышит и гладит мягкими ладошками, отдаваясь на его волю.

Не понимает ещё, что они повязаны уже. Или не хочет понимать, надеясь, что всё само собой пройдёт, коли с глаз долой. Да не бывает так... Не бывает, Гроза.

Владивой оплёл лентой пальцы и вышел из девичьей горницы, напоследок жадно втянув запах, которым она была наполнена. В голове качалось что-то от острого чувства неверия в случившееся. От предательства двух самых дорогих ему девиц. Он шёл, едва не шеркаясь плечом о тёплую стену. Спустился во двор и кликнул ближайшего отрока с приказом коня ему сызнова седлать.

– Куда ты, Владивой?

Воевода Вихрат догнал его со стороны дружинного двора. Встал, скрестив на груди руки, посмотрел не с вопросом в глазах, а осуждением больше.

– Кметей мне трёх быстро. Со мной поедут. На пристань, – только и ответил тот, не желая ничего объяснять боярину. – Гроза тоже пропала.

– Да небось бегают по двору где-то, – пожал Вихрат плечами. – Ты ж знаешь, она на месте не сидит.

– Не бегают. Убежала уж...

Коней оседлали быстро. Владивой первым выехал из детинца, а кметям только и осталось, что за ним поспевать. Пронеслись по мостовой, распугивая посадских, хоть и надо было придержать скачье, да как-то всё равно было. Владивой боялся не успеть. И знал уже, что, верно, не успел, потому как день замер на самой верхушке полудня, готовый покатиться на другую сторону. Поднялось Дажьбожье око – выше уж не бывает в начале травня. Дохнуло рыбой из восточных ворот. Гомоном людским накрыло, словно плотным покрывалом. Владивой с пригорка окинул взглядом лодьи, что стояли у берега: полные людьми и почти пустые – и нигде не видел стругов Рарога. Стало быть, отплыл уже.

Как спустились, кмети бросились расспрашивать торговков и рыбаков, что ещё тоже тут толклись, о том, не видели ли здесь с утра девиц приметных: ведь наверняка княжна и рыжеволосая дочь воеводы не могли так просто затеряться в толпе. Особливо, если с Рарогом, на которого все вокруг с любопытством и опаской зыркали, рядом проходили. Но никто ничего не мог сказать толком. Даже самому Владивую не говорили, как бы ласково или строго он ни спрашивал. И он собрался уже уходить, чтобы подумать, куда взор обратить, как в спину ударился горстью крупы чуть скрипучий голос, будто простуженный.

– Я, кажись, видела такую девицу, как ты говоришь, княже, – напрямую княжной женщина её не назвала, но и так понятно, что догадалась, кого князь ищет. – Нынче рано утром, ещё пусто почти здесь было.

Он обернулся.

– Куда ушла? – рявкнул, но смолк, успокаиваясь. Грубостью ничему не поможешь. – Скажи, прошу. Отблагодарю щедро.

– Да не надо мне благодарности, – пожал плечами грузная женщина, которой голос её никак не подходил. Ещё не старуха, крепкая, румяная. И что важным самым казалось: глаза её и впрямь были внимательными, острыми. Такая кого угодно заприметит. – Говорила она со старшим шайки этой, что третьего дня здесь свои струги поставил. Да тот её прогнал. Куда она после подевалась, не ведаю. Да говорила ещё после с купчиком одним. Ладейко Воитичем. Он далёко собирался. До Белого Дола, а там дальше на запад по Воланскому пути.

– Давно отплыл? – Владивой невольно оглянулся, не надеясь, конечно, что лодья того купца ещё стоит у берега.

Ладейко – он помнил – лишь второй год как в Волоцк заезжал. Непременно приходил к нему и на прямом пути, и на обратном, дары небольшие приносил: то нож какой диковинный с рукоятью костяной резной. То отрез ткани богатой – княгине на верхницу. Да только вот, похоже, Беляны в лицо не знал, раз согласился её увезть. Молодой ещё, не так давно в Волоцк тропку протоптал. Каждую весну появлялись в городе и те, кто держит путь по Волани уже много лет. Но и те приходят, кто только нынче решил удачи пытаться в торговле, потому как дорога эта речная всё больших к себе влекла, всё чаще толкались корабли на пристани, и прошлой осенью пришлось даже расчищать берег чуть дальше от стен, чтобы всем могло найтись место. А в посаде появился ещё один гостиный двор. И уж как злился оттого хозяин самого первого двора – воевода Вихрат. Тревожился за дело своё, в котором больше заправляла всё ж его жена, бойкая, маленькая, словно белка, Жива. Но и он понимал, что всем места у них не хватает. Потому с другим двором, что открыл сам недавний купец Звуйко, они скоро пришли к согласию.

– Так давно уж уплыл, княже, – вздохнула женщина. – И след простыл. А поплыла с ним девица-то или нет, то я и вовсе не видела толком. Но он, кажись, согласился. Везти-то её.

Владивой покивал, поглядывая на гридей, что рядом с ним стояли и слушали во все уши. Неровен час, им придётся в путь отправляться, перехватывать где по дороге Беляну и возвращать, неразумную, домой.

– А скажи ещё. Девица-то одна была, или двое?

Торговка удивилась даже. Вздёрнула брови, размышляя.

– Да одна, княже. Других я и не видела. После-то людно стало, как все проснулись после гуляний...

– А предводитель той ватаги, что тут отиралась несколько дней, – перебил её Владивой, – он больше ни с кем не говорил?

– Да разве ж я за ним смотрела, княже? – слегка обиделась женщина. – Нас не трогали они, так и ладно. Раз без злой мысли в голове приплыли – лодью свою починить – то и нам сторожиться от них чего? И смотреть за ними.

– Верно всё говоришь, – пришлось согласиться.

Владивой покивал, поднял руку, останавливая другой рассказ говорливой бабы, которая уж и рот приоткрыла, чтобы продолжить. Уже почуяла волю болтать обо всём, что ни попадя – а время-то уходит. И с каждым мигмом Беляна всё дальше от Волоцка. Как, впрочем, и Гроза, которая – теперь можно быть уверенным – уплыла вместе с Рарогом, урони Перун молнию ему на голову.

– Твердыта, – глянул Владивой на десятника, что целый день следом ходил, готовый любой приказ выполнить. – Купи у этой женщины всю рыбу. Пусть в поварне ухи нынче справят. Пожирней.

Как только вернулись, он тут же приказал Деньше отряд собрать и в путь отправить – не медлить. По воде догонять Беляну не с руки. Она в любой веси может на берег сойти, ведь куда собралась, то ещё не известно, хоть теперь и догадаться можно было. Княжич Любор, сын прославленного Ратмира, что вёл свой род ещё от первых пришедших с юга князей Воиборичей, ещё год назад едва не прямо заявил, что Беляну готов хоть тотчас замуж взять. То ли хмель ему ударил в голову в день Перуна, когда князь с отпрыском своим волею случая оказались в гостях у Владивоя. То ли и правда были его намерения чисты и правдивы – в том он разбираться не стал. Потому как знал уже, за кого дочь свою единственную отдаст. А мимолётные мечтания и страсти, что могли занять голову молодого княжича – пусть даже Беляна и отвечала на его пылкие взгляды ответными весь день – ни к чему никого не обязывали. А уж Владивоя, как отца – тем более.

Да и Ратмир не осерчал вовсе, кажется, на вполне открытый отказ от сыновьего сватовства к Беляне, хоть во всех смыслах жених мог бы получиться из Любора достойным.

Вот к нему-то по некому тайному сговору и могла броситься Беляна, не растеряв ещё в своём юном возрасте чаяний о большом и светлом чувстве, что обязательно победит все невзгоды. Да только Владивой в это уже давно не верил. Казалось вот, любил Ведару, сил не было свадьбы дожидаться – а после так опостылело всё, что хоть вой. А особенно как третье дитя, четырехлетнего Заслава, только на коня посаженного, Морана в свой чертог забрала так рано. С тех пор с женой старшей вовсе никакой мочи стало жить. Но утряслось со временем, укрылось толстым слоем безразличия, словно песком.

Не заладилось и с меньшицей Сенией, дочерью старейшины Рудогостя, что главенствовал в восточной большой веси Заболони, раскинувшей свои избы на обрывистом, совсем диком, казалось бы, берегу Волани. Там много били зверя, рубили лес и сплавливали по воде дальше, в соседнее княжество, что лежало на равнинах, ограниченное с западной стороны невысокими горами. Сения была девушкой миловидной и покладистой, да и дури большой в своей голове не держала: так говорили. А потому можно было надеяться, что хотя бы с ней жизнь супружья заладится. Появятся и новые наследники, и полюдьё с земель заболончан станет щедрее. Но Сения, так и не выносив первого ребёнка, очень быстро сникла. Как будто испугалась гнева мужа, хоть ни в чём её винить Владивой и не собирался. Да всё как-то наперекосяк пошло. Он её не знал толком и не мог найти к ней должный подход, чтобы снискать доверие и заставить перестать его опасаться. А она тихо обожала его. Боялась и жаждала – странная смесь чувств, которая часто путала всё в их и без того непростых отношениях.

И вот появилась Гроза. Порой Владивой готов был проклясть Ратшу за то, что привёз свою дочь сюда. А порой готов был золотом его осыпать. Да только опоздала девчонка ворваться в его жизнь, где ей, казалось бы, не должно было найтись места. А вот – нашлось. Да так, что пожелай выдрать – кровью истечёшь до смерти.

Кмети успели выехать из детница до того, как начало смеркаться: хуже нет, чем пускаться в дорогу по сумеркам. Самый недобрый час. А так сумеют проехать и вёрст достаточно, и никакой беды вслед за собой не заберут. Велено им было не только княжну искать, но и о Грозе справляться в каждой веси, которая им на пути вдоль Волани попадаться будет. Не так уж их много, удобных для того, чтобы к берегу пристать и сойти на него. И хотел бы Владивой сам за ней броситься, да ждал он недовольства большого Уннара Ярдарссона от того, что невеста его крепко где-то задержалась. Сам своей её ждал, верно, до сих пор в остроге самом западном в княжестве – Веривиче – чтобы самому через пролив сопроводить до Стонфанга. И нарочного к нему отправили, да пока тот доберётся, горячий сын ярла уж взъяриться успеет, а то и в путь броситься. Мужья варяжские, хоть и уроженцы земель суровых, северных, а на гнев и расправу очень бывают скоры.

И как отбыли кмети из Волоцка, так Владивой и вовсе покоя потерял. И всё место ему в тереме просторном не находилось.

Одно только отвлекало: дела и заботы каждодневные, от которых не скроешься, как ни желей. Вот и нынче дорвался до него воевода Вихрат. С глазу на глаз потолковать. Но слова его всё мимо проходили, едва цепляясь неким важным смыслом за край разума. И понимал Владивой всё: что остроги вдоль Волани укреплять надобно – хоть куда больше. И дозоры по руслу и притокам пускать то и дело придётся, чтобы тех, кто решит сунуться туда с недобрим умыслом, сразу ловить. Да разве ж столько людей наберётся? Тогда и остроги пустыми стоять будут.

– Скоро будет, кому ловить, – бросил Владивой, когда Вихрат закончил.

– Это ты что, князь, о том находнике говоришь? – насторожился воевода. – Думаешь, станет он тебе служить, псом у твоей ноги бегать после того, как ты его прогнал?

– Станет, – Владивой поднялся со скамьи и прошёл вдоль длинного и тяжёлого стола в общине. – Зря он сюда пришёл на своих лодьях. Неведомо чем прельстился. Теперь только за шкуру его и бери. Никуда не денется.

И он задумался, что и впрямь заставило всегда осторожного старшего речных находников явиться едва не к самому княжескому порогу? Ведь починить струг можно было и в каком другом месте: наверняка такие вдоль русла есть – где можно укрыться спокойно, где поджидать будет еда и кров. Где можно отсидеться и зализать раны. Но нет, он рассадил по своим лодьям дружинников и женщин – да привёз, как малых детей, домой.

– Смотри. Он всё прошлое лето от нас бегал. Как бы и тут не убежал. Такие, как он, одно говорят, а другое в голове держат, – вздохнул ближник. – Но коль он взялся бы следить за путями русинов по нашим водам, лучшего и придумывать бы не надо. Они ведь каждую речку, каждый приток знают, по которым на стругах уйти можно. Да только...

– Теперь он привязан к Волоцку, Вихрат, – оборвал его Владивой. – Вот чую я, что привязан. Да и к семье своей.

– Ты же не станешь людей, которые ни в чём не повинны...

– Стану, если нужно будет. Мне Рарог в друзьях нужен. А в противниках – нет. Мне и русинов достаточно. Не одним путём, так другим от него избавляться надо.

Вихрат замер на мгновение, обдумывая его слова, но не стал больше ничего говорить, зная, что спорить с Владивоем, когда тот в столь скверном расположении духа, себе дороже. Воевода распрощался – да и отправился к себе домой, в посад, где ждала его милостивая маленькая жена, которую он, верно, и одной рукой мог поднять, усадив к себе на локоть. Многим он дорожил, многого не хотел касаться, чтобы не запачкать даже самую каплю – свою семью. Ратша, что занимал место в детинце раньше, был совсем другим. Суровым, жестким. И даже любимая жена не могла размягчить его. Пока не пропала.

Гроза пошла в отца.

Вспышка воспоминаний о дочери воеводы ослепила разум на миг. Владивой очнулся и понял, что до сих пор сидит в общине – совсем один. И не может припомнить ни единой мысли, что только что крутились в голове: вперемешку со злостью и усталостью от очередного суматошного дня.

Он хотел было пойти к себе, но на тропке свернул вдруг в сторону женского терема. Ночь вокруг сомкнулась тёмная, сырая, как и многие в начале травения, когда ещё земля дышит влагой, щедро одаривая ею всё, что питалось её силой. Но небо было чистым и глубоким, как дупло в Мировом древе. И во дворе наконец всё утихло после целого дня хлопот и ожидания вестей о княжне. После этой несказанной свежести, что пробиралась по открытой коже под одежду, щекоча и заставляя ёжиться, в тереме показалось душновато. Владивой, ни на миг не засомневавшись, поднялся в горницу Сении. Она уже спала: время позднее – но встрепенулась, как услышала шаги. Сжалась ощутимо: даже в полумраке видно. И чего только испугалась, ведь Владивой никогда не был с ней груб? Да кто их, женщин, поймёт: сейчас ему не хотелось над тем размышлять. Он просто скинул одежду и, ни слова не говоря, лёг с ней. Ему не хотелось ласкать, хотелось просто брать, чтобы забыться. Но он выждал, когда Сения хотя бы трястись перестанет, мягко поглаживая её бёдра и спину, и взял, почти сухую, преодолевая лёгкое сопротивление.

– Владивой, – она отталкивала его руки и вертелась, невольно прижимаясь к нему ещё сильнее. – Не надо. Не хочу...

А он держал её, вжимая грудь в ложе, всё так же храня молчание. Вбивался всё резче, опустив лицо в её разметавшиеся волосы. И она вдруг смолкла тоже. Задышала часто, перестав выворачиваться, обмякла, став жаркой и влажной.

После Владивой не стал оставаться дольше и вернулся к себе, ощущая, что ему вовсе не полегчало. Что перед глазами словно морок стоит – рыжие волны волос, таких огненных, что можно обжечься, если прикоснуться. Хоть он и знал, что у меньшицы они скорее медно-русые. Но в свете лучин могло показаться, что именно те самые, пленительные: зарыться всей пятернёй и сжать легонько, чтобы вскрикнула и выгнулась, откидывая голову на плечо. Но

как себя ни обманывай, всё равно не то. Не та кожа под ладонями, не тот стан. И грудь не та: небольшая, тугая почти как яблоко.

Зато спал Владивой не так и плохо. Просыпался, конечно, с мыслями о Беяне, гасил вновь и вновь вспыхивающую внутри злость – и засыпал снова. Теперь приходилось только выждать.

Глава 6

Нелёгким показался путь в ватаге Рарога. Никогда так много Гроза на лодьях не ходила. Один раз только, как отец из дома сестры своей забирал, где она стала вдруг не нужна, хоть и руки лишние рабочие, но и рот, который кормить надо – тоже. Воевода-то помогал семье, что её к себе взяла, ничем не обижал и приезжал часто, как мог. Но всё ж муж овдовевший настойчиво попросил Ратшу дочь свою забрать. Мол, хлопот с ней очень уж много. И самая большая, что едва не палкой приходится от женихов отбиваться. А те порой друг другу и лица квасят за девицу. Бывало такое, она не спорила и не пыталась себя оправдать, но и никогда не доводила до такого нарочно.

Да порой парням в Ольшанке точно хмель в голову ударял. Тогда Гроза ещё не понимала толком, что к чему, и отчего вокруг неё столько шума порой – это после ей злые языки всё разъяснили, не поскупились. И косые взгляды женщин в детинце ещё долго обжигали, словно розгами по спине. Шептались, что кого-то она обязательно до беды доведёт. А то и до смерти. Мужей ведь молодых кругом столько, что и во всей Ольшанке не было. Да как-то обошлось. Наверное, Гроза научилась со временем давать им отпор. Втолковала в головы их упрямые, горячие, что не надо её по углам ловить – иначе и пострадать можно. Некоторые особо упорные получили не один мешок ударов по рукам, лицу и ниже пояса – не слишком, может быть, сильных, зато отрезвляющих. Которые запомнили. После и славу о Грозе, как о той, кого просто так и не приобнимешь, разнесли по всей дружине. А там и бабы в детинце успокоились, перестали кривотолки между теремных стен перекачивать, Ратшу костерить за то, что дочь свою непростую сюда привёз.

А князь и не противился вовсе, чтобы Грозу под пригляд свой взять. Не ему же возиться. Да только обернулось всё это для неё неожиданной стороной: не поймёшь порой, то ли радоваться, то ли и впрямь бежать подальше. Вот и открылось этой весной, что надо бы бежать. Хоть, признаться, и тяжело было. Не хотела Гроза о том думать, а Владивоя вспоминала какой уж день. И гнала мысли о нём, а всё равно то и дело ловила себя на том, что сидит у борта, глядя в серо-бурые воды Волани, и образ его перед взором внутренним так и эдак поворачивает. И томно тогда становилось в груди, горячо. словно варево какое тягучее ворочалось.

Помогать Гроза старалась в дороге, чем могла. Да и тут не удалось осуждения избежать. Не считали ватажники, что девица на струге самого Рарога удачу им принесёт. К тому же задерживала тоже: придётся в Белом Доле к берегу близко подходить. А острогов они старались всеми силами избегать. Хоть изловить их на воде трудно, да кому стычки с дружиной княжеской нужны, если всё ж случатся? Вот и ворчали мужи потихоньку. Предлагали – Гроза слышала – ссадить её где пораньше недалеко от веси ближней к Белому Долу, а там, мол, сама доберётся. Особенно ближник Рарога Другош, мужик на лицо – точный разбойник, часто о том заговаривал. И утром-то ему Гроза глаза мозолила, и вечером-то от неё никакого толка, хоть она и помогала Калуге, самому молодому и не такому могучему ватажнику, который, кажется, ещё и посвящения особого в их соратники не прошёл, готовить на всех еду. И так случилось, что Калуга стал единственным для неё приятелем, который, кажется, был даже рад такому соседству, хоть много они не разговаривали: Грозе было неловко, да и опасалась всё ж. А парень, наверное, даже смущался, хоть и в годах был таких, когда ровесники уже всю невест себе присматривают. Одежда на нём была справная, но совсем простая. Видно, что помалу он начинал её менять на более добротную, да пока что сразу не получалось.

Нынче вечером высадились на берегу между весей, одна из которых – Лугова – промелькнула вдалеке у берега не так давно, но ещё до того, как начало смеркаться, а другая, как знала Гроза, была в нескольких верстах от того места, где встали на ночёвку. Такова уж жизнь речных находников: нигде им особо не рады. Хоть по разговорам ватажников и можно было понять,

что случались такие селения, где их вполне мирно принимали. Скорей всего, старейшины их имели в том некий резон. Уж какой, Грозе и думать не хотелось.

У всех завязались свои хлопоты. Рарог и вовсе ушёл с открытого берега вглубь леса, за стену только-только зазеленевшей ольхи. Держал он под мышкой свёрток: не понять, что в нём, а интересно ведь! Гроза прислушалась исподволь – спросить напрямую у Калуги не решилась: ватажники обмолвились, что требы Велесу понёс. Место для того самое лучшее: здесь они останавливались уже не первый раз, и неподалёку, аккуратно между двух больших весей, в сухой низине, стояло святилище Скотьева Бога. И каждый раз Рарог ходил туда: верно, просил удачи в пути. Гроза и подумать не могла, что находник так Богов почитает, помнит и требами не обделяет...

Пока устраивали стан, Гроза вместе с Калугой, как им и положено, взяли вечером готовить на всех. Парень развёл два больших костра, над ними повесили котлы для рыбной похлёбки: наловили вот почти на ходу так ловко и много, что только диву даваться. Видно, в том мастерстве ватажники поднаторели изрядно: ведь добрая половина жизни их с весны до зимы, пока не начнёт река схватываться льдом, проходила на воде.

И смачный дух растекался в стороны от котла, заставляя уставших ватажников, которые ставили шатры на ночь, то и дело посматривать в их сторону. Сумерки становились глубже с каждым мгновением. Красный шар Дажьбожьего ока уже упал за тёмную полосу противоположного берега, и от воды поползла зябкая прохлада, заструилась по лодыжкам, пробралась под подол – и Гроза натянула его едва не до самой земли. И снова показалось, что до Ярилы Сильного ещё далеко, и настоящее тепло никак не доберётся до этих земель. Да и где она будет праздник тот встречать – и сама сейчас сказать не могла. Доплыть бы, отца увидеть.

Беляну встретить Гроза и не надеялась, хоть и могли они столкнуться в Любшине, большой, оживлённой веси в паре дюжин вёрст от острога, если Рарог верно сказал, что туда она просила её проводить. И, честно признаться, глодала обида на подругу: за то, что утаила свои мечтания. Свои намерения сбежать от жениха и отца. Хоть и понимала, почему так случилось.

– Долго ещё до Белого Дола, Калуга? – наконец отвлеклась она от нелёгких мыслей о том, что её ждёт дальше.

– Дня два, если ничего не задержит, – пожал тот широкими, как у многих гребцов, плечами. – Да только Другош давит, чтобы тебя всё ж посадить завтра подле Вельсенки.

И покосился на неё с сожалением. Один он только, кажется, не против был, чтобы Гроза ему и дальше помогала: вдвоём-то всяко веселее. А он ещё тут как будто тоже не до конца свой.

– Рарог не разрешает, – Гроза невольно попыталась отыскать его среди ватажников, но он ещё не вернулся. – Может, и не ссадят?

Не то чтобы она боялась одна до острога идти: люди добрые, что подхватят по дороге, найдутся всегда. Впрочем, как и лихие – такое тоже случается. Но так придётся задержаться больше, а хотелось добраться до места нужного поскорей. Да и с отцом встретиться, узнать, как он сейчас, не стало ли ему совсем худо. Не всегда, конечно, он в странное безразличие впадал, но случалось это всё чаще и чаще, как будто разум его да и душа сама уже утекали по Волани в невидимую даль, за край, куда ведёт любая река.

Хотела она убедиться, что время не истекло, что есть его достаточно, чтобы дожидаться, как закончатся те семь лет, назначенные Грозе самой рекой, что звала её всё отчётливей. И казалось с каждой седмицей, что ждать ещё невыносимо долго.

– А ты как тут оказался? – вновь заговорила Гроза, чтобы отвлечься от тягостных мыслей, когда Калуга, отлучившись ненадолго, снова рядом с ней присел. – Ты ведь парень совсем молодой. Неужто там, где родился, тебе места не нашлось?

– А что мне место? Я под Веривечем жил. Да сиротой остался, как случилось нападение то русинов. Три зимы назад. Слышала, может?

– Слышала, – кивнула Гроза.

Да и кто не слышал. Тогда сильно пострадал самый северный, почти что в устье большого притока Волани – Яруна – стоящий острог. Да и весь, что недалёко от него раскинулась, едва не вся дотла выгорела. Многих побили тогда, но и русинов остановить удалось. Помнится, отец надолго уехал в тот край, потому как без воеводы люди остались, почти без защиты на случай, если викинги решат вернуться. Вот и отправил Владивой туда своего ближника. А Гроза тогда в Волоцке жила первый год.

– Так вот меня стрый Щукор укрыл вместе со своими детьми. Самого его ранили крепко, а отец и мать мои погибли, – Калуга вздохнул и швырнул в огонь подхваченную с земли веточку.

– Но у тебя остался твой род, – Гроза заглянула ему в лицо.

– Остался. Не бросили меня, конечно. Да ты понимаешь, верно. После того, как весь, посчитай, сгорела, да ещё и зацепило лядину одну пожаром, где уж какое-никакое зерно поспевало, туго всем пришлось. А у меня и сестрица младшая осталась. И брат ещё меньше. Стрию Щукору тяжело приходилось. А там у одного из ватажников наших, Жини, тоже родители дальние были. Он к ним заехал однажды – и меня забрал. Потому что сам с ним напросился. Зато теперь своим помогать смогу.

– Думается, на поле или на охоте ты помог бы им не хуже, – нахмурилась Гроза, упирая взгляд в пламя. Вдохнула горячий воздух, наполненный запахом уже почти готовой рыбы. – Разве грабить – это лучшее решение?

– Не лучшее, – раздался над их головами твёрдый голос.

Калуга едва с места не подскочил: как будто испугался чего. А Гроза шею вывернула, поднимая голову. Рарог стоял за их спинами, скрестив руки на груди, смотрел без злобы, но с лёгким укором.

– Подслушивать нехорошо, – буркнула Гроза, отворачиваясь.

– А осуждать тех, кто согласился тебя до места довезти, хорошо, значит? – старшой усмехнулся. – Иди, Калуга. Там тебя Другош зовёт.

Парень встал тут же, аж бородёнка его, явно отрошенная для того, чтобы старше казаться, взметнулась. А Рарог опустил на его место и вытянул длинные ноги поближе к огню: сапоги его изрядно промокли. Сколько пришлось по лесу бродить. А раньше ещё – в воду ссаживаться и через мель идти. Грозу-то он на руках донёс до земли – под многозначительные смешки ватажников – а сам ещё бегал туда-сюда много раз.

– Я не осуждаю, – она отвела взгляд, обведя им очертания лица старшого, ярко подсвеченные огнём. – Каждый волен выбирать свой путь. И не всегда правильный.

– А ты выбрала правильный путь, Лиса? – он повернулся к ней. И даже так, не глядя на него, она знала, что сейчас на его губах неизменная усмешка. Как будто он постоянно пытался её поддеть.

– Надеюсь, что да.

– Вечерять-то скоро будем? – гаркнули издалека, со стороны расставленных на берегу шатров.

Было шумно – оказывается – но, увлекшись разговором сначала с Калугой, и вот теперь с Рарогом, Гроза перестала это замечать. А между тем ватажники начинали крутиться всё ближе и ближе к котлу, который – ещё немного – и пора снимать с огня.

– Скоро, – ответила она, не глядя.

– Значит, путь среди тех, кого ты за достойных людей не держишь – верный, – продолжил размышлять над её словами Рарог, когда их оставили в покое. Не забыв, однако, бросить пару двусмысленных замечаний о том, что старшому-то хорошо рядом с девицей, а им жрать охота. – Чем ты лучше нас тогда? От чего бежишь? А если мы по пути нападём на кого-то, ты вид сделаешь, что тебя там не было?

Сердце толкнулась гулко, расплескивая злой жар по груди.

– Не надо переворачивать мои слова, Рарог, – Гроза покачала головой. – Я такого не говорила. Что вы недостойные люди. Но ведь среди вас разные. Вот ты сам. Откуда у тебя эти струги? Строить их – дело нелёгкое, а порой и дорогое. Лодьи у тебя справные, крепкие и не старые, хоть и не прошлым и не позапрошлым летом сколоченные. А о тебе только два года как слухи ходят: раньше и не слышно было ничего. Стало быть, ты забрал их где-то?

Рарог брови приподнял удивлённо, слушая её. И чем дольше она говорила, тем яснее становилась улыбка на его губах. Язык под его взглядом ворочался всё тяжелее. Гроза и пыталась понять, о чём он думает в этот миг, как изучает её: внимательно, чуть прищутив глаза – отчего они стали почти чёрными, утопив в расширившихся зрачках всю спелую ореховую глушь.

– А ты знаешь, что сейчас мне хочется сделать? – сказал вдруг таким тоном, от которого все слова оборвались, как ножом обрубленные.

– Откуда мне знать, – Гроза постаралась не потупить, хоть и хотелось.

– Лучше и не надо, – Рарог первый устремил взор в темнеющую даль, освободив её из этого душного плена хоть немного. – Такие слова вредны для ушей молоденьких девиц.

– Почему? – Гроза легонько коснулась ладонью щеки, которая становилась подозрительно горячей.

Но упрямство такое одолевало: непременно хотелось узнать, чего это он такой хитрый вид соорудил. Хоть и понимала, конечно, чай не маленькая-нецелованная. Старшой оглядел её внимательно – и кожу запекло ещё сильнее от самой груди, что тревожно вздымалась, почти натягивая свободную рубаху.

Рарог снова оглядел её неспешно, и уголок рта его едва заметно пополз вверх.

– Именно поэтому, – он поднял руку и коротко, так, будто бы и не было ничего, провёл большим пальцем по губам Грозы сверху вниз.

Она с трудом заставила себя снова дышать и не показать того, что внутри всё так и ёкнуло от мимолётного прикосновения.

– Ты не ответил.

– Откуда у меня струги? – Рарог встал, явно собираясь закончить разговор. Гроза кивнула, и он добавил неохотно: – Я убил их предыдущего хозяина. Этот ответ укладывается в твои думы насчёт меня?

Обжог пытливым взглядом и пошёл прочь.

Гроза так медленно, будто затекла шея, вновь повернулась к огню. Наверное, чего-то подобного стоило ждать от Рарога. Порой такие люди, что кажется, только и делают, что зубоскалят и насмешничают, в душе несут большой груз. Отчего-то хотелось верить, что он сказал это нарочно, чтобы ввести Грозу в смятение. Но – странно – она не стала бояться больше всей этой ватаги вокруг неё, зная, что ничего с ней не случится. Коли могло бы – случилось бы в первую же ночёвку. А пока никто Грозу не обижал. Стоило только кому из мужей взгляд косою в её сторону бросить или слово скабрезное, Рарог тому спуска не давал. И странно было это видеть, как он и впрямь пытается от грубостей её оградить, от вполне понятных желаний мужчин, которые, верно, уже не первую седмицу плавают по разным рекам, собирая воедино свою разбежавшуюся на зиму ватагу. И новое знание о нём, прибавившись к тем скучным, что уже были, никак не хотело укладываться в голову.

Как и было на двух предыдущих ночёвках, нынче Грозе выделили отдельный шатёр.

– Ну чисто княгиня у нас в ватаге завелась, – по своему обыкновению проворчал Другош. – И на руках носят, и шатёр отдельный. А, Рарог?

– Чего тебе? – огрызнулся тот. Показалось, что после разговора с Грозой он уж больно посмурнел.

– Ты, вроде, не женился ещё, а как будто и муж теперь, – хохотнул ватажник. – Может, всё ж таскаешься к ней, пока мы спим?

Он сделал похабный жест руками. Гроза сглотнула горячий комок гнева, и хотела бы заступиться сама за себя, да благоразумие всё ж взяло верх. Ну, и опаска тоже – чего скрывать. Вот так набросится на него – а он и подкараулит где после, а там уж даже Рарог ничего не успеет сделать. И не исправит уж точно.

– Захлопни рот, Другош, – окликнул кто-то его от другого костра. – Коль завидно тебе...

– Да нет, пусть говорит, – недобро усмехнулся Рарог, глядя на соратника. – Или ты уж всё сказал? Даже если бы и была моя девица, то дело это не твоё. И не тебе его касаться. А будешь тут языком трепать почём зря, я ведь и лишу тебя его быстро да на наживку рыбакам пушу. О тебе вздыхать некому. И мстить мне, кажется, тоже.

– По пути Тихобоя пойти хочешь? Запугивать взялся? – всё ж немного утихомирившись, ответил ватажник. – Кажется, его это до добра не довело. Девица того не стоит. Ты не князь здесь, Рарог. Иначе мы не прятались бы, не скрывались от княжеской дружины. И ты не раздумывал бы над тем, чтобы на службу к Владивую пойти вместо того, чтобы варягов пощипать.

– Без вашего слова я ничего решать не стану, – спокойно ответил Рарог, выплёскивая последние капли похлёбки из миски в огонь, словно малую требу Сварожичу. – Коль не по душе вам такая жизнь, чтобы в остроги спокойно заходить и не плутать узкими протоками. Не таскать лодьи на плечах по лесу от одной годной реки до другой – то так поступим, как мы раньше договорились.

Не взглянул он на Грозу, когда она с удивлением перевела взгляд на него обратно. Но его поза на миг стала чуть напряжённей, словно он всё ждал, что она делать будет. А она и не знала вовсе, как теперь к возможной дружбе князя и находников относиться. Так, значит. Владивой и тут успел всё решить, врага на свою сторону перетянуть. Если ещё и не совсем, то заставил его задуматься о том, что служба князю будет гораздо безопаснее татьей доли и для совести – если такая есть – легче. И снова пронеслось словно лезвием по сердцу воспоминание о князе. И подумать страшно было, какой гнев его обуял, когда обнаружилось, что Гроза сбежала. И наверняка погоню снарядил – не за ней, так за Беляной уж точно. Как бы не налететь случайно – дороги-то у них с княжной разные получились, да бежали в одну сторону.

Как закончилась отравленная короткой склокой вечеря, так все начали по шатрам разбредаться, переговариваясь, обсуждая, куда дальше путь ляжет и как там поживают соратники, которые ещё не присоединились к ватаге. Как оказалось, собирались они все этим летом не по здешним водам мотаться и пуганых купцов ловить, а на север. По самому Северному морю, к свейским берегам. Затея это была опасная, но и сулила большую добычу. Да только если старшой решит с Владивоем дружбу всё ж завести, то чаяниям их не суждено сбыться.

И странно было слушать их толки: озадаченные, полные сомнения. Как будто тайный соглядатай Гроза, и теперь решить ей придётся, говорить о том, что узнала, отцу или сохранить всё в тайне. Но тогда получится, что она тех свеев, что вовсе не были врагами Владивую и всему княжеству, под удар разрастающейся ватаги Рарога подставит. Чувство неприятное и прогорклое, словно душу и мысли разъедает изнутри.

Одно хорошо: пока что Другош перестал Грозу задирать. То ли язык ему был всё же дорог, то ли наскучило – без толку-то.

Гроза спокойно устроилась в своём шатре под плотным шерстяным покрывалом, которое ей сам Рарог выдал – то самое, сложным узором вытканное. Слегка колючее, как и представлялось, но тёплое и лёгкое такое, словно под ворохом лебяжьего пуха лежишь. Сон пришёл скоро: день был трудным и отчего-то волнительным. Дозорные мужи ещё переговаривались тихо, сидя у огня, но голоса их помалу тонули в наступающей дремоте.

Поначалу было темно в глубине сна, а после вдруг рассеялся мрак – и почудилось, что Гроза по лесу идёт, осторожно ступая босыми ногами по устланной хвоей и мелкими веточками земле. Приятно кололо ступни, холодило вечерней росой. Шуршала трава, щекотно касаясь лодыжек. Гроза трогала стволы сосен, бугристые, шершавые, но необъяснимо тёплые: то ли

светило так нагрело за день, то ли кожа стала прохладнее, а потому любое тепло чувствовала острее.

Она не торопилась, глубоко вдыхая воздух, ещё не уронивший наземь тяжесть прошедшего дня, но уже пронизанный тонкими иглами ночной свежести. Ухнул где-то в самой чашобе филин. Поблизости, верно, проскочил заяц: короткий шорох пронёсся в стороне и замер, когда Гроза обернулась.

Рядом, всего лишь за тонкой стеной молодой черёмухи, что подобралась к самому краю берега, тихо позвякивала водами, словно шумящими подвесками на груди, река. Гроза не приближалась к ней совсем, но чувствовала кожей связь с ней, как будто была с ней одной крови: холодной, прозрачной. Та текла малыми ручейками по телу и трогала, точно тонкие стебли осоки – каждую мышцу, заставляя мелко содрогаться от искристой зяби.

Гроза не знала, куда шла. Но чем дальше уходила, тем яснее ощущала желание окунуться в маняще студёную реку. Но тут невидимая тропка как будто под откос покатила. Всё ниже и ниже уходил склон, всё гуще поднималась трава в туманной, чуть сырой низине. Земля стала мягче, под ступнями захлюпало сначала, а после вдруг как будто осыпь каменная расстелилась, больно кусая подошвы ног. Гроза огляделась, взмахнула руками, словно хотела туман в стороны раскидать – и удивительно, но белёсая кудель и правда разошлась. И показалось перед взором святилище Велеса, небольшое, но вмещающее всё необходимое: и требный стол, и кострища. Полукругом огороженное невысоким частоколом. Венчали шапку идола с широким околышем морда медведя и рога. Спускалась борода его едва не до пояса, и посох сучковатый в руках чура твёрдо упирался в саму землю. Исчерчен он был знаками глубокими, чёткими даже в почти полной темноте. Белели черепа быков вокруг него, зыряка безразлично на гостью, что случайно забрела сюда. Гроза поклонилась и прошептала приветствие богу, чтобы принял в своём святилище и позволил пройти по нему. Подошла неспешно, чуя, как тугой волной захлёстывает её силой этого места. А после укрывает со всех сторон, как в плотный мешок холщёвый. Ни звуков кругом не стало, ни запахов леса. Потянуло дымом как будто только потухшего костра, а в ушах загудело что-то – отдалённо, угрожающе.

– Спасу тебя, коли захочешь, – шелестом из-под земли самой поднялся голос. – Дочь бури, дочь воды. Желанная, да непокорная.

– Отчего же? – Гроза усмехнулась только, не произнеся ни одного слова, но зная, что её слышат. – Разве непокорная? Сама пойду туда, куда мать позовёт.

– Потому и непокорная. Потому что не ты ей нужна.

– Больше никого отдать не могу, – даже думать с каждым мигом становилось всё труднее. Такая сильная чужая воля сейчас давила на плечи – словно ладони богатыря. – Я всё решила, Князь волхвов.

И качнулся как будто чур навстречу. Навис резко над самой головой, и рога на шапке его, показалось, небо проткнули.

– Не всё ещё решено. Поможешь мне, и я тебе помогу.

Гроза едва к земле не присела: до того страшно вдруг стало и тяжело. Казалось, кости сейчас захрустят от тисков мыслей и ощущений, что металась по телу, собираясь в чувство широкое и тугое – наполненности неведомо чем: то ли воздухом здешним туманным и сырым, то ли взором Велеса, что ясно виделся сейчас даже в вырезанных на столпе глазах чура.

Она повернулась и едва не бегом прочь пошла. И с каждым шагом, что впечатывала она в ласково тёплую землю, становилось чуть легче. Снова повеяло лёгким рыбным духом от воды. Донёс ветер перешёптывание молодого рогоза, только едва поднявшегося из реки у самого берега. Гроза вышла на прогалину, плавно спускающую край свой травянистый в самую воду. Остановилась, обхватив себя за плечи, кусая губы, которые так и норовили сами собой зашевелиться, произнося обращение к Велесу, что ещё не отгорело в груди.

По коже словно зуд прошёлся, заставляя ёжиться и едва не чесаться от того, какой раздражающе грубой вдруг стала льняная белая исподка – вся в узорах бережных по вороту, рукавам и подолу. Они будто жгли угольками, стискивали горячими обручами – всё сильнее, острее. Нарастал со спины гомон неразборчивый. То ли людской, то ли звериный – сотканный из десятков разноголосых рыков. Будто сами слуги Велеса следом за Грозой сюда пришли, не желая уже отпускать. Она схватилась за край подола рубахи и быстро стянула её с себя. Отбросила ткань в сторону, едва взглянув, как она плавно опускается на траву. Пара размашистых шагов – и река приняла в суровые объятия. Неласковые, но надёжные – вовек не отпустит. Гроза вдохнула глубже и окунулась с головой, не пытаясь даже ничего разглядеть вокруг. Да и как, если ночь уже сомкнулась на небоскате поминальным тёмно-синим тканём? Только белое дрожащее пятнышко луны застыло над головой – и вода, пронизанная кровавыми нитями разметавшихся вокруг Грозы волос.

Но тут что-то крепкое и горячее обхватило её кольцом. Слишком обжигающим через холод реки. Поташило, закрутило – и выдернуло наверх. Тут же ветер остудил виски до стука зубов. Гроза выскользнуть попыталась, да хватка стала только сильнее.

– Пусти! – крикнула, распугивая ночных птиц во всей округе. С плеском ударила ногами воду.

– С ума сошла, Лисица? – хриплый отрывистый голос дрожью стёк по спине. – Чего вдруг топиться пошла?

Она перестала вырываться. Замерла, вцепившись пальцами в крепкие предплечья – да так и вышла на берег. Едва отталкиваясь ногами, будто они вдруг перестали ей принадлежать.

– Мужиков потешить решила? – жарко и сердито шепнули ей в висок.

Она и голову повернуть не могла, впав в оцепенение такое, что даже кожа собственная не чувствуется. А вот чужая – так сильно, обжигающе близко. Гроза кулём свалилась на чьи-то колени, впилась пальцами во влажные блестящие в свете луны плечи и наконец посмотрела в лицо того, кто её из воды вытащил.

Рарог. Он смотрел озабоченно. Испуганно даже. Но улыбался ободряюще и торопливо разворачивал рубаху Грозы, ища ворот. Она только послушно руки в рукава просунула, когда находник натянул на неё восхитительно сухую и тёплую ткань, растёр плечи, так и продолжая удерживать на своих коленях.

– Ты глупая совсем, Гроза? – выдохнул чуть облегчённо, когда заметил, видно, хоть какую-то осмысленность на её лице. Напополам со страшным смущением.

Ведь сидит к нему так близко – и перед лицом прямо его лоснящаяся могучая шея. Намокшая борода с мелкими капельками в ней, губы чуть бледные от прохлады. И крутые изгибы плеч.

– Я не знаю, как так вышло, – пробормотала Гроза. – Я думала, сплю...

– Ага, – он покачал головой. – И дозорные теперь замечательно спать будут и видеть тебя во снах. Смысла известного...

Он сжал губы плотнее, будто даже сама мысль об этом его разозлила. А Гроза только ахнула тихо, прикрыв ладонью рот. Неужто нагой её видели? И как теперь им на глаза показаться? Стыдоба-то какая!

– Так что же, они?..

– Нет, я прогнал их ещё до того, как ты резво рубаху скинула и плескаться пошла под луной, – голос находника и вовсе затвердел, что камень, вросший в землю. – А они поглядеть были непрочь.

Гроза повела плечами – и по телу вдруг растеклась неуёмная дрожь. Отчего-то мысль о том, что Рарог-то её как раз во всей красе посмотреть успел, оказалась не столь обидной. Но от стыда жарко не становилось – только озноб сильнее бил. Находник подхватил с земли и свою рубаху, надел на Грозу поверх её исподки.

– Замёрзла так сильно? – забормотал он слегка растерянно. – Вот же ты, Лиса, учудила. И что же с тобой не так?

Но ждать ответа не стал. Не спросив разрешения, встал вместе с Грозой, будто она дитём была маленьким, лёгким, и понёс её обратно к стану. Она и хотела возразить, вывернуться и сама пойти, да в колыбели его рук было так хорошо, что и мизинцем не шевельнёшь – такая нега накрывает.

Лишь встряхнуло снова, только как Рарог занёс Грозу в свой шатёр.

– Ты не перепутал ничего? – возмутилась она.

– Нет, – просто ответил старшой. – Со мной сегодня будешь. Под присмотром.

И усадил на широкое, устроенное для него ложе. Пока Гроза волосы отжимала и пальцами кое-как раздирала на пряди, Рарог в другом углу за её спиной порты в реке намоченные, переменял и вернулся. Не слушая больше никаких возражений, укутал её сшитым из шкур одеялом, словно запеленал, чтобы точно никуда не делась. А сам рядом устроился, накрывшись шерстяным плащом. Гроза таращила на него во все глаза, всё ещё недоумевая: что, и правда здесь её оставит на всю ночь?

– Спи, Лисица, – прикрывая веки, пробормотал Рарог. – Обещаю, что трогать не буду.

– Прямо полегчало, – огрызнулась она на всякий случай. А после добавила, помолчав: – Спасибо.

Но он, кажется, уже не слышал. Его громкое сопение растеклось по шатру. Лицо расслабилось, волосы влажные, растрёпанные упали на лоб и глаза. Вот ведь уснул, как будто под чарами. Но Гроза скоро тоже незаметно задремала, устав разглядывать лицо находника сквозь мрак, что надвигался сильнее вместе с тем, как гас небольшой очаг в земле.

А утром проснулась от чувства, что что-то тяжёлое лежит на талии. Оказалось – рука Рарога. И очутились они чудом немислимым под одной шкурой, тесно прижатые друг к другу. Бёдра Грозы упирались в низ живота ватажника – и отчётливо чувствовали твёрдость его напряжённой плоти сквозь три слоя ткани. Из горла невольно вырвался тихий всхлип, а по спине пронеслось покалывание тёплое, осыпающее искрами необъяснимо острого чувства. Как будто разрасталось что-то внутри, наполняя горло горячей крупой, а всё, что ниже пояса – тяжестью расплавленного текучего свинца. Гроза шевельнулась неловко, выворачиваясь из объятий Рарога. Он не пустил, ткнулся лицом ей в шею и протяжно втянул носом воздух.

– Рекой пахнешь, – прошептал.

Его ладонь легонько скользнула на бедро, цепляя подол. И ещё раз – движением уверенным, но плавным – вверх. Прошлась шершавая кожа по оголённой коленке. Рарог выдохнул медленно, опалая шею дыханием, и притиснул Грозу к себе ещё ближе, одновременно качнув бедрами, впечатывая в неё твёрдое подтверждение своего желания.

– С ума спятил?! – Гроза перекадилась от него дальше.

– Это всего лишь утро, Лиса, – Рарог хитро сверкнул шалыми то ли после сна, то ли от её близости глазами. – У мужей так бывает.

Гроза фыркнула тихо и поспешила покинуть нагретый их дыханием и жаром тел шатёр. Но не успела даже до полога дойти, как крепкие пальцы схватили её за локоть.

– Нет уж, ты постой, Гроза, – Рарог рванул её обратно и мигом усадил обратно на ложе, ещё не остывшее после сна. – Рассказывай давай, что такое ночью было? С чего ты вдруг в лес понеслась, не отзывалась, как окликали тебя. Ничего не видела кругом, не слышала. Ты не русалка часом?

Она улыбнулась невольно: до того было у него сейчас лицо непривычное. Как будто и правда тревожился. Только непонятно: за невольную спутницу или за людей своих, которые могли под неведомые чары попасть. И чем дольше смотрел на неё Рарог, тем сильнее менялся его взгляд: от рассерженного до задумчивого, словно одни мысли в его голове помалу вытесняли другие.

– Не русалка, – только и ответила Гроза. – А об остальном тебе тревожиться не надо.

– Сама справишься, – добавил он, громко хмыкнув.

– Справлюсь, – он невольно подбородок вскинула, хоть заколотило её мелко от воспоминаний о минувшей ночи.

Разве ж можно такое преодолеть, когда и понять не можешь, в какой миг собою владеть перестала?

– Знаешь, а я верю, – с открытой издёвкой в голосе согласился вдруг старшой. – Стало быть, в другой раз, как ты снова из шатра невидяще кинешься, за тобой не ходить? И не ждать тебя, коли задержишься?

– Твоё дело какое? Меня до Белого Дола довезти. И плату свою получить. Остальная моя жизнь тебя не касается! – Гроза снова встать попыталась, да Рарог запястье пальцами своими словно обручем сковал.

– Ты маленькая такая, Гроза, – неожиданно низко и хрипло проговорил он. – Тебя и муравей затопчет. Как я могу...

Других его слов она не услышала уже. Словно вспышкой Перуновых стрел её ослепило – и голову повело неумолимо по кругу. Словно водоворотом закрутило, выбросило на тот же берег, где она давеча купаться вздумала. Только теперь стояла она едва у самого края воды, всё так же наблюдая, как та подкатывает к её ступням, а коснуться не решается. И мокрый песок просачивается между пальцами, холодя кожу, и ветерок неспешный гуляет по спине и путается в волосах, словно лента – в косе невесты.

Она заврожённо смотрела, как красные волокна крови расплзаются в воде, растворяются в ней, окрашивая точно корнем марены. Взгляд скользнул дальше – и всё нутро содрогнулось, словно кости вдруг стали мягкими и перестали держать. Подкосились колени – и Гроза свалилась едва не ничком, еле успев упереться руками в землю. И вода тут же расступилась вокруг неё, забирая с собой чужую кровь, будто возвращая тому, из кого та излилась. Рарог лежал на мелком месте лицом вниз, вытянув руки перед собой – и пальцы его глубоко впились в податливый песок, словно в последнем усилии он хотел уцепиться хоть за что-то. Из его рассечённой шеи струился алый ручеёк, помалу истончаясь, уже не подгоняемый остановившимся сердцем. Рубаха его в бурых разводах и комьях тины облепляла сильную спину и широкие плечи – и Гроза осторожно положила ладонь между его лопаток, не понимая ещё, не желая осознавать, что он мёртв.

– Изми-ир... – пролилось тягучим киселём из горла пронизанное болью и горечью имя.

Река плеснула вдруг нежданной волной, снова смывая с песка не успевшую впитаться, багровую, ещё не остывшую густоту его жизни и силы. Гроза опустила медленно на Рарога, чувствуя губами его влажные волосы. Закрыла глаза...

А когда открыла вновь, перед ней уже вновь был живой старшой. Он будто и не заметил ничего, не понял. Его губы ещё шевелились, произнося последние слова. А после он нахмурился, шаря взглядом по лицу Грозы.

– Не трогай меня, Рарог, – выдохнула она, едва ворочая языком. – Держись подальше. Не думай, не смотри... иначе не остаться тебе живым. Так и сгинешь в той воде, которая тебя сейчас, как родного ребёнка, носит.

И понять не могла, чьим голосом говорит: точно не своим. Словно воля чужая на миг поселилась в её голове, излилась на её уста. И грудь распирало от того, что как будто два дыхания в ней, борются, мечутся, путаясь между собой. И потому так говорить тяжело.

– Кто ты, Гроза? – кажется, ничуть не испугался ватажник, продолжая её за руку держать.

– Забудь, – она покачала головой, выдёргивая ладонь из крепкой, но бережной хватки его тёплых пальцев. – Как только на берег сойду в Белом Доле, забудь.

Она встала и вышла из шатра. Не появилась из него к утрени, которую один приготовил Калуга. Парень дозваться её пытался, но она не откликнулась. Тот поверчал ещё немного, стоя

за пологом, взывая к её разуму, пока его Рарог не прогнал. А после все выдвинулись в путь. И ватажники смотрели на Грозу без насмешки, хоть наверняка её ночные прогулки уже достигли ушей каждого.

Так прошёл ещё один день в пути с тихой и настороженной ночёвкой на таком глухом берегу, куда не всякий охотник заберётся да не всякая русалка выйдет. Рарог словно бы внял словам Грозы, близко не подходил и заговаривал с ней мало: только по тем поводам, которых не избежать. И наконец сказал Калуга, что на другое утро должен уж появиться и Белый Дол.

Не обманул парень: не прошло много времени после того, как поутру струги отошли от берега, не успело Дажьбожье око подняться над растрёпанными верхушками елей, что тянулись тёмно-зелёным частоколом вдоль берега, укутанные понизу густыми зарослями ольхи, так и впрямь показался знакомый обрывистый берег вдаль, нависающий, словно подбородок великанской головы, над сияющим в тёплом рассветном золоте руслом. Ещё пара мгновений – и выросли над ним бурые стены Белого Дола. Стоял он аккурат на широком высоком яру – с воды просто так не подобрёшься.

Зашлось в груди от волнения, и даже кончики пальцев похолодели – от мысли, что вот-вот – и Гроза встретит отца, которого не видела, посчитай, с самого студенья. Как бывал он в Волоцке на Коляду – а там вернулся в тот острог, что ему поручили. Да и то не одному: был в той крепости десятник один, Житмир, которого Владивой к нему приставил: чтобы приглядывал. Не доверял он больше своему ближнику так, как раньше, хоть и пытался при Грозе о том не говорить, зная, что она осерчает сильно. Слово Ратша немощным совсем стал, что сам с дружиной небольшой не управится.

Подходить близко к острогу не стали: Рарог приказал пристать к пологому бережку в надёжном укрытии леса – даже с высоких стен не разглядишь, что кто-то там скрывается. Удавалось и до того проходить мимо других острогов незаметно, а потому ватажникам не о чем было беспокоиться.

– Жаль, что уходишь, – вздохнул Калуга, как начала Гроза свои вещи из-под скамьи выуживать, ожидая, как зашуршит струг дном по песку.

– Да она тебя хоть стряпать научила лучше, – отозвался кто-то из мужиков. – Всё впрок.

Остальные хохотнули негромко, словно опасались всё ж, что чистый воздух разнесёт их голоса далеко – и кто-то лишний услышит. То ли люди, то ли духи лесные – и то, и другое им вряд ли нравилось.

– А то, может, оставайся с нами, Гроза? – сверкнул зубами другой ватажник – она не все имена успела запомнить. – Мы не обидим.

Гроза улыбнулась, но тут же посмурилась вновь, как встретила взглядом с Рарогом. Он всё сидел у кормила и смотрел на неё чуть исподлобья, словно мысли какие тяжкие в голове ворочал. А больше всего о том, что она ему тогда в шатре сказала. Нынче было тепло, потому многие мужи сидели в одних только рубахах, а он ещё и рукава закатал до локтей – и она видела теперь ясно рисунок на его коже с внутренней стороны предплечья, но издали толком рассмотреть не могла. Казалось только, что запрятан среди мудрёных линий знак Велеса.

Как ударился, чуть качнувшись, струг о мягкую мель, а рядом с ним три других, Рарог резко встал и, перешагивая через скамьи, добрался до увенчанного медвежьей головой носа. Гроза и вздрогнула даже, как его пальцы вдруг ухватили её под локоть. Обернулась, заглядывая в его лицо.

– Чурила, Калуга, – с нами пойдёте, – велел громко. – Проводим девицу хотя бы до веси.

Другие мужи заворчали, но не слишком рьяно: наверное, и понимали, что одной Грозе будет боязно идти через опасно сумрачный ельник. Недобрым казалось это место, гранью между Явью и Навью. Отражались бородастые ели в спокойной нынче глади реки – и казалось, мир весь опрокидывался в неё. Только ноги намочишь – и утянет за собой.

А с Рарогом рядом, несмотря ни на что, и впрямь было спокойнее: помнила Гроза о требованиях, что приносил он Велесу – не иначе своему покровителю. Значит, и не обидит никто подле него. И ощущение это необъяснимое, казалось бы – защищённости – рядом с ним становилось всё крепче. Вопреки тому, что она гнала его второго дня от себя. И сама не хотела приближаться лишней раз.

Рарог не забыл прихватить с собой и лук, и кистень привесить к поясу. Спрыгнул на сырой берег и Грозу в руки поймал, крепко схватив за талию. Ещё мгновение она висела в тисках его широких ладоней, пытаясь достать носками черевик землю, и смотрела в его глаза, словно в колодец, отражающий острые верхушки елей вокруг.

– А коли не отпущу тебя, Гроза? – шепнул он, не обращая внимания на тихое бурчание ватажников, которые толкались позади, ожидая, когда их пустят тоже спуститься. – И плевать на глупости, что ты мне говорила. Лисица хитрая. Кусачая.

– Так и будешь всю жизнь держать? – она упёрлась ладонями в его плечи.

– Так и буду, – он улыбнулся.

– Не удержишь.

Потому что невозможно удержать в руках воду: всё равно просочится сквозь пальцы – капля за каплей. Пусть уйдёт на это не одна зима, а всё равно не избежать того, что Богами уготовано. Что кровью самой в тело влито – замешанной на речной прохладе, на силе её и неумолимом стремлении двигаться, бежать дальше и дальше, не задерживаясь ни у одного берега. И останется у того, кто воду пленить пожелает, только сердце высушенное в груди, словно пустая ореховая скорлупа.

Гроза извернулась и наконец встала на ноги. Пошла вперёд, не оборачиваясь, теребя ленту на перекинутой через плечо косе. А сердце так и вздрагивало в груди, словно загнанное. Чувствовала она спиной взгляд Рарога. Да и всех его ватажников, что смотрели им вослед со стругов.

Продрались скоро через густой подлесок, который, чем дальше в чашу, тем становился всё более чахлым, задавленный могучими разлапистыми елями. А под ними – только трава низкая и ковёр из палой хвои, по которому так удобно идти. Пахло влагой только едва-едва растаявшего в тени снега, где он может и до середины травения лежать оплывшими, плоскими, словно блины, кучками. Тянуло прелью хвойной и рекой – в спину.

Шуршали тихо шаги, и ровное дыхание мужчин наполняло безветренную тишину леса. Кажется, и спокойно вокруг, а оказаться одной здесь вовсе не хотелось, случись такая оказия, откажись всё же Рарог проводить до веси. Но идти не пришлось слишком долго: всего-то чуть больше версты через полосу леса – а там показалась вдалеке пересекающая ещё почти голый луг дорога, а дальше, на другом её конце – приземистые избы, чёрными камешками рассыпанные почти до самых стен острога.

– Может, дальше Гроза и сама дойдёт? – буркнул Чурила. – Нужно ли нам сейчас близко к острогу соваться?

– Ничего с тобой не будет, – одёрнул его Рарог. – Ноги разомнёшь.

Казалось на ровном безлесном месте, что весь совсем близко, а не так получилось на самом-то деле. Идти пришлось ещё много. И Гроза сама уж хотела мужчин отправить назад: всё тяжелее становились их взгляды, но вмешиваться в их дела не стала. Рарог решил – другие подчинились. Так было верно.

Но вот уж дорога выпрямилась, побежала дальше, вливаясь в узкую улицу Белодоли.

– Тут уж я и сама дойду, – Гроза повернулась к Рарогу, решительно остановившись ещё за околицей веси. – Спасибо, что позволил на свой струг взойти. И что проводил – спасибо.

Находник обхватил пальцами ремень налучи, глядя на неё сверху вниз.

– Как пожелаешь, Лиса.

– Я заплатить обещалась. Сколько нужно, скажи. Хочешь, весь кошелек отдам, – она потянулась уже было к мешочку из кожи, что висел на поясе.

Но Рарог её руку остановил, задержал, сжимая ладонь в слабом кулаке.

– Ничего не надо. Может, так хоть ты будешь думать о нас немного лучше, – его лицо вновь озарилось лукавой улыбкой. – Одно только спрошу с тебя...

Он подался чуть вперёд, а Гроза дёрнула руку из крепких и тёплых пальцев, невольно упирась взглядом в его губы. Ведомо, что сделать собирается. И ватажники тоже это поняли – захмыкали тихо, нарочно отводя взгляды, словно им вдруг интересно стало, что вокруг творится.

– Эй, смотрите! – воскликнул Калуга. – Едет кто-то. И ещё.

Рарог выпрямился, сразу становясь похожим на настороженного волка. Заострились черты его лица, а глаза сузились, становясь и вовсе похожими на чёрные клинки. Гроза обернулась к веси: в их сторону и впрямь ехал как будто небольшой обоз. А с ним – люди пешком. Лишь когда ближе они подошли, стало понятно, что там только женщины и молодые девицы да дети – рассажённые по телегам. И торопились они сильно, да как будто нехотя уходили.

Завидев на дороге незнакомцев, оробели в первый миг, зашептались, переглядываясь, но быстро поняли, что никакой опасности трое мужчин и девица нести с собой не могут.

– Что случилось? – Рарог проводил взглядом первую телегу, что проехала мимо, заставляя отступить на обочину.

В первый миг никто не ответил. Но рядом всё же остановилась одна из женщин, которая держала за руку девчонку лет десяти, одетую в справную, хоть уже и подлатанную рубаху до пят и короткую свитку.

– Так второго дня русины на нас напали, – пояснила она. – Неведомо как незаметно подобралась, что даже огней на холмах никто не зажгёт. Сильно пожгли Белодолю и острогу стену подпалили. Мы как павших схоронили, так приказ от воеводы пришёл – уходить в другую весь, – махнула рукой на восток. – В Любшину.

Они всё шли и шли мимо. Кто-то тихо подвывал, тревожась, видно, за оставшихся в селении мужей да сыновей. Кто-то на чём свет стоит клял русинов, которые и раньше-то в этих краях появлялись, бывало, а теперь и вовсе распоясались, как занял Стонфанг ярл Ярдар Медный. Ему тоже доставалось: видно, многие считали, что он-то и посылает свои ватаги грабить ближние к морю земли.

– Как их через другие остроги пустили? – Рарог свёл брови, поворачиваясь к Грозе, когда женщина, закончив разъяснения, пошла догонять своих.

А Гроза и сама не знала, как такое приключиться могло. Никогда не было брешей в цепи защитных острогов, что стояли в устье Волани – там, где впадала она в Северное море. А теперь ватаги русинов словно с неба самого падали, минуя их – и сразу отправлялись туда, где можно было пожить гораздо большим, чем пара рыбацких лодок и железных мечей.

– Редко такое случалось. И очень давно – чтобы до Белого Дола могли их ватаги прорваться, – проговорила она размеренно, глядя уже в сторону возвышающейся над весью крепости.

И казалось, будто даже отсюда чувствуется напряжение, что сковало всех, кто там находился. А недалеко от ворот и правда чёрным пятном виднелась подпалина, что дотягивалась почти до самых заборол.

– Пойдём, – Рарог взял Грозу за руку и решительно повёл дальше по улице. Мимо опустевших без женщин и детей изб.

– Куда? – на попыталась вырваться. – Вам же нельзя близко к острогам подходить.

– Нам многое можно, – огрызнулся ватажник. – Да не всегда надо лезть, куда не просят.

– А ты это и собираешься сделать, – хмыкнул позади Чурила. – Влезть туда, куда тебя никто не зовёт. Пусть идёт дальше сама, а то ещё попадём под горячую руку воеводы. Он сейчас, верно, зол.

Рарог ничего отвечать не стал – не выпуская руки Грозы, всё так же твёрдо он шёл дальше. Мимо выгоревших дворов, усеянных досками, обугленным тряпьем и скарбом домашним, который, видно, ещё пытались вытащить из огня. А может, его вышвырнули на улицу русины, когда искали, чем поживиться. Белодоля – весь большая, поля вокруг обширные и до ближнего города хоть и далеко, да не слишком: ни одного торгового не пропускали местные, целыми семьями ездили. И казалось, ни души вокруг. Но кое-где ещё раздавались приглушённые женские голоса. Как будто не все ушли, ждали чего-то или откладывали миг, когда дом свой покинуть придётся. А все мужи, что сражаться могут, теперь в остроге собрались: многое воеводе надо им сказать, чтобы русинов отбить, коли снова сунуться посмеют.

Больше ватажники не пытались вразумить своего старшего, но не оставили его вместе с безумием, что, казалось, обуяло его вмиг: где это видано, чтобы находник раз за разом судьбу испытывал? Сначала в сам детинец Волоцкий сунулся. А теперь вот и в острог, что был одним из самых больших в княжестве.

Ещё попадались по дороге чуть отставшие телеги с кое-каким уцелевшим, ценным скарбом. И женщины с детьми, которые старались догнать тех, кто ушёл вперёд. Никто ничего не спрашивал у путников, да они вряд ли походили на тех, кто навредить может.

Стены Белого Дола всё росли и росли, становясь ближе. Благо, сильно он не пострадал: видно, попытав удачи, но встретив отпор, русины быстро отступились. И сердце замирало от мысли, что вот сейчас надо с отцом встретиться. Ещё и отвечать, когда он спросит, как тут оказалась и почему с такими спутниками.

Ворота были закрыты, стража свесилась из бойниц, выглядывая, кого принесло под самые бычьи рога.

– Гроза, ты, что ли? – удивлённый возглас взрезал напряжённую тишину.

– Я. К воеводе Ратибору, – она задрала голову, пытаясь выглядеть хоть одно знакомое лицо.

Но не успела: ворота распахнулись, скребя по притоптанной земле, и теперь уж Грозе черёд пришёл Рарога за собой тянуть, и не сразу она заметила, что рука её до сих пор в его ладони лежит. А как поняла – высвободилась тут же. Ещё не хватало, чтобы другие видели: подумают невеста что.

Внутри было людно. И верно ведь: из веси мужики тоже за стенами собрались. Кто со своим оружием – если было – кому нашли что-то в остроге. Но каждый сейчас был наготове в любой миг бой принимать. Поняли уже, верно, что не всегда заранее узнать можно, когда русины пожалуют.

Мужики смотрели на идущих между постройками людей с подозрением, и немногие узнавали Грозу, но вид девицы малость всех успокаивал.

Гроза услышала голос отца ещё издали. Метнулась вперёд, шаря взглядом по сторонам – и увидела наконец широкие плечи Ратши, его волосы пепельные, прикрывающие шею. Он резко махнул рукой, что-то втолковывая кметю, и тот аж голову чуть пригнул. А после глянул над его плечом – и улыбнулся.

Воевода повернулся – и его лицо вытянулось заметно. А особенно как показались вслед за Грозой трое мужиков наружности грозной. Он сделал навстречу несколько широких шагов – и тут же объял тяжёлыми руками стан дочери.

– И каким же ветром тебя сюда занесло, Гроза? – прошептал, прижимаясь губами к её виску.

– Не могу я там больше, отец, – она ткнулась ему в шею, вдыхая родной запах. Запах дома и надёжных стен, в которых нет тех печалей, что нельзя было бы преодолеть. – Тревожно мне за тебя.

Он отстранился, взглянул с укором, поглаживая легонько по голове, по растрёпанным волосам.

– Что мне сделается, – усмехнулся горько, а после посмотрел на Рарога и его людей.

Лоб его прорезали морщины – и разгладились, как будто он и сам не поверил в то, что увидел.

– Здрав будь, Ратибор, – почтительно кивнул ему старшой. – Принимай гостей. Говорить будем о том, что у вас тут дёется.

Глава 7

– Иди, Гроза, – попытался отослать дочь Ратша.

Качнул головой в сторону приземистого терема, не такого стройного, как в Волоцке, тёмного от времени, что он стоял здесь. Грозе приходилось жить здесь раньше, она помнила его запах – крепкого дерева и воинской силы, заключённой в стали и дублёной коже, его темноватые переходы и горницы с маленькими оконцами. Здесь она чувствовала себя по-особенному. Почти как дома. Наверное, потому что рядом был отец.

– Чего это? – она уцепилась за его рукав. – Я тоже послушать хочу, о чём вы говорить будете. Что творится здесь, где русь и скоро ли придёт?

Ратша вздохнул тяжело, а Рарог посмотрел на него сочувственно. Вот ведь поганец какой! Словно тяжестью большой для него был путь сюда с ней на борту, будто донимала его Гроза. Да, кажется, никто особо не страдал.

– Тогда пойдёте хоть в общину, – буркнул отец. – Не стоять же посреди двора.

Он пошёл впереди, а остальные за ним. Гроза, всё ещё цепляясь за его локоть: и отпустить никак не могла, до того рада была его видеть в здравии и в ясном уме. Верно, опасность и схватка с русинами так его встряхнули. Может, и не зря Владивой отправил его в Белый Дол, подальше от спокойного Волоцка, куда не всякая русь доберётся. Здесь ему приходилось быть сосредоточенным и не пускаться в сожalenия об ушедшей жене, которая забрала часть его души и часть жизни – наверное. Хоть и горько было видеть что всё ж постарел заметно Ратша за те луны, что они не виделись. А ведь князя всего на две зимы старше. Вот и седина между русых прядей, и нечёткая линия всегда твёрдого подбородка, поросшего длинной щетиной. И морщинки, разбегающиеся от уголков глаз. И на миг представилось, что любой мужчина, который когда-то может Грозу полюбить, станет таким же. Будет так же маяться, не находя покоя в душе, когда она тоже уйдёт. Представила Владивоя, всегда решительного, непоколебимого, его лицо – точёное, взгляд – острый, от которого порой и под лавку забиться охота. И губы – неожиданно пленительные, мягкие. Разве может князь стать вдруг невольником желаний и несбыточных чувств? Безнадёжных уже в тот миг, как пробежала первая искра по сердцу?

А вслед за ним Гроза почему-то о Рароге подумала. И с чего вдруг? Вот уж у кого ветер в голове и душе: ни за что не цепляется. Гуляет там, где теплее, где девицы улыбаются слаще. Нечего о нём тревожиться! Но почему же так беспокойно?

Гроза всё же не удержала тихого всхлипа – и натолкнулась на взгляд отца.

– Что случилось? – он покосился на ватажников, которые держались позади.

Наверное, подумать успел, что кто-то из них её обидел, а она скрывает от страха. И его губы сжались в узкую линию, а крепкие пальцы перехватили запястье.

– Нет, ничего, – Гроза замотала головой, опасаясь, что он сейчас домыслит то, чего вовсе нет, а там ещё успокаивай его, буйного, пока поймёт, что и правда ничего дурного не было. – Просто соскучилась.

Она прижалась щекой к плечу Ратши, и так они дошли до общины. Там и расселись за столом. Только воевода ещё успел челядинку подзвать и тихо сказать ей, чтобы обедню уже подавали и на гостей, так внезапно прибывших, не забыли посуду поставить. Девица убежала, с любопытством глянув на мужчин, а воевода повернулся к ним, складывая перед собой руки на столе.

– Так чего ты предложить хочешь?..

– Рарог, – закончил за него старшой. И взгляды их, устремлённые друг на друга, на миг стали чуть выразительнее.

Ратша кашлянул, но спорить не стал, не стал ни о чём расспрашивать, словно принял желание Рарога не называть своего настоящего имени. А Гроза вдруг почувствовала себя уязв-

лённой, как будто право имела знать о его жизни чуть больше, чем знала. Уложить к основанию их ещё одно брёвнышко сверху, чтобы дальше поднялся над землёй целый крепкий сруб, в котором можно быть уверенной: простоит века. Но тут же одёрнула себя: зачем ей это? Зачем пытаться лучше узнать находника, который сегодня здесь, а завтра совсем в другой стороне, обчищает захваченную лодью?

– Рарог, значит, – всё же хмыкнул Ратша. – А мы голову ломали два лета, кто ты такой есть.

– Такой вот и есть, – тот пожал плечами. – Так русов-то когда снова ждёте? Соглядатаев за ними отправили?

– Отправили, – на удивление спокойно отчитался воевода. Как будто видел в старшем того, кто в походах на реке смыслил гораздо больше него. – Те вернулись скоро. Сказали, что русь лодьи из воды вытащила и ушла через рям здешний, что под Вельсенкой за излучиной Жити. А как иначе: там река мелкая. Даже на стругах не пройти. А порой и на лодке.

– Знаю, – озадаченно потёр подбородок Рарог.

И отчего-то отрадным было увидеть на лице отца интерес острый. Как будто не осуждал он вовсе находников за всё, что они творили, а увидел в них вдруг возможную подмогу. Может быть, и к добру они тут появились: Рарог вовсе не поспешил увильнуть, сбежать, оставив Грозу под воротами острога. Вновь решил ввязаться туда, куда и не собирался? И Ратша как будто понимал это, оттого слегка удивлялся. Молчание повисло в общине, тяжёлое, напряжённое ото всех раздумий, что сейчас разрывали головы мужам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.